

С. 452
Б. 43

ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2/2001

ЗМЕСТ

ІМЁНЫ У ГІСТОРЫІ УНІВЕРСІТЭТА

Яноўскі А.А., Зэльскі А.Г. Рэктар Уладзімір Антонавіч Тамашэвіч	3
---	---

ГІСТОРЫЯ

Янкоўскі Ю.Ю. Этноэкалогія: асновы напраўлення, актуальнасць і перспектывы ісследований в Беларусі	10
Гужалоўскі А.А. Станаўленне сеткі краязнаучных музеяў у БССР у 20-я гады XX ста- годдзя	15
Мазарчук Д.В. Істочнікі кніг Эзры і Нехемі (тэкставыя блокі і іх паходжанне)	20
Менькоўскі В.І. Англі-амерыканская саветалогія в 1960–1980-е гг.	26
Кур’яновіч А.В. Сацыяльная історія в ФРГ: зароджанне і ўнутраныя заканамерно- сці дынамікі	31

ФІЛАСОФІЯ

Ероўенка В.А., Міхайлова Н.В. Філасофія матэматыкі Іммануіла Канта і непера- даваемы ўпыт чувственнай інтуіцыі	36
Сідоренка І.Н. Праблема історычнасці існавання чалавека в контексте запад- наеўрапейскай філасофіі XIX–XX вв.	44
Пінскі Д.А. Прынцып пользы: нарматывная праграма класічнага ўтылітарызма в этыке	49

ПСІХАЛОГІЯ

Кузьменка С.А. Дынаміка пастаянства і змянення асобы на працягненні яе жызненнага шляху	56
Шапошнікова О.В. Аспекты прафесійнага самоападкалення: прафесійна- ны ўбор і эмацыянальна-чувственнае адношэнне к прафесіі	61
Сагайдак Д.І., Фролов Г.І. Ісследованне надзейнасці тэстаў сілы нерваўнай сістэмы па адношэнню к возбуджанню	67

ПАЛІТАЛОГІЯ

Божанов В.А. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 г. і яе новая рэдакцыя 1996 г.: сравніцельны аналіз інстытута прэзідэнства	71
Подкопаев В.В. Праблемнае поле ісследовання зліт в контексте феномена іден- тычнасці	76

САЦЫЯЛОГІЯ

Курылович Н.В. Гендерныя ісследованія сродстваў масавага інфармацыі (метода- лагічны аспект)	81
---	----

ЭКАНОМІКА

Воробьева Е.М., Воробьев А.В. К впрасу о методолаліі сраўніцельнага аналіза эканамічных сістэм	84
Максіменка-Новохрост Т.В. Корпаратывнае ўправленне: методолалія і мадэлі	89
Черченко Н.В. Развіццё міжнароднага торгавлі в сраўняльных ўмовах	94

ПРАВА

Рубіс А.С. Развіццё заканадаўства о функцыях пракурора при асаўшчэненні нагляда за дознаннем і прадварыцельным следствіем в перыод с 1917 г. по настаячэе время	98
Капустін А.В. Праіздвоство по далам, вознікаючым из адміністрацывна-прававых адношэнняў: впрасы тэорыі	104
Курак А.І. Прававыя праблемы взаімадзействія месчнага ўправлення і самоўпра- влення с арганами ўнутраных дала в абееспеченні закананасці і правапарядка	108
Сацэко П.І. Отграінічэнне хуліганства от некотарах смежных саавава праступленняў	113

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Псіхалогія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

2/2001

ЛІПЕНЬ

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛДЗЯРЖ-
УНІВЕРСІТЭТА

МІНСК
БДУ

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЗЬ

Рэдакцыйная калегія серыі:

**А.А. ЯНОУСКІ (адказны рэдактар),
С.А. БАЛАШЭНКА, В.М. ГАДУНОУ, А.М. ДАНИЛАУ, А.І. ЗЕЛЯНКОЎ
(нам. адказнага рэдактара), М.М. КАВАЛЁУ (нам. адказнага
рэдактара), Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ,
С.В. РАШЭТНІКАУ, А.С. СЛЯПОВІЧ, І.А. ФУРМАНАУ, С.М. ХОДЗІН,
У.М. ХОМІЧ, А.В. ШАРАПА**

**Заснавальнік:
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт**

Рэгістрацыйны № 805

ВЕСТНИК БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАўНАГА УНІВЕРСИТЕТА

Серыя 3, № 2, 2001

**Адрас рэдакцыі: 220050, Мінск, вул. Бабруйская, 7, каб. 412, 413, тэл. 209-54-00
E-mail vestnik_bsu@research.bsu.unibel.by**

На рускай і беларускай мовах

Рэдактар Л.К. Бацюшкава

Карэктар Л.А. Меркуль

Тэхнічны рэдактар Ю.І. Дзянісаў

Набор і верстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Р.Я. Аўсянікавым, Ю.І. Дзянісам

**Падпісана да друку 13.07.01. Фармат 70х108 1/16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк арк. 10,33 Ум. фарб.-адб. 10,35. Ул.-выд. арк. 12,18. Тыраж 380 экз. Заказ 434.
Цана 1371 р.**

**Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў Выдавецкім цэнтры БДУ
220030, Мінск, вул. Чырвонаармейская, 6
ЛП № 284 ад 21.05 98.**

© Вестнік БДУ, 2001

імяны у гісторыі ўніверсітэта

А.А. ЯНОУСКІ, А.Г. ЗЕЛЬСКІ

РЭКТАР УЛАДЗІМІР АНТОНАВІЧ ТАМАШЭВІЧ

*"Зараз ўніверсітэт, зруйнаваны вайною, хутка адраджаецца".
У.А. Тамашэвіч*

Кожны рэктар БДУ быў чалавекам незвычайным, цікавым, што накладвала свой адбітак на жыццё і нават воблік ўніверсітэта. Аб'ядноувала ўсіх кіраўнікоў галоўнай вышэйшай установы адно – сярод іх не было абыякавых людзей, усе яны ў той ці іншай ступені спрыялі развіццю ўніверсітэта, пакінулі ў ім свой след. Не быў выключэннем і Уладзімір Антонавіч Тамашэвіч.

Нарадзіўся Уладзімір Антонавіч 22 лютага 1899 г. у Менску. Амаль праз паўстагоддзе ён стане першым рэктарам, паходжаннем з горада, а не з вёскі. Згодна з сямейнымі паданнямі адзін прадзед У.А. Тамашэвіча удзельнічаў у паўстанні Т. Касцюшкі, быў пазбаўлены шляхецтва, прымаў удзел у вайне 1812 г. і па вяртанні пасяліўся ў Менску.

Вядома, што Уладзімір Тамашэвіч скончыў у 1913 г. гарадское вучылішча і ўладкаваўся на працу наборшчыкам у друкарню газеты "Копейка" ўпраўлення Лібава-Роменскай чыгункі ў Менску. Атрыманая адукацыя, а таксама штодзённае знаёмства з газетнымі навінамі аказалі пэўны уплыў на фарміраванне юнака. У сакавіку 1918 г. ён уступіў у РКП(б) і быў прызваны ў Чырвоную Армію. Камуністаў у Чырвонай Арміі ў той час было няшмат, а адукаваных людзей і зусім мала. Таму У.А. Тамашэвіч быў накіраваны на камандзірскія курсы ў Петраград.

Прымаючы удзел у баявых дзеяннях, Уладзімір Тамашэвіч атрымаў раненне і працягваў вайсковую службу больш не мог. За свае заслугі ён быў узнёсены, як было прынята ў той час, імянной зброяй – маўзерам.

Несумненныя здольнасці, адукацыя і ідэйныя погляды не засталіся незаўважанымі. У 1921 г. па рашэнню ЦК РКП(б) У.А. Тамашэвіч быў накіраваны на вучобу ў Камуністычны ўніверсітэт імя Я.М. Свядлова ў Маскву, які рыхтаваў кадры савецкіх і партыйных работнікаў. Вучыўся У.А. Тамашэвіч на аддзяленні адміністрацыйнага права секцыі юстыцыі. Сярод тых, хто выступаў перад навучэнцамі ўніверсітэта, былі і І.В. Сталін, і Л.Д. Троцкі. Наведваў універсітэт і У.І. Ленін. Таму Уладзімір Тамашэвіч засвоіў цвёрда прынцып – прытрымлівацца афіцыйнага курсу партыі. Атрымаўшы вышэйшую палітычную адукацыю, У.А. Тамашэвіч у 1924 г. быў накіраваны на працу ў г. Арцёмаўск (Украіна) загадчыкам аддзела агітацыі і прапаганды гаркома КП(б)У. Перакананасць у поглядах і ідэйная цвёрдасць У.А. Тамашэвіча, а таксама яго працавітасць спрыялі прасоўванню па партыйнай лесвіцы. У 1926 г. У.А. Тамашэвіч працуе ўжо ў Адэсе ў акруговым камітэце КП(б)У намеснікам загадчыка агітпропа. Толькі ў 1929 г. ён вярнуўся ў Менск¹. У родным горадзе У.А. Тамашэвіч заняў пасаду намесніка рэктара па вучэбнай частцы Камуністычнага ўніверсітэта Беларусі імя

У.І. Леніна і адначасова ўзначаліў у ім кафедру савецкай эканомікі. У 1932 г. універсітэт быў рэарганізаваны ў Вышэйшую камуністычную сельскагаспадарчую школу Беларусі і Камуністычны інстытут журналістыкі. У.А. Тамашэвіч вярнуўся да ранейшай партыйнай работы і да 1934 г. загадваў аддзелам прапаганды і агітацыі ў Гомелі.

Аднак, як і любы чалавек, пасля напружнай працы Уладзімір Антонавіч любіў адпачыць і ў той час вельмі сур'ёзна захапіўся фізкультурай. Асабліва па душы яму прыйшоўся канькабежны спорт. Ён нават стаў пераможцам на гарадскіх спаборніцтвах па гэтаму віду спорту. І на каньках ён катаўся да старасці.

Па рашэнню ЦК КП(б)Б У.А. Тамашэвіч быў накіраваны на вучобу ў Эканамічны інстытут Чырвонай прафесуры ў Маскву, затым новым месцам яго працы стаў Калінінскі абком УКП(б)². Пра гэты час – перыяд масавых рэпрэсій, асабліва супраць работнікаў дзяржаўнага і партыйнага апарату – Уладзімір Антонавіч ніколі не расказваў. Ён стаў вельмі-вельмі асцярожным. Баяцца было чаго: у гэты час былі рэпрэсіраваны двое мужоў яго родных сясцёр. Распавядаюць, што Уладзіміру Антонавічу аднойчы патэлефанаваў ягоны сябра і папярэдзіў, каб той не з'яўляўся на месца службы і з'ехаў на некаторы час, бо пайшлі масавыя "чысткі". І Уладзімір Тамашэвіч цэлы тыдзень правёў на цягніках, пераязджаючы з горада ў горад, доўга дабіраючыся да месца службы. Безумоўна, гэты час наклаў на яго непазбыўны адбітак. У 1938 г. У.А. Тамашэвіч пакінуў партыйную работу і быў накіраваны працаваць ва Усесаюзнае фінансаво-эканамічнае завочнае інстытут у Маскве, дзе ўзначаліў кафедру палітэканоміі. У верасні 1939 г. яму прысвоілі званне дацэнта гэтай кафедры. У даваенны час ім былі напісаны першыя працы – "Метадычныя ўказанні і матэрыялы па курсу палітэканоміі" і "Метадычныя ўказанні па гісторыі палітэканоміі", якія убачылі свет у Маскве і Мінску ў 1941 г.³ У першыя месяцы вайны У.А. Тамашэвіч знаходзіўся ў Маскве. Паздней яго як палітработніка запasu прызвалі ў армію. Старшы інструктар палітаддзела штаба 4-й стралковай Маскоўскай дывізіі У.А. Тамашэвіч ваяваў на Заходнім фронце. У 1942 г. ён быў цяжка паранены і кантужаны, і яго камісавалі. За ўдзел у баях пад Масквой быў узнагароджаны медалём "За оборону Масквы", а праз некалькі гадоў – медалямі "За доблестный труд в Великой Отечественной войне" і "За победу над Германией в Великой Отечественной войне".

У 1943 г. У.А. Тамашэвіч стаў працаваць дацэнтам кафедры палітэканоміі ў Маскоўскім інстытуце інжынераў чыгуначнага транспарту. У гэты ж час праз Беларускі штаб партызанскага руху ён адшукаў сваю сям'ю, якая пераехала ў Маскву. У 1944 г. У.А. Тамашэвіч пазначаны сакратаром Мінскага абкома КП(б)Б. У гэты час ён пазнаёміўся і пасябраваў з В.І. Казловым, які тады быў першым сакратаром Мінскага абкома і гаркома КП(б)Б. Добрыя ўзаемаадносіны працягваліся ў іх доўгія гады. У 1946 г. У.А. Тамашэвіча выклікаў В.І. Казлоў і заявіў, што неабходна ўмацаваць адукацыйны фронт, а для гэтага сакратар абкома па ідэалогіі накіроўваецца на пасаду рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Чаму выбар менавіта выпаву на У.А. Тамашэвіча? Магчыма, таму, што ён быў ледзь не адзіны сярод тагачасных кіраўнікоў з вышэйшай адукацыяй і навуковым званнем дацэнта. Магчыма, пэўную ролю адыграла і тое, што і ў час працы ў абкоме ён не кідаў выкладчыцкую дзейнасць і ўзначальваў кафедру палітэканоміі Мінскага педінстытута⁴. 1 снежня У.А. Тамашэвіч быў прызначаны, а 12 снежня зацверджаны рэктарам БДУ⁵.

Універсітэт да 10 красавіка 1946 г. знаходзіўся ў структуры Наркамата асветы БССР. Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 10 красавіка 1946 г. было ўтворана Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР, і БДУ перайшоў у распараджэнне гэтага міністэрства⁶. У гэты час у складзе ўніверсітэта функцыяніравала 6 факультэтаў: біялагічны, геаграфічны, гіста-

рычны, фізіка-матэматычны, філалагічны, хімічны. Факультэт журналістыкі па загаду Камітэта па справах вышэйшай школы пры Савеце Міністраў СССР быў ператвораны ў аддзяленне філфака БДУ яшчэ 5 красавіка 1946 г.⁷

Адразу не спадабалася новаму рэктару, што ўсіх студэнтаў ледзь не штодня мабілізоувалі на разборку руін, расчыстку вуліц. Таму часу на вучобу заставалася нямнога, і адразу пасля заняткаў усе вымушаны былі ісці на добраапапарадкаванне горада. Па прапанове У.А. Тамашэвіча студэнцкая праца на будоўлях была нарміравана. У 1947/48 навучальным годзе ўніверсітэт працаваў у звычайным рытме. У гэты час у БДУ навучалася каля 1400 студэнтаў на дзённай форме і 956 студэнтаў-завочнікаў. Прафесарска-выкладчыцкі калектыў налічваў 163 чалавекі. Характэрна, што пераважная большасць з іх былі выхаванцамі ўніверсітэта. У верасні 1947 г. газета "Звязда" змясціла артыкул У.А. Тамашэвіча, у якім рэктар раскажаў аб дзейнасці ўніверсітэта і задачах на будучыню. У прыватнасці, У.А. Тамашэвіч адзначыў, што за мінулы год (маецца на увазе 1946/47 навучальны год) экзаменацыйная сесія і дзяржаўныя экзамены прайшлі больш арганізавана і што дыпломныя работы "насілі пераважна эксперыментальны характар і адпавядалі тэматыцы, якая распрацоўвалася інстытутамі і кафедрамі"⁸. Рэктар канстатаваў, што вялікае месца ў развіцці БДУ займае навукова-даследчая работа. У 1946 г. было закончана 17 навукова-даследчых тэм, у план 1947/48 навучальнага года ўключана 162 тэмы, з іх 32 намечаны як доктарскія дысертацыі, а 22 – як кандыдацкія. У гэты час у БДУ працавалі навуковыя інстытуты біялогіі і хіміі. Інстытут біялогіі даследаваў пытанні вегетацыйнага размнажэння бульбы, скарыстання балот Беларусі, баланс звароту рэчыва паміж расліннасцю і глебай, вывучаў структуру глебы, распрацаваў метады барацьбы з пустазеллем. Інстытут хіміі займаўся даследаваннем смол кок-сагізу, праблемамі скарыстання лубіну ў прамысловасці, распрацоўкі шкіпінару і інш.

Рэктар вымушаны быў звярнуць увагу на з'яўленне значных недахопаў у выкладанні і вывучэнні асноў марксізму-ленінізму, палітэканоміі, дыялектычнага і гістарычнага матэрыялізму, асабліва на вузкаспецыялізаваных кафедрах – тэарэтычнай фізікі, біялогіі раслін і г. д. Гэтыя хібы сталі ўжо хутчэй традыцыйнымі, чым надзвычайнымі. У сувязі з выкладаннем гуманітарных дысцыплін, у тым ліку і гісторыі, Уладзімір Антонавіч ці не ўпершыню звярнуў увагу на выкладанне і вывучэнне гісторыі такіх навук, як геаграфія, хімія, біялогія, матэматыка і г. д. У традыцыйным стылі таго часу рэктар запатрабаваў "ўзмацніць барацьбу з чуждым савецкаму народу рабалецтвам і нізкапаклонствам перад буржуазнай навукай", ўзмацніць барацьбу з "рэакцыйнымі буржуазнымі тэорыямі"⁹. лепшым сродкам барацьбы з гэтым У.А. Тамашэвіч бачыў папулярызацыю сярод студэнтаў вялікіх дасягненняў савецкай навукі і культуры і яе сусветна-гістарычнага значэння, правядзення навуковых канферэнцый – "ламаносаўскіх", "мендзялееўскіх", "паўлаўскіх" і іншых чытанняў. Акрамя таго, рэктар патрабаваў пашыраць дзейнасць навуковых семінараў, больш увагі удзяляць рабоце студэнцкіх навуковых гурткоў, семінараў, канферэнцый. Пашыралася структура БДУ. У верасні 1947 г. ва ўніверсітэце былі адчынены новыя аддзяленні: на гістарычным факультэце – філасофскае, на філалагічным – логікі і псіхалогіі. Да 30-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі, да "круглай даты", як было прынята, выйшлі "Навуковыя запіскі БДУ" і два юбілейныя зборнікі – асобна для студэнтаў і для выкладчыкаў. Важным крокам стала аднаўленне ўніверсітэцкай шматтыражнай газеты – 7 лістапада 1947 г. убачыў свет першы нумар газеты "За сталінскія кадры" (да вайны – "За ленінскія кадры")¹⁰.

10 лютага 1948 г. ва ўніверсітэце адбыўся партыйны сход. З дакладам на ім выступіў рэктар, які прааналізаваў работу асобных кафедраў, дэканатаў, грамадскіх арганізацый за першы семестр. У.А. Тамашэвіч адзначыў, што ўпершыню за тры гады (значыць, за пасляваенны час) поўнаасцю выкананы

вучэбны план і значна павысілася паспяховасць студэнтаў. Аднак выявіліся і значныя хібы у падрыхтоўцы студэнтаў – дэканаты і асабліва кафедры не кантралявалі вучэбны працэс. Так, не выканалі сваіх задач кафедры эканамічнай геаграфіі, рускай літаратуры і мовы, агульнага мовазнаўства, а дэканат пстарычнага факультэта запланаваў дрэнны расклад лекцыйных і практычных заняткаў¹¹. Мноства недахопаў было і у навукова-даследчай рабоце студэнтаў. Хаця рэктар патрабаваў стварыць пры кожнай кафедры студэнцкі навукова-даследчы гурток, аднак праца ішла фармальна, асабліва на філалагічным факультэце. Для актывізацыі і паляпшэння дзейнасці студэнцкіх навуковых гурткоў было вырашана арганізаваць Студэнцкае навуковае таварыства БДУ. Першым крокам да паляпшэння становішча стала правядзенне першай пасля аднаўлення работы ўніверсітэта студэнцкай навуковай канферэнцыі – 26 сакавіка у 12 гадзін у будынку фізмата. 17 красавіка 1948 г. пасля доўгай падрыхтоўкі нарэшце было ўтворана Студэнцкае навуковае таварыства. Спачатку яно аб'яднала 26 чалавек, але да ліпеня колькасць павялічылася да 148. У склад Савета таварыства увайшлі рэктар У.А. Тамашэвіч, прарэктар па навуцы прафесар М.Е. Макушок (ён жа старшыня), дацэнты Ф.М. Нячай, Ф.І. Фёдараў і інш. На кожным факультэце ўтвараліся аддзяленні СНТ. У ліпені быў падрыхтаваны да друку зборнік студэнцкіх навуковых работ¹².

Найбольш важным клопатам рэктара У.А. Тамашэвіча заставаўся працяг справы аднаўлення ўніверсітэцкага гарадка. Памяшканняў для заняткаў не хапала катастрофічна. Так, пстфак займаўся ў дзве змены ў школе № 4. Групу студэнтаў літаральна з боем захоплівалі аўдыторыі. Астатнія вымушаны былі блукаць па паверхах у пошуках месца для заняткаў, марна трацячы час. У лютым – жніўні 1948 г. хуткімі тэмпамі ішлі аднаўленчыя работы. Непасрэднае кіраўніцтва ажыццяўляў прарэктар па гаспадарчай галіне Ф.К. Шышкоў. Быў заключаны дагавор з будаўніча-монтажным трэстам "Белтрактофбуд" Галоўнага ўпраўлення прамысловага будаўніцтва пры Савеце Міністраў БССР. Да сярэдзіны жніўня аднавілі біяфак. Будаўнічыя работы на хімфаку скончыліся ў кастрычніку і каштавалі 2,5 млн р. На 500 тыс. р. было закуплена мэблі і абсталявання, у вестыбюлях адноўленых карпусоў узвялі манументальныя скульптуры Леніна і Сталіна. У чэрвені – жніўні былі адрамантаваны інтэрнаты на вуліцах Няміга, Маскоўская, Віцебская, куды перасяліліся студэнты, што жылі ў памяшканнях карпусоў хімфака. Былі адрамантаваны дамы для выкладчыкаў па вуліцах Кірава і Цэткін. Па рашэнню гарадскіх улад Мінска кожны жыхар горада павінен быў адпрацаваць у 1948 г. па пяць рабочых дзён. У.А. Тамашэвіч звярнуўся да гарадскіх арганізацый за дазволам скарыстаць гэтыя дні калектывам універсітэта для упарадкавання новых карпусоў і іншых аб'ектаў БДУ. Хадайніцтва было задаволена¹³.

Не спынілася грамадска-палітычнае жыццё. Праўда, той "рух" ва умовах сталінскага ўціску набываў драматычны характар. Па рашэнню вераснёўскай нарады бюро ЦК КП(б)Б пачаліся "чысткі" у Акадэміі навук, якія закранулі і БДУ. Ад абавязкаў акадэміка-сакратара аддзялення біялагічных, сельскагаспадарчых і медыцынскіх навук АН БССР быў вызвалены Ц.М. Годнеў, зняты з працы дэкан біялагічнага факультэта БДУ В.Д. Акімава, загадчык кафедры заалогіі прафесар Г.Г. Вінберг і інш. Былі прыняты тэрміновыя захады дзеля "укамплектавання складу выкладчыкаў біяфака, у першую чаргу кафедраў дарвінізму і генетыкі, кадрамі мічурынцаў"¹⁴. Пасля пастановы ЦК ВКП(б) «Аб оперы "Вялікая дружба" В. Мурадэлі» розныя "музыказнаўцы" з гістфака, філфака з "адзінадушным адабрэннем пстарычнай пастановы" давялі да беларускай грамадскай адзнаку творчасці С. Пракоф'ева, Дз. Шастаковіча, А. Хачатурана – "дысгармонія, адсутнасць рытму і эмацыянальнага зместу", "фармалістычныя скажэнні", "маразм буржуазнай культуры"¹⁵. Таму натуральна, што ва ўніверсітэце ўзмацнілася ідэалагічная работа.

На усіх факультэтах былі уведзены дзяржэкзамены па асновах марксізму-ленінізму, праводзіліся абавязковыя палітінфармацыі. На адбышымся партсходзе У.А. Тамашэвіч запатрабаваў шырэй разгортваць крытыку і самакрытыку, выяўляць недахопы у рабоце універсітэта, заклікаў выконваць рашэнні XVI пленума ЦК КП(б)Б. іншыя прамоўцы, у прыватнасці прарэктар Н.Е. Рагозін, адзначылі слабы ўдзел выкладчыкаў у грамадскім жыцці універсітэта. Ужо у кастрычніку крытыка і самакрытыка разгарнуліся на усіх факультэтах. Камуністы і камсамольцы гістфака, кіраўнікі партбюро хімфака і фізмата нават асуджаліся за самазаспакоенасць і адсутнасць фактаў крытыкі¹⁶.

Універсітэт паступова залечваў раны вайны. Адраджалася культурнае жыццё. У 1947 г. пачаў працаваць універсітэцкі клуб выхаднога дня, які наладжваў сустрэчы з беларускімі вучонымі, пісьменнікамі, паэтамі, артыстамі. 21 снежня 1947 г. студэнты сустрэліся з Піменам Панчанкам, Анатолем Вялюпным, Аляксандрам Міронавым. У красавіку універсітэт наведаў лаўрэат Сталінскай прэміі Максім Танк. Сустрэча была знята на плёнку брыгадай студыі кінахронікі. Наладжваліся культурныя сувязі з іншымі вышэйшымі навучальнымі ўстановамі краіны. Так, універсітэт г. Тарту запрасіў студэнтаў БДУ прыехаць з канцэртаў мастацкай самадзейнасці, каб "пазнаёміць эстонскіх студэнтаў з гучнымі песнямі і цудоўнымі танцамі беларускага народа"¹⁷. У гэты час У.А. Тамашэвіч працаваў не пакпадаючы рук. Рана ішоў на працу і позна вяртаўся. Аднаўленне універсітэта і гаспадарчыя пытанні літаральна зацягвалі, у той жа час прыходзілася не спыняць і педагагічную дзейнасць. Пасля раптоўнай смерці загадчыка кафедры палітэканоміі прафесара А.І. Лур'е у сакавіку 1948 г. ён узначаліў гэтую кафедру.

Шмат часу адымала і грамадска-палітычная работа. Яшчэ ў студзені 1948 г. У.А. Тамашэвіч быў абраны дэпутатам у Мінскі абласны савет дэпутатаў працоўных. Да таго ж Уладзімір Антонавіч валодаў рэдкім стылем стварэння літаратурна і палітычна вытрыманых пісьмовых дакладаў і службовых запісак і г. д. Таму кіраўнікі ЦК КП(б)Б часта даручалі яму пісаць адміністрацыйныя паперы, што, натуральна, адцягвала ўвагу ад асноўнай працы¹⁸. У час адсутнасці рэктара яго абавязкі выконваў новы прарэктар па навуковай частцы А.П. П'янкоў. Аднак універсітэт не заставаўся па-за увагай самога У.А. Тамашэвіча. Дзякуючы клопатам рэктара быў адчынены ў БДУ медпункт і зубаврачэбны кабінет. Адпачываючы ў Сочы, ён знайшоў час павіншаваць камітэт ЛКСМБ БДУ з 30-годдзем камсамола¹⁹. У канцы 1948 г. універсітэт складаўся з 6 факультэтаў, у ліку якіх былі аддзяленні, 34 кафедры, 14 лабараторый, 10 кабінетаў, бібліятэкі, якія налічвалі каля 100 тыс. тамоў. У БДУ вучылася 2800 студэнтаў. У СНТ было 30 навукова-даследчых гуртоў, якія аб'ядноўвалі больш за 700 студэнтаў²⁰.

3 нагоды 30-годдзя БССР, якое традыцыйна адзначалася ў пачатку студзеня, загадам Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 21 снежня 1948 г. БДУ было прысвоена імя У.і. Леніна. На урачыстым вечары 4 студзеня 1949 г., прысвечаным гэтай падзеі, выступілі рэктар У.А. Тамашэвіч, сакратар ЦК КП(б)Б М.Т. Іачук, намеснік Старшыні Савета Міністраў БССР К.Е. Кісялёў і інш. 3 нагоды свята указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР і за навуковыя дасягненні шэраг супрацоўнікаў універсітэта былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі, у тым ліку ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга — І.С. Чымбург, А.П. П'янкоў, І.М. Ільюшын, І.В. Гутару, Ц.М. Годнеў, Ф.І. Фёдару; ордэнам "Знак Пашаны" — М.А. Дарожкін, Н.В. Каменская, В.І. Мацко, М.С. Арлоў. Рэктара ж ўзнагародзілі ордэнам Леніна²¹. У лютым 1949 г. на Мінскай абласной партыйнай канферэнцыі Уладзімір Антонавіч быў абраны дэлегатом XIX з'езда КП(б)Б, а неўзабаве яго перавялі на работу ў ЦК КП(б)Б на пасаду сакратара ЦК па аптоцыі і прапагандзе²². Як было заведзена, партыйная наменклатура сталінскага

гарту працавала і днём, і ноччу. Гэтаму рэжыму падпарадкоўваюся і былы рэктар: раніцой ішоу на працу і вяртаўся у 2–3 гадзіны ночы. Паколькі пасада сакратара ЦК адносілася да вышэйшай партыйнай катэгорыі, то у адпаведнасці з гэтым сям'я У.А. Тамашэвіча атрымала 8-пакаёвую кватэру у другім доме Саветаў (сучасны будынак на рагу вул. Маркса і Леніна). Аднак жыць у такой вялікай кватэры, калі Мінск ляжаў у руінах, Уладзімір Антонавіч палічыў не вартым для сабе і загадаў падзяліць кватэру на дзве асобныя, зрабіўшы дадатковы уваход. Аб сваёй рабоце у сям'і амаль не гаварыў.

У ліпені 1950 г. адбыўся пленум ЦК КП(б)Б, які вызваліў М.І. Гусарава ад абавязкаў першага сакратара і члена бюро ЦК КП(б)Б за недахопы у кіраўніцтве сельскай гаспадаркай. Разам з ім былі вызвалены ад пасады і іншыя сакратары ЦК, у тым ліку У.А. Тамашэвіч²³. Працу у ЦК Уладзімір Антонавіч сумяшчаў з пасадай загадчыка кафедры палітэканоміі БДУ, на якой ён пастаянна працаваў з 1950 г. У 1953 г. У.А. Тамашэвіч абараніў дысертцыю, атрымаўшы навуковую ступень кандыдата эканамічных навук. Пятнаццаць гадоў ён узначальваў кафедру. Пад яго кіраўніцтвам кафедра з некалькіх чалавек вырасла ў добразгуртаваны, працаздольны калектыў, які паспяхова спраўляецца з вучэбнай, метадычнай і навуковай работай. На гэты час прыпадае яго асноўная навуковая дзейнасць. У.А. Тамашэвіч прымаў актыўны ўдзел у развіцці навуковых даследаванняў і вучэбна-выхаваўчай работы. Ён было надрукавана каля 30 навуковых і навукова-метадычных работ. Сабраўшы і прааналізаваўшы вялікую колькасць статыстычнага, архіўнага матэрыялу, У.А. Тамашэвіч стварыў некалькі фундаментальных даследаванняў па эканамічнай гісторыі Беларусі: "О некоторых вопросах экономики Белоруссии в дореволюционный период", "Народное хозяйство Белорусской ССР (1920–1927)", "Социалистическая индустриализация БССР в период первой пятилетки" і інш.²⁴

З 1954 па 1956 г. Уладзімір Антонавіч Тамашэвіч знаходзіўся ў дактарантуры пры Інстытуце эканомікі АН СССР. У 1962 г. яму было прысвоена вучоная званне прафесара кафедры палітэканоміі без абароны дысертцыі. Высокакваліфікаваны лектар, выдатны педагог і спецыяліст, які свабодна валодаў матэрыялам, Уладзімір Антонавіч да кожнай лекцыі рыхтаваўся рупліва. Кіраваў ён і падрыхтоўкай аспірантаў, многія з якіх пасля сталі загадчыкамі кафедраў палітэканоміі ВДУ Беларусі. На працягу шэрага гадоў ён узначальваў гарадскі семінар эканамістаў у Мінску, дзе выступаў з дакладамі як для спецыялістаў, так і для шырокіх слаёў насельніцтва²⁵.

У вольны час захапленнем Уладзіміра Антонавіча сталі аўтамабілі. Першая машына "Масквіч" з'явілася ў яго яшчэ падчас працы на пасадзе рэктара. Пазней у яго былі іншыя маркі: "Победа", "Волга-21". Але ён не адносіўся да ліку тых аматараў, што корпаюцца ў машыне з раніцы да вечара. Пра сваё захапленне ён казаў прыблізна так: "Вось я стамлюся, у мяне ужо галава не працуе, тады я саджуся за руль, праязджаю паўсотні кіламетраў – і як ізноў нарадзіўся". Машына была для яго сродкам зняцця нервовага напружання. А яшчэ Уладзімір Антонавіч любіў паэзію. Ведаў на памяць вялікую колькасць вершаў Пушкіна, Блока, Багрыцкага, Кальцова, Ахматавай. Чытаў ён для сабе, але ў цесным гуртку сяброў мог бліснуць сваім талентам. Вершы завучваў па начах, спадзеючыся заснуць хоць караткачасова. Справа ў тым, што ў выніку кантузіі ён згубіў сон і так амаль не спаў на працягу больш 20 гадоў²⁶.

Па сваіх поглядах Уладзімір Антонавіч заўсёды быў перакананым цвёрдым камуністам. Нават незадоўга да смерці ён кпапаціўся пра тое, каб былі ў час заплачаны членскія ўзносы. Праўда, паступовыя змены ў краіне адбіваліся і на ім. Нездарма аднойчы ў размове са сваім пляменнікам-вайскоўцам ён зазначыў, што палітэканомія – гэта як бягучыя каардынаты ў артылерыі – снарад падае кожны раз у новай кропцы. Так і тут – як прайшла

якая-небудзь нарада у ЦК, значыць, пункт гледжання на эканоміку змяняецца, а калі з'езд, то гэта, лічы, усё трэба пачынаць спачатку. Ніколі, аднак, ён не адыходзіў ад сваіх перакананняў, любіў зразумеласць ва ўсім, не цярэў недагаворанасці і нікому не зайздросціў²⁷. Сваю жыццёвую пазіцыю Уладзімір Антонавіч тлумачыў прыблізна так: "Мяне накіравалі на гэтую пасаду, і я павінен тут працаваць з поўнай аддачай, зрабіць усё так, як належыць"²⁸.

Уладзімір Антонавіч Тамашэвіч раптоўна памёр 6 кастрычніка 1983 г. Некралог падпісалі другі сакратар ЦК КПБ Г.Г. Барташэвіч, старшыня Мінгарвыканкома Г.С. Таразевіч, рэктар БДУ Л.І. Кісялеўскі і інш.²⁹.

¹ Гл.: Архіў БДУ. Спр. 1562/1974. Арк. 1, 31. Архіў Музея гісторыі БДУ.

² Гл.: НА РБ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 958. Арк. 4, 17.

³ Гл.: НА РБ. Там жа. Арк. 12, 20.

⁴ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ; НА РБ. Там жа. Арк. 12.

⁵ Гл.: Архіў БДУ. Там жа. Арк. 12, 13.

⁶ Гл.: НА РБ. Ф. 219. Воп. 3. Спр. 1. Арк. 12.

⁷ Гл.: НА РБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 42. Арк. 27.

⁸ Гл.: Тамашэвіч В. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт у новым навучальным годзе // Звязда. 1947. 23 верас.

⁹ Гл.: Там жа.

¹⁰ Гл.: Там жа; Кожушков А.И., Яновский О.А. Белорусский университет: Хроника событий (1919–1989). Мн., 1990. С. 68.

¹¹ Гл.: Ліушыц О. Працаваць яшчэ лепш, чым у мінулым семестры // За сталінскія кадры. 1948. 16 студз.; Дубцоў А. Дэканат плануе // Там жа. 1948. 1 студз.

¹² Гл.: Студэнцкая навуковая канферэнцыя // Там жа. 1948. 26 сак.; Сход Студэнцкага навуковага таварыства // Там жа. 17 крас.; Рубцоў А. Вышэй узяць работу студэнцкага навуковага таварыства // Там жа. 6 ліп.

¹³ Гл.: Фадзеева Л. Аб чым сведчаць факты; Карпусы ўніверсітэта будуць адноўлены // Там жа. 12 сак.; Гараніна А., Саннікаў А. У пошуках аўдыторыі // Там жа. 20 кастр.; Высокая тэмпы аднаўленчых работ; Упарадкаванне карпусоў ўніверсітэта // Там жа. 6 ліп.

¹⁴ Гл.: Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. / М.П. Косцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі і інш. Мн., 1995. Ч. 2. С. 340; Томашевіч В. Белорусский государственный университет к 30-летию БССР // Советская Белоруссия. 1948. 25 дек.

¹⁵ Гл.: Фактаровіч Д.Е. За савецкую музыку; Чэпко В. Адзінадушнае адабрэнне гістарычнай паставы // За сталінскія кадры. 1948. 23 лют.

¹⁶ Гл.: Баркан А. Палітычная вучоба камуністаў хіміфака // Там жа. 16 студз.; Шырэй разгортваць крытыку і самакрытыку (з ўніверсітэцкага партсхода) // Там жа. 17 крас.; Акулаў Р. Сход камуністаў гістарычнага факультэта. Крытыка і самакрытыка – крыніца нашага руху наперад // Там жа. 5 лістап.

¹⁷ Гл.: Літаратурны вечар // Там жа. 1 студз. Сустрэча з лаўрэатам Сталінскай прэміі паэтам М. Танкам // Там жа. 17 крас.; Пісарчык Н. Таварыская сувязь з студэнтамі Эстоніі // Там жа. 12 сак.

¹⁸ Гл.: Памёр А.І. Лур'е // За сталінскія кадры. 1948. 26 сак.; Нашы дэпутаты // Там жа. 1948. 16 студз.; Архіў Музея гісторыі БДУ.

¹⁹ Гл.: Адчынены медпункт // За сталінскія кадры. 1948. 12 сак.; Камітэту ЛКСМБ ўніверсітэта // Там жа. 29 кастр.; Там жа. 7 лістап.

²⁰ Гл.: Урачысты дзень // Там жа. 1948. 7 лістап.; Томашевіч В. Белорусский государственный университет к 30-летию БССР // Советская Белоруссия. 1948. 25 дек.

²¹ Гл.: НА РБ. Ф. 205. Воп. 5. Спр. 1. Арк. 1; Торжественный вечер, посвященный 30-летию БССР и присвоению имени В.И. Ленина Белорусскому государственному университету // Советская Белоруссия. 1949. 5 янв.; За сталінскія кадры. 1949. 4, 17 лют.; Архіў БДУ. Там жа. Арк. 2.

²² Гл.: У.А. Тамашэвіч – дэлегат XIX з'езда КП(б) Беларусі // За сталінскія кадры. 1949. 17 лют.; НА РБ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 958. Арк. 12.

²³ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ; Информационное сообщение // Советская Белоруссия. 1949. 1 окт.; 1950. 6 июля.

²⁴ Гл.: Архіў БДУ. Там жа. Арк. 1, 7; НА РБ. Там жа. Арк. 12, 18, 20, 25, 27.

²⁵ Гл.: НА РБ. Там жа. Арк. 5, 6, 10, 14; Архіў БДУ. Там жа. Арк. 1, 2.

²⁶ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.

²⁷ Гл.: Там жа.

²⁸ Гл.: Архіў Музея гісторыі БДУ.

²⁹ Гл.: Владимир Антонович Томашевич. Некролог // Вечерний Минск. 1983. 10 окт.

Яноўскі Алег Антонавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, прарэктар БДУ па вучэбнай рабоце, загадчык кафедры гісторыі Расіі.

Зельскі Артур Гарыевіч – кандыдат гістарычных навук, дырэктар Музея гісторыі БДУ.

Гісторыя

Ю.Ю. ЯНКОВСКИЙ

ЭТНОЭКОЛОГИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕЛАРУСИ

В настоящее время в культурной антропологии и этнологии существуют такие междисциплинарные направления, как «экологическая антропология» в США (объединяет несколько научных школ, среди которых исторически первой была «культурная экология», возникшая в середине 1950-х гг.) и «этническая экология» («этноэкология») в России (развивается с начала 1980-х гг.). Несмотря на некоторые методологические различия (в российской этноэкологии основными единицами анализа являются именно этнические общности, а не любые человеческие группы или популяции; большее разнообразие теоретических подходов в американской экологической антропологии), между этими направлениями много общего, так как они в центр своего внимания ставят изучение взаимоотношений традиционных обществ со средой их обитания и основываются на понимании культуры как адаптивной системы.

Цели данной статьи – проанализировать развитие экологически ориентированных направлений в культурной антропологии и этнологии, обосновать их научную и практическую актуальность, а также кратко охарактеризовать основные задачи этноэкологического рассмотрения традиционной культуры белорусов.

Проблема взаимосвязи человека, общества, культуры с природными условиями их существования издавна привлекала внимание ученых и мыслителей. В древности о влиянии природно-климатических условий на здоровье человека в своем трактате «О воздухах, водах и местностях» писал Гиппократ с острова Кос (V–IV вв. до н. э.). Следующий этап осмысления рассматриваемой проблемы приходится уже на новое время, на эпоху Просвещения. В XVIII в. Ш.Л. Монтескье связывал разнообразие законов и форм правления с особенностями географической среды, а И.Г. Гердер этими же причинами объяснял различия в типах национального характера. Этих мыслителей можно считать основоположниками географического детерминизма, который в XIX в. преобладал в трудах ученых, изучавших взаимоотношения природы и общества (наиболее известные представители данной теоретической позиции – географы Карл Риттер и Элизе Реклю). Вместе с тем некоторые исследователи понимали упрощенность и односторонность геодетерминизма (преувеличение роли природных факторов в развитии общества и культуры) и предлагали более адекватные концепции. Среди них выделялся выдающийся немецкий географ Фридрих Ратцель (1844–1904), создатель антропогеографии – учения о человеке и природной среде, их взаимодействии, значении географических условий для распространения культурных явлений. По мнению немецкого этнолога

Т. Баргацкого, именно к Ратцелю восходит современная культурно-экологическая исследовательская традиция¹.

Вслед за Ратцелем геодетерминизм подвергли критике американские антропологи Франц Боас, Альфред Кребер и Кларк Уисслер, под влиянием которых в первой половине XX в. сформировалась концепция возможности (от лат. *possibilis* – возможный). Ее суть в том, что природная среда оказывает на образование социокультурных феноменов не активно формирующее, а только ограничивающее влияние. Она предоставляет ряд возможностей для развития стратегий жизнеобеспечения и социальных форм, но не детерминирует их². Одновременно шел процесс теоретического осмысления сущности культуры и ее фундаментальных характеристик, среди которых Джордж Мердок в 1940 г. назвал и адаптивность³.

Все эти концепции и идеи явились теоретическими предпосылками для возникновения в американской культурной антропологии нового научного направления под названием «культурная экология», основоположником которой стал представитель неозолуционизма Джулиан Стюард (1902–1972). Годом рождения культурной экологии принято считать 1955 г., когда вышла его книга «Теория культурных изменений».

Согласно Стюарду, «культурная экология – это изучение процессов адаптации общества к окружающей среде. Ее главной задачей является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера»⁴. В этом определении содержится указание на то, что культурная экология была частью более широкой теории многолинейной эволюции.

Основными понятиями культурной экологии, с помощью которых Стюард попытался объяснить пространственное и временное многообразие форм культурной адаптации, являются «культурное ядро» и «уровень социокультурной интеграции». Под культурным ядром ученый подразумевал комплекс техно-экономических, социальных и идеологических признаков культуры, наиболее важных для жизнеобеспечения. Среди них главную роль играет «технологический базис». Именно элементы ядра адаптируются к окружающей среде, остальные же элементы культуры, не входящие в ядро, не участвуют в экологической адаптации и придают различным культурам их специфику.

Организация культурного ядра зависит также и от «уровня социокультурной интеграции» (семья, община, племя, государство). Если различные культуры, находящиеся в сходных экологических условиях и на одинаковом уровне социокультурной интеграции, но значительно удаленные географически, демонстрируют различные способы приспособления культурного ядра к среде, это является примером многолинейной эволюции.

Другим крупным неозолуционистом, который внес вклад в развитие экологического направления, является Марвин Харрис (р. 1927), создавший учение «культурного материализма». В отличие от Стюарда, который объединял в понятие культурного ядра явления базиса и надстройки, Харрис, будучи более последовательным материалистом, выдвигал на первый план роль технологического базиса (обусловленного спецификой окружающей среды) как более фундаментальную для выживания и адаптации. Он сформулировал принцип техно-экологического и техно-экономического детерминизма: если в сходных природных условиях для удовлетворения своих потребностей люди применяют аналогичные технологии использования природных ресурсов, это влечет за собой сходство в видах разделения труда и распределения материальных благ⁵.

В 1960-х гг. возникло новое направление, основоположниками которого были Эндрю Вайда и Рой Раппапорт. Методологической базой их «экосистемной антропологии» явилось сочетание функционализма и системного подхода с последовательным применением биоэкологических понятий (эко-

система, популяция и др.). Свою задачу исследователи видели в том, чтобы изучать адаптацию человеческих популяций к их экосистемам. При этом человеческая популяция (основная единица анализа), ее культура и среда обитания рассматривались как основные компоненты экосистемы, а понятие «адаптация» выражало сущность динамического процесса ее функционирования. В регулировании баланса между популяцией и средой обитания активная роль отводилась таким идеальным факторам, как ритуалы, верования и ценности. Эту теоретическую конструкцию Раппапорт применил в полевом исследовании среди племени тсембага на Новой Гвинее, рассматривая ритуал и войну как регуляторы баланса между популяциями людей и свиней, а также их роль в поддержании оптимальной численности населения и предотвращении чрезмерно интенсивного земледелия⁶.

Особым направлением экологической антропологии является также «этноэкология», возникшая в 1960-х гг. как часть более широкого направления «ethnoscience» (в буквальном переводе «этнонаука»), целью которого было изучение систем представлений, знаний об окружающем мире (картины мира), а также процессов познания и логической классификации в традиционных обществах. «Этнонаука» тесно связана с лингвистикой, поскольку основным объектом исследования в данном случае является язык, точнее, его лексика. Таким образом, этноэкология (которую можно подразделить на этноботанику, этнозоологию, этнометеорологию и т. п.) – это изучение аутентичных представлений о природной среде, выраженных в языке и фольклоре. В идеале этноэкологическое исследование должно охватывать экологические знания, верования, ценностные установки и их роль в адаптации и природопользовании данной этнической общности, однако на практике исследователи чаще всего ограничиваются описанием аборигенных классификаций растительного и животного мира или почв. Важно отметить, что эта тема глубоко разрабатывалась не только американскими этноэкологами (Г. Конкпином, Ч. Фрейком, Б. Берлином и др.), но и французскими этнологами Э. Дюркгеймом, М. Моссом, К. Леви-Стросом⁷. Наиболее активно исследования в области экологической антропологии в США велись в 1960–1970-х гг. XX в., после чего в 1980-х гг. наступил некоторый спад. Однако в 1990-х гг. она наряду с символической антропологией вновь стала одним из наиболее актуальных направлений.

Рассмотрение предыстории российской этноэкологии следует начать с С.М. Широкогорова (? – 1939), который был директором Этнографического музея в Санкт-Петербурге, а с 1926 г. жил на Дальнем Востоке (сначала во Владивостоке, затем в Китае). Заслуга этого ученого заключается в том, что он предложил первую целостную концепцию этноса и проанализировал его адаптивные свойства (основные теоретические сочинения С.М. Широкого: «Этнос...» (Шанхай, 1923), «Этническая единица и окружающая среда...» (1924))⁸.

Следующим этапом в теоретическом осмыслении проблемы взаимоотношений этносов с природной средой была концепция хозяйственно-культурных типов (ХКТ) как экологически и социально-экономически обусловленных явлений, созданная в середине 1950-х гг. М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым⁹. В 1970-х гг. экологические идеи вновь стали проникать в этнографию, что выразилось в понятии антропогеоценоза, предложенном известным антропологом В.П. Алексеевым¹⁰. Под антропогеоценозом он понимал элементарную ячейку ХКТ, особую систему, состоящую из хозяйственного коллектива, эксплуатируемой территории и производственной деятельности, объединенных сложными функциональными связями (информационным полем, пищевыми цепями, энергетическими импульсами). Для становления этноэкологии важное значение имели и работы Л.Н. Гумилева¹¹, в которых обосновывалась концепция этногенеза как процесса, обусловленного природными факторами, а также исследования в области тео-

рии культуры философа Э.С. Маркаряна¹² и этнографа С.А. Арутюнова¹³, которые рассматривали культуру как внебиологическую адаптивную систему.

Таким образом, к началу 1980-х гг. в советской этнографии сложились предпосылки для концептуального оформления этноэкологии, предметную область и основные задачи которой впервые сформулировал В.И. Козлов. Согласно его определению, «этническая экология – научная дисциплина, расположенная на стыке этнографии с экологией человека... Она ставит своей задачей изучение особенностей традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом <...> специфики использования этносами природной среды и их воздействия на эту среду, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем»¹⁴. В становлении этноэкологии важную роль сыграли также исследования И.И. Крупника, который впервые применил методику моделирования этноэкосистем при изучении традиционного природопользования народов Северной Евразии. Ему же принадлежит самое удачное, на мой взгляд, определение этноэкологии как «особого направления этнографии, изучающего формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды – как материальным, так и духовным – и использованием ее ресурсов»¹⁵. В настоящее время этноэкология признается ведущими российскими этнологами (например, С.А. Арутюновым) одним из наиболее перспективных направлений. Об этом свидетельствует и внимание, уделяемое академической наукой: в Институте этнологии и антропологии РАН уже более 10 лет существует сектор этнической экологии.

Рассмотрим теперь проблему актуальности этноэкологических исследований. Если говорить о научно-теоретическом аспекте актуальности, то он вытекает из междисциплинарного характера этноэкологии. Во-первых, интеграция наук, в том числе естественных и гуманитарных, особенно при решении таких сложных проблем, как социально-природное взаимодействие, является актуальнейшей тенденцией современной науки в широком смысле. Именно на стыке наук сегодня могут быть сделаны самые важные открытия. Во-вторых, этноэкология расширяет традиционный предмет исследования этнологии, обогащает ее понятиями и методами естественных наук (экологии, биологии, физической географии), что позволяет гораздо глубже проникнуть в суть многих явлений традиционной культуры, понять причины их формирования и развития, поставить их рассмотрение на более точную основу. Особенно продуктивными являются такие фундаментальные понятия, как «адаптация» и «экосистема», которые выражают соответственно динамический и структурный аспекты этно-природного взаимодействия.

Однако этноэкология не только открывает новые познавательные возможности, но может иметь и важное практическое значение. В условиях современного экологического кризиса, когда с особой остротой встает вопрос о пересмотре глубоко укоренившихся установок господства над природой и неограниченного использования ее ресурсов, изучение позитивного опыта традиционных обществ в области природопользования может стать одним из источников гармонизации взаимоотношений между постиндустриальным обществом и природной средой. При этом следует ориентироваться на лучшие образцы экологического сознания и поведения, свойственные традиционным обществам, не идеализируя в целом их отношение к природе (оно может быть как экофильным, так и экофобным).

К сожалению, в Беларуси пока не было специальных исследований в области этноэкологии, хотя некоторые авторы рассматривали вопросы, которые по существу являются этноэкологическими (В.С. Титов¹⁶ – экологические аспекты земледелия и расселения, А.И. Локотко¹⁷ – формирование среды обитания человека (и этноса в целом) как единства природного

ландшафта и архитектурных форм, Л.И. Минько¹⁸ и В.А. Василевич¹⁹ – народные экологические знания). Между тем актуальность подобных исследований для белорусской этнологии не вызывает сомнений, поэтому необходимо кратко осветить основные задачи этноэкологического изучения традиционной культуры белорусов.

Как уже отмечалось, при экологическом рассмотрении народной культуры в центре внимания оказывается «культурное ядро», куда входят такие элементы, как орудия труда, хозяйственные знания и навыки, поселения и жилища, пища, одежда; знания о среде обитания (о климате и погоде, растительном и животном мире, почвах) и т. д. В идеале этноэкологическое исследование должно стремиться к целостному описанию и объяснению «культурного ядра» с точки зрения его адаптивных и преобразующих свойств, что позволило бы сделать выводы о том, насколько оптимально данная культура приспособилась к окружающей среде, о ее адаптивной пластичности (способности адекватно реагировать на изменения природных условий, извлекая определенные элементы из резерва культуры или вырабатывая новые), оценить характер природопользования, связанного с традиционным земледельческим хозяйством, с точки зрения экологических последствий для почв. Быстро решить подобную задачу очень трудно: для этого сейчас недостаточно данных.

Следует начать с частных аспектов и постепенно продвигаться к пониманию общей картины традиционной экологической культуры белорусов. Первоначально можно ограничить хронологические рамки XIX – началом XX в. (этот период наиболее полно представлен в этнографических источниках) и сделать предметом исследования народные экологические знания и способы пространственной организации сельских поселений в природном ландшафте. Тем самым будет представлена как духовная, так и материальная культура (культура познания мира и культура жизнеобеспечения).

¹ См.: Bargatzky Th. Kulturokologie // Ethnologie: Einführung und Überblick. Berlin; Hamburg, 1992. S. 388.

² См.: Ibid. S. 389.

³ См.: Мердок Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 53.

⁴ Цит. по: Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 94.

⁵ См.: Bargatzky Th. Kulturokologie... S. 391.

⁶ Rappaport R.A. Pigs for Ancestors. Ritual in the Ecology of a New Guinea People. New Haven, 1968.

⁷ Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁸ См.: Panoff M., Perrin M. Taschenwoerterbuch der Ethnologie. Berlin, 1982. S. 276–277.

⁹ См.: Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: к постановке вопроса // Советская этнография. 1955. № 4.

¹⁰ См.: Алексеев В.П. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 2. С. 20–22.

¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.

¹² Маркарян Э.С. Локальные исторические особенности культуры и процессы экологической адаптации // Вестник АН СССР. 1981. № 1.

¹³ Арутюнов С.А. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1979. № 2.

¹⁴ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 8.

¹⁵ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. С. 14.

¹⁶ См.: Цітоў В.С. Народная спадчына. Мн., 1994.

¹⁷ См.: Локотко А.И. Белорусское народное зодчество (XIX – середина XX в.): Дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1993.

¹⁸ Минько Л.І. Народныя веды // Грамадскі быт і культура сельскага насельніцтва Беларусі. Мн., 1993.

¹⁹ Васілевіч У.А. Народная метэаралогія // Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1989. С. 345–346.

Янковский Юрий Юрьевич – аспирант кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент П.В. Терешкович.

СТАНАУЛЕННЕ СЕТКІ КРАЯЗНАУЧЫХ МУЗЕЯУ У БССР У 20-я ГАДЫ XX СТАГОДДЗЯ

Адной з найбольш яскравых з'яў культурнага жыцця у СССР 20-х гг. быў краязнаучы рух.¹ Па словах вядомага расійскага гісторыка С.О. Шміта, першае дзесяцігоддзе савецкай улады – прыкладна да рубяжа 1920–1930 гг. – можна назваць “залатым дзесяцігоддзем” развіцця краязнаўства¹.

Тэрмін “краязнаўства” вельмі ёмісты, шматзначны і ўключае: 1) навукова-даследчую і навукова-папулярызатарскую дзейнасць, накіраваную на комплекснае (гуманітарнае і прыродазнаўчае) вывучэнне пэўнай мясцовасці, края; 2) апору на міждысцыплінарныя навуковыя сувязі; 3) выхаванне культурай, гістарычнымі традыцыямі, дзякуючы чаму можна спасцігнуць складаную сістэму сувязей паміж прыродай і грамадствам; 4) форму самаарганізацыі грамадства і станаўлення грамадзянскай супольнасці. іншымі словамі, краязнаўства вызначае як характар засваення мінулага, так і спосаб перабудовы сучаснасці.

Усё гэта цалкам адносіцца і да беларускіх зямель, дзе глеба для развіцця краязнаўства была падрыхтавана яшчэ да усталявання савецкай улады. Нам цяжка казаць аб непасрэднай пераемнасці у музейнай дзейнасці дарэвалюцыйных радзімазнаўцаў і беларускіх краязнаўцаў 20-х гг. На старонках краязнаўчай перыёдыкі, што выдавалася у БССР, мы знаходзім павярхоўныя, часам нават здэклівыя ацэнкі дзейнасці радзімазнаўцаў. На нашу думку, сам факт існавання дарэвалюцыйных музеяў краязнаўчага профілю (аб чым, безумоўна, было вядома беларускай інтэлігенцыі) ствараў культурны прэцэдэнт, даваў прыклад для іншых.

Агульную каардынацыю музейнай дзейнасці краязнаўчых таварыстваў, а таксама яе навукова-метадычную падтрымку ажыццяўляла Цэнтральнае бюро краязнаўства, якое уздымала пытанні музейнага будаўніцтва амаль на кожным пленуме, абмяркоувала гэтыя праблемы на старонках часопіса “Наш край”. Так, ужо у першым нумары быў апублікаваны ўзорны статут раённага краязнаўчага таварыства, дзе сярод яго галоўных мэт вызначалася арганізацыя ўласнага музея². У шэрагу артыкулаў знайшлі адлюстраванне праблемы метадыкі збора экспанатаў і пабудовы музейных экспазіцый³. На пасяджэнні ЦБК 30 чэрвеня 1927 г. быў зацверджаны расклад выступленняў па краязнаўству на радыё, адно з якіх мела назву “Як арганізаваць мясцовы музей”⁴. На курсах-студыі па краязнаўству пры БДУ В.Ю. Ластоўскі чытаў цыкл лекцый “Музеязнаўства і музеябудаўніцтва”⁵. Аналагічныя курсы былі уведзены у праграмы педтэхнікумаў.

Кіраўніцтва ЦБК рэгулярна трымала на кантролі матэрыяльна-тэхнічнае забеспячэнне дзейнасці краязнаўчых музеяў, большасць з якіх знаходзілася ў невялікіх непрыстасаваных будынках, дзе немагчыма было разгарнуць сур'ёзную навукова-фондавую і экспазіцыйную работу. Таму у сярэдзіне 1926 г. бюро афіцыйна звяртаецца да старшынь акрвыканкомаў аб адводзе памяшканняў пад краязнаўчыя музеі⁶.

Краязнаўчыя музеі былі вынікам работы таварыстваў па вывучэнню прыроды, гісторыі і эканомікі сваёй мясцовасці. Адпаведна экспазіцыі ў асноўным складаліся з трох галоўных аддзелаў: прыродазнаўчага, культурна-гістарычнага і грамадска-эканамічнага. У некаторых з іх пачалі фарміравацца мастацкія калекцыі. З простых сховішчаў навуковага матэрыялу грамадскія краязнаўчыя музеі БССР у 20-я гг. пераўтварыліся ў своеасаблівыя навукова-асветніцкія цэнтры, якія праводзілі работу у цеснай сувязі з сістэмай народнай адукацыі.

Шырокая работа па стварэнню краязнаўчых музеяў разгарнулася пасля I Усебеларускага краязнаўчага з'езда (люты 1926 г.), дзе была ухвалена пастанова, згодна з якой кожная краязнаўчая арганізацыя павінна была

Сюда 3 Кр. ба. 2 му.

пабудаваць свой музей, які б адлюстроўваў у экспазіцыях прыроду, гаспадарку і побыт дадзенага раёна⁷.

Першы грамадскі краязнаучы музей на тэрыторыі БССР з'явіўся ў Слуцку. Дзейнасць па стварэнню слуцкага музея пачалася ў 1921 г. па ініцыятыве мясцовага аддзела народнай асветы. Новы імпульс гэтай працы атрымала пасля прызначэння ў слуцкі аддзел на пасаду інспектара сацыяльнага выхавання М.І. Каспяровіча. У 1922 г. ён заснаваў у горадзе камісію беларусазнаўства, на якую была ускладзена праца па арганізацыі краязнаучага музея. Непасрэдная работа па камплектаванню калекцый, пошуку памяшкання і г. д. была даручана музейнаму бюро ў складзе Яфімава (старшыня), Барановскага, Барташэвіча і Яновіча⁸.

Адразу ж пасля стварэння слуцкае музейнае бюро разгарнула актыўную працу. Былі праведзены некалькі экспедыцый па збору рэчавага матэрыялу і запісу фальклору, разасланы анкетны з мэтай выяўлення помнікаў старажытнасці і прыроды, зроблены захады па іх ахове. Урэшце, сябры бюро распрацавалі план стварэння школьных павятовых краязнаучых музеяў, ідэя якіх прапагандавалася таксама праз лекцыйную дзейнасць. Першыя сабраныя калекцыі сябры музейнага бюро прадэманстравалі ўжо ў 1923 г. на павятовай сельскагаспадарчай выставе, дзе меўся спецыяльны этнаграфічны аддзел. Пасля закрыцця выставы калекцыі, сабраныя сябрамі бюро, былі перавезены ў будынак Слуцкай царквы-брамы, які да 1926 г. выкарыстоўваўся ў якасці фондасховішча⁹.

Адкрыццё новай экспазіцыі музея адбылося ў слуцкім Доме культуры 28 сакавіка 1927 г. У той час на ёй было прадстаўлена 1946 прадметаў, згрупаваных у тры аддзелы:

1) культурна-гістарычны ўключаў партрэты слуцкіх князёў, рукапіснае евангелле, епітрахіль і пасах XVI ст., малюнкi Катарбінскага, неалітычныя малаткі і цёслы, знойдзеныя ў курганах чарапы, косці, гаршкі, шклянныя пацеркі, галаўную грыўну, жалезную сякеру XII ст., фрагмент кальчугі, план Слуцка 1780 г., палову слуцкага паса XVIII ст. з надпісамі "Лео Маджарскі", "в граде Слуцке", нумізматычную калекцыю, партрэты, мастацкія вышыўкі XVIII ст., старажытныя цэгля, прылады працы, ядры ад гармат;

2) прыродна-геаграфічны – тапаграфічную і глебавую трохварстовыя карты Слуцкай акругі, планы гарадоў, аляевыя малюнкi пейзажаў Слуцкіны, фотаздымкі палескіх тыпаў жанчын і дзяўчат у нацыянальнай вопратцы, сляпога з павадыром, пастушка, лірнікаў, чучалы дзіка, сусла, пацука, крата, географічныя карты, складныя на дрэве, калекцыі матылёў, мінералаў і мясцовых раслін;

3) грамадска-эканамічны аддзел – альбом тканін, мадэль бараны, снапкі збожжа гаспадароў, атрымаўшых прэміі на сельскагаспадарчай выставе, узоры насення, вырабы народнай творчасці, мадэль моста, карту эканамічнай сеткі Слуцкай акругі, калекцыю па ахове здароўя і інш.

Пры музеі існавала бібліятэка, якая складалася з 1334 назваў¹⁰. Музей, адкрыты для публікі два дні на тыдзень, карыстаўся вялікай папулярнасцю – толькі за першыя пяць месяцаў існавання яго агледзелі 7254 індывідуальных наведвальнікаў, а для 559 чалавек было праведзена 12 экскурсій.

Пасля прыняцця курсу на індустрыялізацыю СССР на XIV з'ездзе ВКП(б) у якасці найважнейшага накірунку дзяржаўнай эканамічнай палітыкі разглядалася стварэнне новай тэхнікі і авалоданне ёю. У сувязі з гэтым развівалася палітэхнічная адукацыя, у якой значная роля адводзілася палітэхнічным музеям. Прапаганда дасягненняў тэхнікі шляхам увядзення ў экспазіцыю мадэляў, макетаў, дэталей машын вялася многімі краязнаучымі музеямі СССР. У БССР першыя захады ў гэтым накірунку былі зроблены Бабруйскім акруговым таварыствам краязнаўства.

Бабруйскі краязнаучы музей быў створаны ў 1924 г. мясцовымі краязнаўцамі на чале з энтузіястам музейнай справы Ц. Славіным. Музей

размяшчаўся ў невялікім драўляным будынку, дзе ў чатырох пакоях была разгорнута экспазіцыя. Асноўны экспазіцыйны аддзел быў прысвечаны заводскаму і фабрычнаму жыццю Бабруйшчыны. У ім Ц. Славін размясціў мадэлі, якія дэманстравалі працэс вытворчасці на мылаварным, маслабойным, дрэваапрацоўным, гутным і іншых заводах. Усё гэта ілюстравалася схемамі, статыстычнымі дадзенымі вытворчасці і збыту, дыяграмамі прафесійных хвароб і неабходнымі тлумачэннямі па санітарыі і гігіене. У гэтым жа аддзеле меўся пададдзел электрыфікацыі, дзе наглядна дэманстраваліся канструкцыі тэлефона, званка, тэлеграфа, лямпы, кінаапарата. Меншымі па памерах былі аддзел сельскай і лясной гаспадаркі, земляробства, пчалярства, меліярацыі, саматужніцтва, палявання. Асобна дэманстравалася прыродазнаўчая калекцыя – выкапні, гербарыі, чучалы птушак і жывёл. Мелася невялікая колькасць экспанатаў па археалогіі і этнаграфіі Бабруйшчыны¹¹. Праз два гады пасля заснавання музея ў лютым 1926 г. удзельнікі 1-й краязнаўчай канферэнцыі Бабруйскай акругі канстатавалі, што “адным з найважнейшых дасягненняў таварыства з’яўляецца арганізацыя Бабруйскага акруговага музея, у якім ужо ёсць каля 1000 экспанатаў”¹². *К. К.*

Абсалютную большасць наведвальнікаў складалі навучэнцы і ваеннаслужачыя. Рабочыя, сяляне, прадстаўнікі інтэлігентных прафесій амаль не праяўлялі цікавасці да музея. Дадаваныя паказчыкі можна растлумачыць імкненнем сяброў краязнаўчага таварыства максімальна выкарыстаць патэнцыял музея ў педагагічных мэтах. З іншага боку, навучэнцы і ваеннаслужачыя уяўлялі “лёгкаарганізаваныя” сацыяльныя групы насельніцтва.

Хуткае павелічэнне колькасці наведвальнікаў і фондавых калекцый прымусіла кіраўніцтва краязнаўчага таварыства ў 1930 г. узняць перад акруговым выканкам пытанне аб новым памяшканні для музея. Хутка яно знайшлося – гэта быў большы па плошчы будынак з прыбудовай для фондаховішча. Але фінансаванне музейных работ, за выключэннем невялікага заробку загадчыка музея Ц. Славіна, з мясцовага бюджэту так і не было адкрыта. Тым не менш музейны актыў у 1930 г. планаваў арганізаваць пры музеі метэастанцыю, заклаці паказальныя участкі паляводства, ілюстраваць у натуральным выглядзе жыццё шкоднікаў, правесці іншыя лабараторна-даследчыя работы.

Адначасова з бабруйскім краязнаўчым музеём узніклі яшчэ ў двух акруговых цэнтрах БССР – Оршы і Барысаве. *Г. Г.*

Краязнаўчая праца, якая пачала разгортвацца ў Полаччыне пачынаючы з восені 1925 г., таксама выклікала патрэбу ў арганізацыі акруговага краязнаўчага музея. 3 верасня 1925 г. музейная рада пад кіраўніцтвам мясцовага настаўніка С. Мялешкі распачала збор і сістэматызацыю экспанатаў. Ёй дапамагалі каля 450 сяброў раённых краязнаўчых таварыстваў, якія дасылалі ў Полацк каштоўныя знаходкі, праводзілі экскурсіі, збіралі звесткі аб нерухомах помніках. Энтузіязм краязнаўцаў дазволіў ужо ў чэрвені 1926 г. разгарнуць сталую экспазіцыю ў будынку Сафійскага сабора. Перадача музею гэтага будынка адбылася дзякуючы прыхільнаму стаўленню кіраўніцтва Полацкага акрывянкова, які штогод выдзяляў на музейныя работы 1000 рублёў¹⁴. *Г. Г.*

Музейная рада Полацкага акруговага таварыства краязнаўства прыкпадала актыўныя намаганні па папулярызацыі сабраных калекцый. Нягледзячы на абмежаваны доступ (музей быў адкрыты тры дні на тыдзень з 10 да 4 гадзін), яго наведвала 5 тыс. чалавек у год.

30 ліпеня 1926 г. пасля сямімесячных падрыхтоўчых работ адбылося адкрыццё Клімавіцкага акруговага краязнаўчага музея (Калінінская акруга). У аснову яго фондавых калекцый былі пакладзены нешматлікія курганныя знаходкі і старажытныя манеты, якія засталіся ад музея мужчынскай гімназіі, існаваўшага ў горадзе да Першай сусветнай вайны. Музей складаўся з 5 аддзелаў: заалагічнага, археалагічнага, гістарычнага, нумізматычнага і мас-

тацкага. У хуткім часе планавалася адкрыццё двух новых аддзелаў – рэлігійнага і краязнаучага.

Найбольш каштоўным у навуковых адносінах быў археалагічны аддзел, дзе першыя наведвальнікі маглі убачыць помнікі старажытнаегіпецкага мастацтва (бронзавыя статуэткі Азірыса, Апіса, Лунуса і інш.), палеалітычныя помнікі (краннёвыя тапары, долаты, скрабкі), курганныя знаходкі (пацёркі, завушніцы, спражкі, вісочныя кольцы, шыйныя абручы), сярэдневяковую зброю (мячы, кальчугі, панцыры). У гістарычным аддзеле прыцягвала ўвагу калекцыя бюстаў старажытнарымскіх палкаводцаў і палітычных дзеячаў, у мастацкім – калекцыі саксонскай парцеляны і французскіх гравюр з малюнкаў Вернэ¹⁵.

Апошні акруговы краязнаучы музей паўстаў у Мазыры. Рашэнне аб яго стварэнні было ухвалена на агульным сходзе мазырскага акруговага таварыства 3 красавіка 1927 г.¹⁶

Як і ў папярэдніх выпадках, фарміраванне яго калекцыі было вынікам аматарскай працы мясцовага насельніцтва ў галіне вывучэння краю. Так, мазырскі саюз паляўнічых арганізаваў збор арніталагічнай калекцыі. Летам 1927 г. падчас удзелу сяброў мазырскага таварыства ў экспедыцыі Усесаюзнага музея нарадазнаўства значна папоўнілася этнаграфічная калекцыя. Акрамя таго, на працягу 1927–1928 гг. фонды узбагацілі археалагічныя знаходкі, нумізматыка, царкоўныя старажытнасці, а таксама прыродазнаўчая калекцыя, што дазволіла адкрыць музей для агляду 1 студзеня 1929 г.¹⁷

Да 1926 г., акрамя вышэйпералічаных, вельмі актыўную дзейнасць разгарнулі Мінскае, Віцебскае, Магілёўскае і Гомельскае акруговыя краязнаучыя таварыствы. Але ў сувязі з тым, што ў гэтых гарадах існаваў Беларускі дзяржаўны музей і яго аддзяленні, з якімі таварыствы шчыльна супрацоўнічалі, самастойных краязнаучых музеяў там не стварылі. Цэнтр увагі ў сваёй музейнай дзейнасці гэтыя таварыствы перасунулі на раённыя гарады (напрыклад, у Віцебскім таварыстве гэтым займалася асобная секцыя).

Не менш важнай з'явай у музейным жыцці Беларусі 20-х гг. было масавае стварэнне раённых краязнаучых музеяў. Большасць з іх узнікла ў 1927–1928 гг., што сведчыла аб новым этапе развіцця краязнаучага руху, яго пранікненні ўглыб правінцыі. Для беларускай гістарычнай і прыродазнаучых навук, якія знаходзіліся ў той перыяд у стадыі назапашвання і сістэматызацыі фактаў, падобная з'ява мела асаблівае значэнне. Беручы пад увагу слабую вывучанасць рэспублікі і абмежаваныя навуковыя сілы, збіранне сябрамі раённых краязнаучых арганізацый матэрыялаў па гісторыі, прыродзе і эканоміцы Беларусі было найважнейшай умовай стварэння паўнаwartаснай крыніцазнаучай навуковай базы.

Аналіз краязнаучай перыёдыкі тых гадоў дазваляе нам сцвярджаць, што ў БССР напрыканцы 20-х гг. існавала прынамсі 23 раённыя краязнаучыя музеі. Музеі існавалі у Азарычах, Асіпавічах, Бешанковічах, Быхаве, Бярэзіне, Вушачах, Гарадку, Дрысе, Камарыне, Капаткевічах, Капылі, Лагойску, Лельчы, Мсціслаўлі, Нароўлі, Смалавічах, Смлявічах, Суражы, Сянне, Тураве, Хоцімску, Чыркаве, Чэрвені.

У той жа час на стадыі фарміравання знаходзіліся музеі краязнаучых таварыстваў у Асвеі, Бялынічах, Грэску, Горках, Жлобіне, Клічаве, Лельчыцах, Лёзні, Міласлаўлі, Рагачове, Самахвалявічах, Старых Дарогах, Уваравічах, Чашніках, Чырвонай Слабадзе, Шклове. лепшыя раённыя краязнаучыя музеі знаходзіліся ў Асіпавіцкім раёне, які ЦБК у 1927 г. вызначыла як узорны. Музей быў адкрыты для усеагульнага агляду ў сакавіку 1928 г. у будынку Асіпавіцкай чыгуначнай школы. Зборам экспанатаў, афармленнем экспазіцыі і правядзеннем экскурсій займалася музейная камісія з чатырох чалавек пад кіраўніцтвам настаўніка А. Немцава¹⁸.

З 1927 г. прыцягвалі ўвагу навукоўцаў і шырокіх колаў грамадскасці прыродазнаучыя, этнаграфічныя і нумізматычныя калекцыі раённых края-

знаучых музеяў у Чэрвені (загадчык У. Дземяшкевіч), Чырыкаве (загадчыца Зыкаў), Смілавічах (загадчык А. Шыдлоўскі).

1928–1929 гг. былі часам найвышэйшага узлёту музейна-краязнаўчага руху ў БССР, да якога далучаюцца асобы рознага грамадскага становішча і рознай ступені падрыхтоўкі, але ў асноўным інтэлігентных прафесій і навучэнцы. Выяўленне, улік, ахова і выкарыстанне культурных каштоўнасцей робіцца асноўным напрамкам дзейнасці большасці краязнаучых арганізацый, што спрыяе узнікненню новых музеяў. У БССР на 1.01.1928 г., па нашых падліках, існавала 7 акруговых і 23 раённыя грамадскія краязнаучыя музеі.

Імкненне накіраваць краязнаучы рух у рэчышча бягучых гаспадарчых патрэб ужо ў сярэдзіне 30-х гг. прывяло да катастрофічных вынікаў — была ліквідавана большасць краязнаучых арганізацый разам з іх музеямі. Большасць каштоўных калекцый загінула. У выніку цяжкі удар атрымала не толькі навука, страціўшая сваю крыніцазнаўчую базу, але і маральны стан грамадства. Краязнаўства на дзесяцігоддзі апынулася ў баку ад асноўнага напрамку навуковых даследаванняў і актыўнага грамадскага жыцця. Пачаліся рэпрэсіі краязнаўцаў, нават тых, хто займаўся вывучэннем гісторыі рэвалюцыйнага руху.)

Дзейнасць краязнаўцаў 20-х гг. мела вялікае значэнне для развіцця навукі, уздымала інтэлектуальны узровень правінцыяльных гарадоў і вёсак, спрыяла адукацыі шырокіх колаў насельніцтва, прыцягвала да актыўнага жыцця старую інтэлігенцыю. Значныя заслугі краязнаўцаў, асабліва тых, хто працаваў у музеях і архівах, — у развіцці спецыяльных гістарычных і філалагічных дысцыплін, у распрацоўцы метадаў атрыбуцыі і апісання музейных прадметаў, рукапісаў, выданняў. Менавіта вынікі дзейнасці краязнаўцаў, якія на базе сабраных матэрыялаў праводзілі канкрэтныя даследаванні, дазволілі савецкай гістарычнай навуцы захавацца ў гады панавання сацыялагічнай вульгарызацыі. Такім чынам, краязнаўчая дзейнасць мела выключнае значэнне для вывучэння мінулага і развіцця нацыянальнай культуры Беларусі.

¹ Гл.: Шмидт С. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1990. С. 11.

² Гл.: Наш край. 1925. № 1. С. 38.

³ Гл.: Ліпкін Б. Паказ у музеях лясцоў тутэйшага краю // Наш край. 1927. № 4. С. 30–31; Зьбіткоўскі М. Настаўленне да збірання раслін і назіранняў над імі // Наш край. 1927. № 5. С. 35–36; Сташэўскі. Арганізацыя раённага музея // Наш край. 1929. № 1. С. 54.

⁴ Гл.: Наш край. 1927. № 8–9. С. 83.

⁵ Гл.: Там жа. 1928. № 6–7. С. 85.

⁶ Гл.: Там жа. 1926. № 8–9. С. 66.

⁷ Гл.: Там жа. 1926. № 2–3. С. 80.

⁸ Гл.: Польша. 1923. № 5–6. С. 164.

⁹ Гл.: Савецкая Беларусь. 1923. № 115.

¹⁰ Гл.: Мікіцінскі У. Слуцкі раённы краязнаучы музей // Наш край. 1928. № 1. С. 29.

¹¹ Гл.: Наш край. 1927. № 3. С. 63.

¹² Гл.: Там жа. 1926. № 2–3. С. 87.

¹³ Гл.: Там жа. 1930. № 5–6. С. 79.

¹⁴ Гл.: Там жа. 1926. № 6–7. С. 75.

¹⁵ Гл.: Там жа. 1926. № 10–11. С. 71.

¹⁶ Гл.: Там жа. 1927. № 5. С. 67.

¹⁷ Гл.: Там жа. 1929. № 3. С. 62.

¹⁸ Гл.: Там жа. 1928. № 5. С. 60.

¹⁹ Гл.: Акановіч Г. і інш. Музей Асіпавіцкай чыгуначнай школы // Наш край. 1928. № 4. С. 64.

Гужалоўскі Аляксандр Аляксандравіч — кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры этналогіі, музейналогіі і гісторыі мастацтва БДУ.

ИСТОЧНИКИ КНИГ ЭЗРЫ И НЕХЕМЬИ (ТЕКСТОВЫЕ БЛОКИ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ)

Согласно традиции книги Эзры и Нехемьи, ныне разделенные в библейском каноне, являются одним произведением¹ и относятся к разделу Кетубим Танаха и являются историческими, ибо повествуют о реальных событиях начала эпохи Второго иерусалимского храма. Текстологический и исторический анализы позволяют констатировать их изначальное единство, поэтому в дальнейшем мы будем объединять их под одним названием (Ezr-Neh).

Не углубляясь в содержание Ezr-Neh, рассмотрим возможность ее членения на текстовые блоки т. е. части текста, выделяемые согласно своей жанровой принадлежности (официальный документ, переписка, историческая хроника и т. д.), но единые сюжетно. В Ezr-Neh можно выделить несколько таких пластов, которые состоят из разных жанровых единиц, побочных по отношению к "первичному" основному тексту, дополняющих его. "Вторичные" части, вливаясь в несколько "первичных" блоков текста, сообщают повествованию документированную основу. Рассмотрим эти блоки.

Ezr 1–6 представляет собой первый из них. Суть повествования – рассказ о "Возвращении в Сион" и о построении иерусалимского храма. Жанровая принадлежность блока – исторический рассказ, основанный, очевидно, на предшествовавшей устной традиции об этом времени. Стих Ezr 6, 14, который является как бы заключением для этого периода, подведением итога деятельности иудеев, наряду с именами Кира и Дария приводит имя Артаксеркса. Однако в самом тексте этого блока об Артаксерксе речи нет (за исключением отрывка Ezr 4, 7–23, который мы рассмотрим ниже); все события происходят во времена Кира и Дария, задолго до царствования первого из Артаксерксов. Можно полагать, что текст Ezr 1–6 был записан позже на основе устной традиции о периоде "Возвращения". Ezr 6, 14 в этом случае следует расценивать как "контекстно-зависимый элемент" – редакторская вставка, необходимая для связки сюжета.

В блок Ezr 1–6 включены части, явно имеющие иное происхождение, чем его основа (традиция о "Возвращении"). Во-первых, это ивритский текст указа Кира Великого иудеям², разрешившего им вернуться из вавилонского плена и восстановить в Иерусалиме храм Yhwh. Эзра (1, 1) указывает, что этот текст был обнаружен среди иудейских подданных нового властителя Вавилона Кира. Очевидно, в его составлении принимал участие иудей³. В любом случае указ имеет достаточно дружественный для иудеев характер.

Кроме того, в данный блок помещена перепись первой волны репатриантов, шедших под главенством Зеруббавеля⁴. В ней приведены имена десяти старейшин и перечислены рода (*byt 'bwt*) израильтян и различных категорий храмовых служителей с указанием их численности. Указано общее число членов иудейской общины (*kl hqhl*) – 42 360 чел. Список озаглавлен: "Жители

¹ Здесь и далее используется общепринятая цитация библейской литературы (Ezr – книга Эзры; первая цифра – № главы, вторая цифра – № стиха).

² Термин взят из: Тищенко С. Кто написал Тору? К литературной истории Пятикнижия // Библия: литературные и лингвистические исследования М., 1998. Вып. 1. С. 30.

³ Вероятно, царская канцелярия привлекла еврейских писцов – членов вавилонской иудейской общины – для составления документа, отвечающего специфике дела: ср. участие вавилонских писцов и жрецов Мардука в написании Цилиндра Кира и в формировании государственной идеологии в начале правления Кира в Вавилоне. Д'Агостино Ф. Набонид и "Цилиндр Кира" // Вестник древней истории. 1995. № 2. С. 175; Harmatta J. The Literary Patterns of the Babylonian Edict of Cyrus // Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1971. Vol. 19. P. 230.

страны (*hmdynh*), возвратившиеся из плена изгнания" (Ezr 2, 1). По мнению ряда исследователей, этот документ является переписью не переселенцев, а уже поселившихся на земле Палестины репатриантов⁴. На это может указывать, во-первых, то, что в число израильской общины якобы включены (ко времени переписи) некоторые местные жители, не побывавшие в вавилонском плену ("сыны Бейт-Лехема, Лода, Азмавета" и других местностей Эрец Исраэль). Значит, время составления этой переписи отстоит от времени переселения. Во-вторых, вождем общины здесь и далее назван Зеруббавель, а вождем переселенцев в Ezr 1, 7–11 – некий Шешбаццар. Если в Ezr 5, 16 закладка Храма приписана последнему, то по Ezr 3, 2–3 это совершили Зеруббавеля сотоварищи. Возникает предположение, что вождем именно переселения был Шешбаццар; видимо, он вскоре умер (или по каким-то иным причинам отошел от дел) и ко времени переписи лидером общины был Зеруббавель. В-третьих, словом "*hmdynh*" далее (Neh 11, 3)⁵ обозначается уже сложившаяся гражданско-храмовая община, хотя так могла обозначаться и просто область, какая-либо местность (ср. Ezr 5, 8).

Более вероятно, что список 2, 1–69 есть список репатриантов 537 г. до н. э. Во-первых, он аналогичен записи переселенцев второй волны под предводительством Эзры (в Ezr 8, 1–14). Последняя была составлена, по свидетельству самого Эзры, непосредственно перед отправлением партии переселенцев в Палестину: кохен Эзра осмотрел переселенцев и обнаружил, что левитов среди них нет (8, 15), в самой переписи они не упомянуты, а упоминаются позже (8, 18–20). Во-вторых, в Neh 7, 6–71 приведен этот же список, лишь деталями не совпадающий с Ezr 2, 1–69. В Neh он назван "родословной книгой тех, кто первыми поднялись (*h'wlym*)"⁵. Слово "книга" (*sphr*) свидетельствует о том, что документ не является интерполяцией. В-третьих, в Ezr 3 повествование, логически продолжая линию Ezr 1 и 2 (указ Кира и "Возвращение"), сообщает о событиях 1–2 года по исходе из Междуречья. Список, лежащий между Ezr 1 (538 г. до н. э.) и Ezr 3–4 (537–536 гг. до н. э.) хронологически соответствует переселению и потому мог быть составлен именно тогда, но никоим образом не позже, ибо переселенцы сразу же "поселились... в своих городах" (Ezr 2, 70=Neh 7, 72), что сделало их перепись практически невозможной. В-четвертых, упоминание персидского придворного звания "тиршаты"⁶ ближе реалиям ахеменидской Вавилонии, чем Палестины, где переселенцы столкнулись с известными экономическими и политическими трудностями и могли забыть упомянуть персидский чин в своей переписи. В-пятых, бедность исчисленных в переписи израэлитов (на более чем 42 тыс. жителей приходилось лишь 736 лошадей, 245 мулов, 435 верблюдов, 6720 ослов⁷) больше свидетельствует в пользу рассмотрения их в качестве репатриантов, а не оседлых жителей, занимающихся сельским хозяйством. Для религиозных бедняков, принявших исход из Вавилонии (ср. *Jos. Flav. Ant.* XI, 1, 3), такое количество транспортного скота вполне реально. В-шестых, в тексте прослеживается противопоставление переселенцев ("община" (*hqhl*), "народ" (*h'm*)) и местных жителей, поклоняющихся Yhwh,⁸ поэтому коллективы, названные в списке по местностям, вряд ли можно отнести к последним. Они также входят в общину, как и другие репатрианты. Распределение в переписи

⁴ См.: Ahlstrom G. The History of Ancient Palestine. Minneapolis, 1993. P. 839. Существует мнение, что Шешбаццар руководил переселением и возвращением в Палестину храмовой утвари, увезенной некогда Навуходоносором II, но не участвовал в заложении жертвенника.

⁵ Neh – книга Нехемьи.

некоторых родов по местностям вовсе не свидетельствует об их поселении в указанных палестинских городах. Скорее приведены города, откуда были родом те или иные представители “вавилонских пленников”. На основании приведенных данных можно говорить о том, что перепись первой волны репатриантов, в большей или в меньшей точности и полноте содержащаяся в Ezr 2, 1–69 и Neh 7, 6–71, была составлена в канун выступления каравана репатриантов в путь или сразу же после их прихода в Палестину (537 г. до н. э.).

Отрывок Ezr 4, 7–23 представляет собой сюжетную вставку в текст первого блока. События, описываемые в нем, относятся к иному историческому периоду. Определим жанровую принадлежность отрывка. В текст Ezr-Neh включена палестинско-персидская переписка на арамейском языке: письма чиновников сатрапии Заречья (к западу от Евфрата) персидским царям Дарию и Артаксерксу и ответы царей. В Ezr 4, 7–23 содержится письмо палестинских жителей Артаксерксу и его ответ им; в Ezr 5, 6–6, 12 – письмо палестинских жителей Дарию и его ответ им. В ответное письмо Дария сатрапу Заречья Татнаю и некоему Шетар-Бознаю включен арамейский текст указа Кира иудеям⁹. Он представляет собой копию указа, составленную специально для хранения в царской канцелярии в качестве “обязательного экземпляра” – обычная канцелярская практика всех времен и народов. Если ивритский текст явно предназначался для иудейских ушей, то арамейская копия – для учета в канцелярии царя. Как свидетельствует Ezr, более чем через 20 лет после ее составления копия была найдена в архиве в Экбатанах (“во дворце, что в стране Мадай”) в нетронутom виде. Текст указа отличается от ивритского своей практической направленностью (определены размеры будущего Храма Yhwh и дано повеление вернуть ему золотую и серебряную утварь, увезенную Навуходоносором).

Подлинность ивритского и арамейского текстов указа долгое время оспаривалась. В 1886 г. Эдуард Мейер, исходя из всей суммы накопленных тогда знаний об ахеменидской Иудее, пришел к выводу, что арамейские части Ezr (включая палестинско-персидскую переписку) составлены на канцелярском языке Персидской империи, не искажают исторических событий и являются подлинными официальными документами. Однако указ Кира, данный у Эзры на иврите, Мейер подлинным не считал. Позже Элайя Бикерман доказал подлинность и этого документа¹⁰. Точки зрения о подлинности обоих текстов указа Кира придерживается в настоящее время большинство специалистов.

Итак, в единый текстовый пласт (блок) Ezr 1–6 включено (и как необходимые сюжетно части, и без всякого основания) несколько официальных документов Ахеменидской державы и Иерусалимской общины иудеев. В основном (исключая лишь Ezr 4, 7–23) он образует единое историческое повествование о событиях 538–516 гг. до н. э. и является профессионально составленной подборкой исторических сведений, созданной на базе записи устной традиции, с включением поясняющих ее документов. Запись относится к более позднему времени и не является современной описанным в ней событиям.

Переходим ко второму текстовому блоку Ezr-Neh – Ezr 7, 1–27; 10. Его основой является устная традиция о жреце Эзре, память о котором надолго запечатлелась в народе. Возможно, что рассказы об Эзре сохранялись среди его сподвижников и последователей – соферов – и впоследствии были ими записаны. В текст блока включены родословие Эзры и указ царя Артаксеркса иудеям.

Родословие Эзры (7, 1–5) принадлежит к характернейшему для древней еврейской литературы жанру. Традиционно родословные жрецов прослеживались вплоть до Ахарона, “основателя” династии первосвященников и всех кохенов вообще (см. *Jos. Flav. Cont. Ap.* I, 7). Такой подход характерен для жреческого взгляда на историю иудеев, идеологически обосновывавшего иерократию эпохи Второго храма¹¹. Вряд ли эта родословная верна дальше третьего колена, и сомнительно, чтобы Эзра (как и множество других кохенов) являлся прямым потомком Ахарона.

Указ царя Артаксеркса (7, 12–26), выданный Эзре, сюжетно связан с основным текстом блока и документально дополняет устную традицию о деятельности Эзры. Поэтому можно предположить, что документ сохранялся в руках соферов, и позже, при композиции *Ezr-Neh* или по крайней мере при записи устной традиции об Эзре, был там ими опубликован. О подлинности указа может свидетельствовать форма написания документа: предисловие (“Артахшаст, царь царей – Эзре, священнику, писцу”), его соответствие персидским реалиям. Среди других повелений Эзре отдан приказ приобрести необходимые для жертвоприношения продукты и принести в Храме *Yhwh* жертвы, что соответствует религиозной политике ахеменидских царей, поклонявшихся всем богам, “проживавшим” на территории их империи и желавших иметь их друзьями и союзниками¹².

В текст второго блока включен еще один документ – перечень мужей, виновных в нарушении девтеронимического брачного законодательства (*Ezr* 10, 18–44). В *Ezr* косвенно подтверждается истинность этого документа. Для расследования нарушений брачного законодательства была составлена комиссия, включавшая Йонатана бен Асаэйла, Йахзейя бен Тиква, левитов Мешуллама и Шабтая. Члены комиссии вместе с Эзрой и главами бет-абот в течение двух месяцев расследовали эти нарушения¹³. Сразу после этого следует упомянутая запись; очевидно, что она представляет собой результат работы комиссии. В ней перечисляются кохены и израильтяне, виновные в том, что “все они взяли жен чужеземных”. Вызывает, однако, недоумение, что на всю общину (это жители не только Иерусалима, но и других городов – см. *Ezr* 10, 9) нашлось всего 113 мужчин, поступивших так, как говорится в *Ezr* 10, 44. И это на более чем 40 тысяч граждан общины! Причем сами израильтяне признавались, что таких нарушителей много¹⁴. Видимо, в перечень вошли лишь имена глав бет-абот, члены которых являлись виновными. Такой порядок свидетельствует о сохранении в среде иудеев принципа коллективной ответственности.

Третий блок, *Ezr* 7, 28–9, представляет собой воспоминания Эзры, повествующие о его деятельности по возвращении изгнанников, принятию брачного законодательства и попытке заключения Завета между израильтянами и Богом. Повествование ведется от первого лица, рассказчик называет себя Эзрой. В повествовании последовательно описываются те или иные события в жизни жреца Эзры и израильтян. В тексте расставлены хронологические вехи, определяющие время событий. Можно предполагать, что Эзра в конце своей жизни произвел записи о наиболее важных для Израиля делах и свел их воедино.

В текст этих мемуаров включена перепись второй волны репатриантов (возвратившихся из Месопотамии с Эзрой) – *Ezr* 8, 1–20. Она была составлена непосредственно перед выступлением репатриантов в путь. Эзра рассказывает, что он собрал желающих вернуться в Иудею у канала, впадаю-

.. Документ написан от имени царя царей и семи его советников (7, 14). Ср. *Herod.* III, 83. Годы правления ахеменидских царей.

щего в реку Ааву, “и стояли мы там три дня”¹⁵. Это время и было затрачено жрецом на перепись, явившую неутешительный результат – среди репатриантов не было левитов: “И приглядывался я к народу и к священникам, и не нашел я там никого из потомков Леви”¹⁶. Левитов пришлось специально разыскивать и приглашать к участию в предприятии, после этого они также были переписаны и исчислены Эзрой. Итак, документальность переписи второй волны репатриантов подтверждается.

Переходим к четвертому текстовому пласту Ezr-Neh – Neh 1–7; 12, 27–13. Здесь наблюдается жанровое подобие с Ezr 7, 28–9. Его можно считать мемуарами Нехемьи, нового пехи провинции Йехуд. На это указывает ряд признаков. Каждая запись начинается с указания времени события. Повествование ведется от первого лица. Сама книга начинается так: “Слова Нехемьи, сына Хахальи. Было это в месяце кислев, на двадцатом году; и был я в Шушане, в столице”¹⁷ – это предполагает воспоминания автора о минувшем. Заметно, что о событиях рассказывает их очевидец. Так, своеобразный обзор Иерусалима по периметру строящихся стен (Neh 3) с подробным описанием топографии местности и перечислением имен тех, кто заведовал тем или иным участком строительства, подтверждает, что писал это человек, хорошо знакомый с реалиями исторического локуса. Вероятно, время записи не намного удалено от самого события, ибо удержать в памяти такое количество имен достаточно трудно, хотя и возможно. Скорее всего, Нехемья при написании воспоминаний пользовался собственными дневниковыми записями, касающимися отдельных моментов его наместничества. Такую запись может представлять гл. 5, в которой рассказывается о социальных преобразованиях Нехемьи на посту пехи Йехуда (445–433 гг. до н. э.). Эта запись вставлена посреди рассказа (гл. 4, 6) о строительстве городских стен.

В мемуары Нехемьи включена перепись первой волны репатриантов (с Зеруббавелем)¹⁸, в общем сходная с переписью в Ezr 2, 1–69 и отличающаяся лишь в некоторых деталях. Включение этого документа в текст подчинено требованию сюжета: Нехемья желал выяснить родословные израильтян с целью определения “границ” общины.

Текст четвертого блока разорван (8–12, 26), однако связь между двумя его частями очевидна и определяется не только единством жанра, но и единой сюжетной линией: повествование в первой части, до переписи переселенцев, обрывается на освящении отстроенных иерусалимских стен, повествование во второй части начинается с их освящения. Возможно, в текст блока вписаны другие вставки, кроме 8–12, 26, или же сделаны редакторские правки в иерократическом духе жреческой историографии. Отрывок 12, 44б–47, подчеркивающий особую роль кохенов и левитов, вероятно, является одной из таких редакторских правок.

Neh 8–12, 26 представляет собой пятый текстовый блок Ezr-Neh. По своей форме он похож на священническую обработку устной традиции о кохене Эзре (второй блок), в которой следует видеть истоки и этого отрывка. Здесь повествуется о принятии израильтянами из рук Эзры Торы; Нехемья повествование не касается (он лишь упомянут в Neh 8, 9). Роль Эзры и других священников всемерно подчеркивается, что может свидетельствовать об их авторстве. Текст Завета¹⁹, подписанный кохенами, скорее всего, является интерполяцией, созданной жрецами и в жреческих интересах. Текст самого Завета – лишь своеобразная покаянная молитва по подобию молитв Эзры (Ezr 9, 6–15) или Нехемьи (Neh 1, 5–11). Вряд ли он составлялся письменно, возможно, “договор” с Yhwh был оформлен устной клятвой²⁰; письменный текст с подписями старейшин народа был составлен

позже. То же касается и небольшого корпуса храмовых законов (Neh 10, 30–40), в основном касающихся приношений в пользу кохенов и левитов (первинки и десятина). Вообще, этот эпизод сильно напоминает обретение Второзакония при царе Йошияху (621 г. до н. э.)²¹ и, возможно, писался по его образцу.

В текст пятого блока включена перепись глав израильской общины при первосвященнике Йойакиме (Neh 12, 12–21). Ей предшествует перечисление кохенов и левитов, якобы пришедших с Зеруббавелем²², для которых указано: "...это главы священников и братья их во времена Йешуи". Далее приводится полуполюгендарная родословная первосвященников от Йешуи до Йаддуи, во время которого, очевидно, она и была составлена. Весь отрывок весьма тенденциозен, он должен был способствовать укреплению в иерусалимской общине иерократии. Перепись глав, проведенная при Йойакиме, вполне может быть историческим документом, хотя характеристика первосвященников Йешуи (время Зеруббавеля) и Йойакима (поколением позже) как глав израильской общины явно неверна. Следовательно, исторический текст (запись глав общины) был в составе пятого блока отредактирован, к нему были сделаны добавления в жреческом духе.

Итак, мы убедились, что текст книги Ezr-Neh составлен из пяти жанровых блоков, каждый из которых базируется на своем основном источнике (устная традиция, мемуары), к которым были присоединены некоторые подлинные документы. Тем не менее книга представляет собой единство не только сюжетное, но и формальное и была создана как единое целое. Вероятно, неизвестный нам редактор свел воедино эти пять блоков, записал их в определенном порядке и сделал необходимые ему исправления и дополнения. Временем, когда действовал этот редактор, следует считать поколение Йаддуи. Очевидно, что действия редактора были обусловлены интересами жреческой верхушки Иерусалимской гражданско-храмовой общины. Редактирование текстов VI–V вв. до н. э. и сведение их в одну книгу (Ezr-Neh) относится ко времени сложения в Иудее йахвистской иерократической общины и отвечает идеологии ее правящей верхушки.

¹ См.: Jos. Flav. Con. Ap. I, 8; Бава Батра 14б.

² См.: Ezr 1, 2–4 (переводы из ТАНАХа – под ред. Д. Йосифона).

³ См.: Ezr 2, 1–69.

⁴ См.: Вейнберг И. П. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1973. С. 9.

⁵ Neh 7, 5.

⁶ Ezr 2, 63.

⁷ См.: Ezr 2, 70.

⁸ См.: Ezr 2, 66–67.

⁹ Ezr 6, 2–5.

¹⁰ См.: Bickerman E. The Edict of Cyrus in Ezra I // Bickerman E. Studies in Jewish and Christian history. T. 1. Leiden, 1976. P. 72–108.

¹¹ См.: Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909. С. 121–123.

¹² См.: Дандамаев М. А. Государство и религия на древнем Ближнем Востоке // Вестник древней истории. 1985. № 2. С. 5–8; Дандамаев М. А. Имперская идеология и частная жизнь в Ахеменидской державе // Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 53–56. Ср. Ezr 6, 10 – «Дабы приносили они приятное Богу небесному и молились о жизни царя и сыновей его», – пишет Дарий I, прибавляя к этому угрозу всем, кто его ослушается.

¹³ Ezr 10, 15–17.

¹⁴ Ezr 10, 13.

¹⁵ Ezr 8, 15.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Neh 1, 1.

¹⁸ См.: Neh 7, 6–71.

¹⁹ См.: Neh 9, 5–10, 28.

²⁰ См.: Cp. II Reg 22, 1–23, 28.

²¹ См.: II Reg 23, 1–3.

²² См.: Neh 2, 2–7.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ В 1960–1980-е гг.

На рубеже 1960–1970-х гг. англо-американская советология претерпела серьезные внутренние изменения. В послевоенные годы в ней задавали тон политологи, но к началу 1970-х гг. среди советологов значительно возросло количество историков. Слабость тоталитарной модели в объяснении после- сталинских изменений в Советском Союзе была очевидной. Модель предполагала, что тоталитарные режимы бесконечно воспроизводят себя (можно даже использовать понятие кпонируют), а изменения допускала лишь как результат внешнего воздействия. Однако советский режим чрезвычайно заметно изменился и потерял многие "тоталитарные" характеристики.

Новой моделью анализа советской политической системы, первоначально пришедшей на смену тоталитарной концепции, стала "конфликтная модель"¹. Она уже не была статичной, т. е. не предполагала, что система будет неизменной в течение длительного времени, и подчеркивала, что власть внутри Политбюро была постоянным объектом борьбы. Однако главное внимание вновь концентрировалось на вершине властной пирамиды, а не на политической системе в целом.

На состояние советологических исследований большое влияние оказала "бихевиористическая революция" в социальных науках, вызвавшая особое внимание к поведению масс и элиты². Предметом углубленного исследования советологов стали отдельные аспекты функционирования советской системы. Акцент делался на природе политического лидерства, принятии решений и дебатах внутри партийного и советского руководства, смене политических лидеров. Шагом вперед в понимании политики внутри Политбюро как производной части всей политической системы стали структуралистские концепции. Они базировались на анализе взаимодействия политических и экономических институтов и создавали более сложную картину советской политической системы, чем тоталитарная и конфликтная модели. Структуралистский подход признавал наличие множественных интересов в партийном и советском аппарате, трактовал принятие политических решений как результат согласования различных интересов, подчеркивал разницу в процессах принятия решений и их выполнения и оценивал отношения между партийно-государственным аппаратом и обществом как интерактивные.

Новой тенденцией западного советологического ревизионизма был поворот к социальной истории, т. е. к научному направлению, кредо которого английский историк Т. Зелдин выразил так: "Кульминацией социальной истории должна стать история всеобъемлющая, охватывающая личность, умонастроения и общество одновременно". Социальная история дает представление о движении общества вместе со свойственными ему институтами: организацией производства, жизнедеятельности, власти, управления и т. д. В центре внимания находится человек не сам по себе, а как "элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма"³. В свою очередь, властные структуры рассматриваются как результат социальных сдвигов и потрясений, пришедшихся на эти годы.

Сторонники тоталитарной модели подходили к СССР как к закрытой системе, фундаментально отличающейся от западной. Применяя эту модель, они пренебрегали возможностью политических изменений. Ревизионисты, наоборот, видели некоторое подобие в функционировании западных демократий и коммунистических государств. С этой точки зрения было возможно использовать в изучении СССР эмпирические методы и теории, применяемые к западным системам.

Дискуссии о возможности применения западных обществоведческих дисциплин по отношению к советскому опыту, споры о советской исключительности сопровождали историю всей западной советологии. Французский автор Р. Арон отмечал, что те, кто живет в СССР, с трудом могут поверить, что за хаотическим фасадом конституционно-плюралистических режимов не скрывается всемогущество маленькой группы людей. Точно так же многие западные демократы убеждены, что Советскому Союзу присущи конфликты, которые составляют суть конституционно-плюралистических режимов. Иными словами, советские люди считают конституционно-плюралистические режимы «монополистическими олигархиями», поскольку хотят найти на Западе то же, что и дома. А сторонники конституционно-плюралистических режимов полагают, будто за фасадом партийной олигархии непременно есть свободное взаимодействие сил и группировок⁴.

Споры об отношениях между методологией обществоведения и советологии были характерной чертой и англо-американского академического мира. В 1973 г. краткий обзор методологических различий двух подходов – изучения региона или использования общих принципов социальных наук – был дан в статье Д. Каутского «Сравнительный коммунизм против сравнительной политики»⁵. Сторонники первого подхода считали, что важнейшим фактором является уникальность страны или региона, что требует использования прежде всего «культурного» подхода к изучению. Например, С. Соломон в отредактированном ею сборнике «Плюрализм в Советском Союзе» видела опасность в неадекватном применении системы ценностей. Она писала, что существует опасность попасть в ловушку использования американских или западноевропейских ценностей как главной линии оценки советской реальности, и призывала приостановиться в увлечении сравнением, сконцентрировавшись на уникальности советской политики⁶.

Р. Шарлет аргументировал, что коммунистические системы были закрытыми обществами со сложно различаемым процессом принятия политических решений, юридически неопределенными структурами, функциями и правилами. Это создавало условия, при которых многие ведущие концепции западной политической науки не могли быть применимы для изучения таких политических систем, так как их значение искажалось при описании соответствующих аспектов коммунистических режимов⁷. На подобную опасность обращал внимание и Д. Хоуг, отмечавший, что в сравнительном анализе психологически трудно отказаться от влияния собственной системы ценностей и нет ничего более легкого, чем применять определения и стандарты, которые сделают результаты подходящими для удовлетворяющих исследователя критериев⁸.

Одной из причин осторожного отношения к применению моделей в советологии являлся разделяемый частью исследователей антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных отличий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что советология, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой⁹. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем советологии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук. Например, представляется чрезвычайно важным внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его. Реальное положение дел в советологии было таким, что каждый ученый должен был сначала разъяс-

нить (хотя многие и не делали этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже лучшие англоязычные энциклопедии по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Вторая группа исследователей настаивала, что главным является не "чувство" страны, а умение перенести ее изучение в рамки выработанных схем, образцов и законов. Так, А. Мейер сожалел, что слишком долго коммунистический мир анализировался вне рамок сравнительного изучения, в условиях применения концепций и моделей, зарезервированных только для него самого. С точки зрения автора, одной из важнейших причин, помешавших англо-американским исследователям анализировать коммунистическое общество через систему координат широко используемых концепций и теорий, был климат холодной войны. Он предлагает для интегрирования изучения советского общества в социальную науку "просто очиститься от духа холодной войны"¹⁰.

Эксперты в области советской внутренней политики крайне редко прибегали к сравнению советской политической системы с тоталитарными государствами Запада и третьего мира. Даже если такие попытки предпринимались, то они чаще концентрировались на результатах политики, а не на институтах, ее проводящих и вырабатывающих. Р. Канет обращал на это внимание еще в середине 1970-х гг., но подобная ситуация сохранялась в течение длительного периода времени¹¹. Причины заключались в чрезмерном подчеркивании в советологических исследованиях двух составляющих советской системы: тоталитарного режима и государственной коммунистической идеологии. Существовало, уже отмеченное нами, согласие между "левыми" и консервативными исследователями в отношении уникальности СССР. Конечно, многие черты советской политической системы не позволяли говорить об идентичности коммунистических и западных государств. Но это не означало, что остальные составляющие систем также были несопоставимы. Советский опыт можно было рассматривать не только при изучении такого феномена, как "коммунизм".

В господствовавшей долгое время тоталитарной модели со всеми плюсами и минусами ее классического варианта сравнение делалось только с нацистской Германией и термин "тоталитарный" подразумевал полную непохожесть на государства Запада. В научном смысле отношения СССР и западных государств рассматривались как отношения противоположностей, различных абсолютно во всех составляющих. Советский Союз рассматривался даже не как крайность в едином сообществе, а скорее как изолированная система. Такой взгляд делал невозможным осознание того, что "советский вариант" является только одним проявлением широкомасштабной проблемы, общего вопроса об отношениях общества и государства. Конечно, любое сравнение является упрощением, и обобщение всегда затемняет детали. Но, используя сравнительный анализ, ученые могли обратить внимание на события, выходящие за пределы одной системы и оказывающие влияние на многие страны. В конечном итоге сравнение СССР с западными государствами было действительно политическим актом, позволяющим понять, что в советском и западном опыте есть общие черты, возникающие из насильственной функции государства.

В 1960-е гг. англо-американские ученые сделали первые шаги в направлении сравнительного изучения советской политической системы. Одним из

немногих исследований этого периода, посвященных данной проблеме, была работа З. Бжезинского и С. Хунтингтона "Политическая власть: США/СССР", подразумевающая существование политических параллелей двух государств. Однако в результате анализа политического процесса и политической культуры авторы приходят к выводу, что это полностью различные системы¹². Заметный след в истории советологии оставил сборник статей "Изучение коммунизма и общественные науки: эссе о методологии и эмпирической теории", изданный под редакцией Ф. Флерона в 1969 г.¹³. Он подчеркивал разрыв между советологией и западным обществоведением и предлагал использование "сравнительного коммунизма" как формы применения методов обществоведения в советологии. После публикации Ф. Флерона тенденция сравнительного анализа коммунистических систем стала заметным явлением англо-американской историографии. Концепция подразумевала наличие различий в странах "восточного блока" и возможные различные пути их развития. Хотя сравнительный коммунизм не обязательно вел исследователей к сравнению советской политической системы с нетоталитарными режимами, он, безусловно, являлся заметным продвижением в применении в советологии концепций и теорий западного обществоведения.

На англо-американскую советологию влияло и изменение международного климата, особенно состояние советско-американских отношений, во многом формировавшее подходы к интерпретации советской ситуации. Для 1950–1960-х гг., времени чрезвычайной враждебности двух сверхдержав, была характерна концентрация внимания на негуманных и нефункциональных сторонах советской системы. Период разрядки, сотрудничества Востока и Запада сделал советские исследования более открытыми для применения разнообразных интерпретаций и сравнения с другими странами. В советологии стал использоваться широкий спектр методологических подходов – от кремленологии до количественного анализа. Но новая ситуация породила и свои крайности. Многие концепции легко переносились из обществоведения в советологию, Советский Союз стал рассматриваться как слишком похожий на западные государства, а многие исследователи стремились больше говорить о позитивных и функциональных характеристиках советской системы.

Многие англо-американские ученые в 1970-е гг. приветствовали применение западных концепций, считая, что приспособление моделей для изучения Советского Союза полезно и будет способствовать взаимному обогащению советологии и общественной науки в целом. Но слишком легкое использование западных концепций таило в себе опасность, которую Д. Сартори назвал "концептуальной эластичностью"¹⁴. Он не отрицал возможность сравнения политических систем, но подчеркивал необходимость учитывать различия в компонентах, зачастую носящих одинаковые названия. В первую очередь, следует обратить внимание на опасность сглаживания черт различия советской и западной систем, поскольку применяемые концепции подчеркивают, прежде всего, их общность.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. наличие слабых сторон применяемых концепций вызвало не только резкие критические оценки в англо-американском академическом сообществе, но и вновь вызвало обсуждение самой возможности применения моделей в советологии. Так, В. Бунсе и Д. Эчолс отрицали возможность применения сравнительных исследований, считая, что этот метод принесет в советологию лишь новые ошибки, не исправив старых, порожденных региональным подходом к изучению СССР. Хотя они и признавали важность применения идей социальных наук из-за очевидных

недостатков тоталитарной теории, но критиковали и отдельные моменты пришедшей ей на смену теории модернизации. Последняя заимствовала западные модели развития и плюрализма, но не уделяла должного внимания репрессивным тенденциям советского режима¹⁵.

Более обещающие подходы в применении теорий западных социальных наук в советологии появились в начале и середине 1980-х гг. Ученые стали применять более строгие в теоретическом отношении подходы к изучению отношений между государством и обществом, этнической политики, отношений центра и периферии, институтов советской системы и роли элиты в политике¹⁶. Во все большей степени исследователи признавали необходимость применения теоретических разработок. Это стало особенно важно во второй половине 1980-х гг., когда появилась возможность использования новых материалов и проведения эмпирических исследований.

Изучение советского общества в эти годы становилось все более детальным и эмпирическим. Хотя задача описания системы в целом сохранялась, значительный интерес вызывал анализ ее отдельных составляющих. В то время как на ранней стадии изучения Советского Союза "советская политика" была практически равнозначна политике высшего руководства, в дальнейшем большее внимание уделялось политике низших уровней и комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Исследователи также стали анализировать не только политический процесс, но и его результаты и последствия. Англо-американская советология стала значительно различаться в темах исследований, применяемых методах и делаемых выводах. Различия стали столь же значительными, как при изучении других регионов мира.

¹ См.: Linden R. Khrushchev and the Soviet Leadership, 1957–1965. Baltimore, 1966; Kelley D. Toward a Model of Soviet Decision-Making // American Political Science Review. 1974. 68 (December).

² См.: The Behavioral Revolution and Communist Studies; Applications of Behaviorally Oriented Political Research on the Soviet Union and Eastern Europe / Ed. by Roger E. Kanet. New York, 1971.

³ Цит. по: Орлов И. Б. Книжки о "слабых мира сего" // Отечественная история. 1999. № 6. С. 171.

⁴ См.: Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. М., 1993. С. 214.

⁵ Kautsky J. Comparative Communism Versus Comparative Politics // Studies in Comparative Communism. 1973. Vol. 6.

⁶ См.: Pluralism in the Soviet Union / Ed. Solomon S.G. London, 1983. P. 27–28.

⁷ См.: Communist studies and the social sciences: essays on methodology and empirical theory / Ed. by Frederic J., Fleron Jr. Chicago, 1969. P. 211.

⁸ См.: Hough J. The Soviet Union and social science theory. Cambridge, 1977. P. 223.

⁹ См.: Meyer A. Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe // Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners? / Ed. Lucian W. Bloomington, 1975. P. 108.

¹⁰ Communist studies and the social sciences: essays on methodology and empirical theory / Ed. by Frederic J., Fleron Jr. Chicago, 1969. P. 198.

¹¹ Kanet R. Is Comparison Useful or Possible? // Studies in Comparative Communism. 1975. VIII (1/2). P. 20–25.

¹² См.: Brzezinski Z., Huntington S. Political Power: USA / USSR. New York, 1965.

¹³ См.: Communist studies and the social sciences... Указ. нр.

¹⁴ Sartori G. Concept Misinformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. 64(4). P. 1033–1053.

¹⁵ См.: Bunce V., Echols J. From Soviet Studies to Comparative Politics: The Unfinished Revolution // Soviet Studies. 1979. Vol. 30. Is. 1. P. 44–46.

¹⁶ См.: Bialer S. Stalin's Successors: Leadership, Stability and Change in the Soviet Union. Cambridge, England, 1980; The State in Socialist Society / Ed. Harding N. Albany; New York, 1984; Motyl A. Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity and Stability in the USSR. Ithaca; New York, 1987.

Меньковский Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории России БГУ.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ФРГ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ

Попытки осмысления такого многомерного и сложного явления, каким является социальная история, инициируют построение ее различных моделей. Если традиционная форма рефлексии над социальной историей ранее сводилась до полной ее ангажированности, то на изломе столетий все более расхожим становится тезис о несостоятельности теоретико-методологической стратегии социальной истории, в рамках которой научная ценность социальных структур и процессов уже не способна компенсировать имеющие место проблемы как в фактологическом, так и методическом плане.

В этих условиях не исключением оказалась и немецкая историческая наука. Представители *истории повседневности* (*Alltagsgeschichte*) – А. Людке, Х. Медик, Л. Ниетхаммер и другие – вполне правомерно поставили вопрос о реальной значимости научных инноваций *социальной истории* (*Sozialgeschichte*), их роли в структуре исторического знания. С одной стороны, это нисколько не умаляет заслугу социальных историков (Г.-У. Велер, Ю. Кока, Й. Моозер и др.) в становлении исследовательских программ в исторической науке в целом, с другой – формирование социальной истории детерминировалось экспансией ее инструментария лишь на изучение структур, глубинных оснований их социальной организации. Убедительно подтверждает этот вывод то, что первоначально социальная история дефинировалась как *структурная история* (*Strukturgeschichte*).

В настоящее время возможности плодотворной и рациональной дискуссии между представителями двух различных парадигм оцениваются весьма пессимистически, ибо каждая из них задает свою индивидуальную проекцию мира. Наличие этих парадигмальных установок предполагает реконструкцию их гносеологических концепций.

Сторонники социальной истории в начале 1950-х гг. занялись поиском теории структурирования исторической мысли, призванной объяснить смену научных парадигм. При этом в качестве основного ставится вопрос о роли принципа *историзма* (*Historismus*), который стал традицией германской историографии.

Сложность данного понятия обусловлена, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, историзм неоднозначно трактуется в некоторых отраслях научного знания (архитектура, живопись, литература и др.); во-вторых, в марксистском мировоззрении он отождествлялся с историческим материализмом. В историографии Германии конца XIX – начала XX в. атрибутивные свойства историзма сводились к шести признакам: а) идее развития; б) принципу индивидуальности; в) деятельности духовных движущих сил; г) герменевтике; д) примату политической и событийной истории; е) повествованию как форме воспроизведения истории (художественный характер исторического описания¹).

Сопоставив вышеназванные категории историзма, можно выявить общую концепцию, которой придерживались немецкие историки вплоть до второй половины XX в.: государство является центральной категорией, для которого характерна эволюция и чужды всякие революционные преобразования; развитие осуществляется исключительно по воле правителей, интуитивное понимание поступков которых и есть задача герменевтики; информация о событиях носит форму пересказа.

Принципиальная значимость немецкой исторической науки для адекватного отображения реальной действительности потребовала радикального

усложнения предмета ее научного исследования и формирования комплексных программ, предполагающих теоретическое осмысление системных объектов. В данном отношении послевоенная немецкая историческая наука испытала влияние французской школы "Анналов". Одной из атрибутивных характеристик данной школы было изучение социальных процессов, структур повседневности, что, в свою очередь, исключало проблематику политического фактора как детерминанты социокультурного процесса.

Традиционная история – история событийная, так как обращает внимание только на короткие промежутки времени. По Ф. Броделю, данному подходу в значительной степени свойствен элемент дескриптивности, а его объяснительный потенциал часто бывает незначительным, хотя и претендует на то, чтобы должным образом раскрыть сложные механизмы функционирования исторических законов. Известный французский исследователь считает, что существует множество масштабов исторического времени, которые олицетворяются в событиях различной длительности: от коротких промежутков, вычленяемых политической историей, до циклов десятилетних, двадцатилетних, пятидесятилетних, вековых, "вычленяемых историей социальной"². Таким образом, фактор времени является интенцией на изучение реальности в аспекте объективных закономерностей ее функционирования и развития, не зависящих от эмоциональных и ценностных представлений субъекта. "Длительная временная протяженность" по сравнению с "короткой" позволяет изучать экономические, демографические процессы, хозяйственную деятельность, быт и др. В свою очередь, организованность этих процессов фиксируется понятием структуры – "исторической реальности, устойчиво и медленно изменяющейся во времени"³.

Вышеотмеченные черты французской школы в силу объективных условий были экстраполированы и на немецкую историческую науку, которая в послевоенное время начала развиваться в условиях проведения демократических реформ и отказа от национализма⁴. Немецкие историки (В. Конце, О. Бруннер, Т. Шидер и др.) исходили из понимания структуры как целостного объекта, все элементы которого имеют взаимосвязанный характер. Такая позиция предопределила применение структурного метода в исторических исследованиях, т. е. анализу эволюции общества должно предшествовать выяснение его структуры – выделение основных составных частей, после – структуры этих частей, наконец, структуры более мелких составляющих единиц. Необходимо установить иерархию объекта от самого мелкого до самого крупного уровня.

Как оказалось впоследствии, для данного метода были характерны черты эклектики и релятивизма. Во-первых, полностью игнорировалась политическая история; во-вторых, структура предстает в качестве статичного, а не динамичного объекта; в-третьих, структуры, необходимые для изучения, имеются в экономике, географии, математике и т. п. Поэтому возник вопрос о целесообразности самого термина "структурная история".

Вьютупив с критикой так называемого "теоретического дефицита" структурной истории, Ю. Кока писал: "Политическая история и история государства могут и должны учитываться при изучении структурных аспектов"⁵. Преодолеть этот дефицит призваны были не только внутреннее совершенствование исследовательских программ, для которых все более характерными становились как синтез эмпирического и аксиологического (опыт людей, их ценностные установки, духовные идеалы) направлений и которые теперь обозначались в качестве социальной истории, так и ориентация последней на "политические науки и марксистскую теорию"⁶.

Предметом обновленной и расширенной социальной истории стали не только автономные структуры, но и социальные процессы, развитие классов, слоев, групп, семей, а также “коллективные феномены, менталитет, мобильность, женская эмансипация”⁷. Подобного рода исследования стали возможны с расширением источниковой базы. В 1960–1970-х гг. впервые в научный оборот были введены такие источники, как личные дела, личные счета работников предприятий, материалы переписей населения, листы домашних хозяйств и т. п.⁸ Таким образом, немецкая социальная история синтезировала в себе огромный эмпирический материал и, по словам известного немецкого историка В. Моммзена, была призвана преодолеть “отставание исторической науки”⁹.

Отметим, что наиболее адекватным основанием дифференциации социальной истории на важнейшие периоды, отличающиеся друг от друга не только интерпретацией предметной области, но и особенностями методологии, являются понятия “индустриальное общество” и “теория модернизации”. В самом широком смысле индустриальное общество понимается как общество, достигшее определенного уровня своего развития при помощи машинного производства и ЭВМ. В немецкой социальной истории данное понятие становится основным благодаря Г.-У. Велеру¹⁰. Естественно, что подобного рода общество понималось как веберовский идеальный тип, где бытие человека, в отличие от марксизма, не фатально зависит от экономического развития, а органично скоррелировано с ним. В действительности получилось иначе: техногенное общество в своем влиянии на человека практически не уступало тоталитаризму. В результате такой детерминации сформировался тип личности, который немецкий известный философ Г. Маркузе обозначил как одномерный человек¹¹. Одномерность в данном случае понимается как стремление к материальным благам, отрицание моральных норм и ценностей. Таким образом, факт детерминации человеческого существования экономическими и социокультурными процессами стал основной проблемой изучения социальной истории: в рамках индустриальной парадигмы человек и общество не могли рассматриваться как сущности, находящиеся в отношении параллельного существования. Более того, общество, государство достаточно определенно стали доминировать как типы социальной организации, направленные на преобразование и модификацию человека. Эти социальные организации Й. Моозер определил как “надиндивидуальные структуры” (*die überindividuellen Strukturen*)¹².

Реакция человеческого сознания на “экспансию” государства была достаточно бурной и вылилась в 1960-х гг. в весьма широком спектре идей и концепций, которые можно объединить общим понятием “**новые социальные движения**”. В данном отношении наиболее радикальной оказалась Франкфуртская школа (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер и др.). Выдвинув идею “контркультуры” и “бунта против истории”, они обозначили те социальные силы, которые способны подрывать устои буржуазного общества: люмпены, радикальные слои интеллигенции, студенчество и др.

Для мировоззрения немецких социальных историков было характерно то, что они, отчасти признавая правоту многих выводов постмодернистской философии, высказывали несогласие с ее крайним нигилизмом. В частности, неужели для преодоления социальных противоречий необходимы восстания и революции? В качестве альтернативного варианта выдвигается “**теория модернизации**”. Несмотря на очевидную полисемантическую и метафоричность, данное понятие позволяет выразить позицию социальных историков.

В сегодняшней исторической парадигме модернизация мыслится как сложный процесс, подразумевающий структурную дифференциацию социокультурной системы и формирование новых институтов, норм, форм коммуникации, символов и ценностей не на основе отрицания традиционного, а его органического включения в процессы "осовременивания", задействования его мобилизационного и интегративного потенциала. Таким образом, традиционные ценности, обретающие новый смысл, становятся легитимирующей основой преобразований, определяют их темпы и смысл¹³.

Специфика модернизации Германии определялась такими базовыми особенностями этой страны, как милитаризм и государственная бюрократия, позиции которой не могли быть подорваны ни в период индустриализации, ни в процессе становления парламентаризма и партийной системы. Нельзя также забывать и про авторитарные элементы политической культуры, развитие рабочего движения, которое породило противоречия между рабочими и капиталистами¹⁴.

В структурном плане немецкая цивилизация характеризовалась большим количеством локальных государственных и полугосударственных образований, которые не сводились к общему центру. Это во многом определило характер процесса модернизации Германии. Объединение немецкой нации железом и кровью сопровождалось общими противоречиями в социальной, институциональной, политической и других сферах. Однако они не остановили процесс модернизации, а их разрешение привело в конце XX в. к позитивной динамике современного общества ФРГ. Поэтому неудивительно, что процесс образования Германии стал популярной, если не основной темой сторонников социальной истории¹⁵. Главное для них – описание сложного трансформационного процесса становления Германии от аграрных, раннекапиталистических государственных союзов до демократического общества современности. Особенностью модернизации Германии, обеспечившей ее успешный ход, было также совпадение императива обновления с интересами правящей олигархии. Важным фактором было осуществление реформ на основе независимой внешней политики, при направленных и регулируемых заимствованиях в научно-технической сфере и под лозунгами возрождения имперских ценностей, "особого немецкого пути". Процесс собирания германских земель "сверху" обусловил ведущую роль элиты, прежде всего аристократии, которая имела огромные привилегии вплоть до права на собственные гербовые атрибуты¹⁶.

Рассматривая подробно теорию модернизации и сферу ее приложения (германские земли), представители социальной истории обошли вниманием очень важный вопрос: претерпевает ли модернизацию народная культура, менталитет людей, их повседневность параллельно с институциональными изменениями. Печальный опыт постсоветского общества показал, что его менталитет оказался куда более консервативным, нежели сама система власти. Рецидивы такого мышления: поддержка политики изоляционизма, противопоставление СНГ всему западному миру, идея великодержавного могущества и прочие – все еще владеют умами миллионов людей – в недалеком прошлом советских граждан.

Проблема взаимоотношений микро- и макросоциологических факторов стала основной на Национальной конференции германских историков, состоявшейся в 1992 г. в Ганновере. Если представители истории повседневности указали на подспудно вызреваемые процессы, "резонирующие со стремлением людей к выживанию и в то же время установлению справедливости по отношению к ним и к тем, кто им дорог", на действия тех, "кто является

одновременно и объектами истории, и ее субъектами", т. е. на историю как на "многослойный процесс"¹⁷, то убеждение социальных историков в том, что "отставание исторической науки призваны преодолеть современная социальная история, экономическая история, демография и не в последнюю очередь применяющая структурно-аналитические методы политическая история, исследующая не только действующие группы и элиты, но и обусловленность их действий социоэкономическими структурами"¹⁸, осталось незыблемым.

Адекватная оценка социальной истории не предполагает возведения ее в некую универсальную категорию. Тем не менее этому направлению по-новому удалось внести свой вклад в решение ряда фундаментальных социально-теоретических проблем. Сюда можно отнести теорию структурного метода, вопрос генезиса государства и становления индустриального общества. Немецкая социальная история внесла значительный вклад в общую социологическую теорию, определив модернизацию как одну из важнейших характеристик исторического процесса.

¹ См.: Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической науки в XIX столетии // Отечественная история. 2000. № 4. С. 121.

² См.: Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современных западных медиевистов. М., 1973. С. 14.

³ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 124.

⁴ См.: Коска J. Sozialgeschichte. Göttingen, 1986. S. 67.

⁵ Ibid. S. 79.

⁶ Mommsen W. Die Geschichtswissenschaft jenseits Historismus. Düsseldorf, 1972. S. 25

⁷ Коска J. Указ. пр. S. 82.

⁸ См.: Mooser J. Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Historische Sozialwissenschaft, Gesellschaftsgeschichte // Fischer Lexikon Geschichte. Frankfurt am Main, 1990. S. 387.

⁹ Цит. по: Патрушев А. И. "Социальная история" в буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1976. № 4. С. 157.

¹⁰ См.: Wehler H. - U. Modernisierungstheorie und Geschichte. Göttingen, 1975.

¹¹ См.: Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 1996.

¹² Mooser J. Указ. пр.

¹³ См.: Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 168.

¹⁴ См.: Ritter G. Neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik // Sozialgeschichte im internationalen Überblick: Ergänzungen und Tendenzen der Forschung. Darmstadt, 1989. S. 57.

¹⁵ См.: Овчинникова Л. В. Германская империя 1871 г. в буржуазной историографии ФРГ 60–70-х гг. // Ежегодник германской истории, 1975. М., 1976; Павленко Г. В. Германская империя 1871 г. и уроки истории // Новая и новейшая история. 1975. № 5; Петряев К. Д. Мифы и действительность в "критическом пересмотре прошлого". Очерки буржуазной историографии ФРГ. Казань, 1969.

¹⁶ См.: Wehler H. - U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte 1700–1815. München, 1996. S. 145.

¹⁷ Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 99.

¹⁸ Цит. по: Патрушев А. И. "Социальная история" в буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1976. № 4. С. 157.

Курьянович Александр Викторович – аспирант кафедры источниковедения и музееведения БГУ. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Н. Сидоров.

В.А. ЕРОВЕНКО, Н.В. МИХАЙЛОВА

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ ИММАНУИЛА КАНТА И НЕПЕРЕДАВАЕМЫЙ ОПЫТ ЧУВСТВЕННОЙ ИНТУИЦИИ*

Проблема знания после двух тысячелетий обсуждения никогда еще не была столь открытой, как сейчас. Еще в античности Платон (427–347 до н. э.) выдвинул доктрину априоризма, согласно которой развитие математики происходит независимо от опыта. Платон, заимствовав некоторые фрагменты учения пифагорейцев, был в IV в. до н. э., несомненно, лидером духовной жизни Греции и даже основал в Афинах свою Академию. Математику он рассматривал как возвышенное учение, способствующее созерцанию идей.

Хотя математик и пользуется чувственно воспринимаемыми образами, Платон считал, что доказываемые им истины относятся все же к идеям, а не к воспринимаемым вещам. Платон утверждал, что реальность и рациональность мира могут быть постигнуты только с помощью математики *идеального мира*. В духе этого он пытался отдалить математику от решения практических задач, чтобы не свести ее тем самым к ремесленничеству. С начала возникновения математической науки появилось понимание того, что свойства математических объектов не реализуются в природе столь же идеально, как они описываются в математике. Поэтому расхождение между абстрактными образованиями математики и сущностями реального мира побудило философов науки заняться исследованием объектов математики.

В Новое время, несмотря на то, что был накоплен достаточный материал об опытном происхождении научного знания, убеждение в априорном характере математических положений оставалось достаточно распространенным. Априорный взгляд на математику защищал и один из наиболее чтимых и глубоких философов всех времен – Иммануил Кант (1724–1804). Математические теоремы Кант относил к так называемым *синтетическим суждениям*, т. е. суждениям, которые формируют новое знание и отличаются от аналитических суждений, не содержащих ничего нового. Кант, будучи прежде всего блестящим философом, в 1755–1770 гг. преподавал математику и физику в Кёнигсбергском университете. На вопрос, откуда возникает платонистский мир объектов, который изучает математика, т. е. мир натуральных, действительных и комплексных чисел, геометрических фигур, групп, колец, полей, метрических, топологических и векторных пространств и так далее, философия Канта дает однозначный ответ: этот мир возникает благодаря процедуре *конструирования понятий*. Хотя мир этих моделей –

* Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г99–079.

воображаемый или мыслимый, без совершенствования культуры мышления и искусства создания математических абстракций и моделей, современное познание реального мира было бы столь же неэффективным, как и его экспериментальное исследование без новых технологий.

“Из всех выдающихся философов, – утверждает один из ведущих участников исторического “Венского кружка” Ганс Хан, – Иммануил Кант был несомненно тем, кто придавал интуиции особое значение в формировании человеческого знания”¹. В своей фундаментальной работе “Критика чистого разума” (1781) Кант утверждает, что все аксиомы и теоремы математики истинны. Откуда такая лестная для математиков уверенность, если даже опыт, вообще говоря, не делает математические утверждения истинным? Ответ Канта сводится к тому, что наш разум сам по себе владеет формами пространства и времени. Пространство и время Иммануил Кант связывает с формальными принципами чувственного мира, тогда как рассудок, по его мнению, выполняет логическую функцию, поскольку способен *мыслить предмет чувственного созерцания*. Идеи Канта о физическом пространстве и времени хорошо согласовывались с господствовавшей в кантовские времена ньютоновской физикой. Он признавал законы Ньютона и следствия из них самоочевидными. Обладая врожденными интуитивными представлениями о пространстве и времени, наш разум в соответствии с этим организует чувственные восприятия. Поэтому пространственные восприятия соотносятся с постулатами евклидовой геометрии, поскольку этого требует наш разум. Однако теория относительности Эйнштейна утверждает, что не существует абсолютного пространства и времени, а существует их сочетание – физическая Вселенная.

Выдающийся немецкий математик Бернхард Риман (1826–1866) в лекции “О гипотезах, лежащих в основаниях геометрии” (1854), опубликованной после его смерти в 1868 г., развил общую теорию, частными случаями которой являются пространства Евклида и Лобачевского. Риман гениально предвидел, что пространство и материю нужно рассматривать в неразрывной связи. Метафизика здравого смысла постоянно порождала и порождает новые проблемы, поскольку вполне возможно, что бесконечный мир вокруг нас совсем другого рода, чем мы себе воображаем. Прожив всю жизнь в Кёнигсберге, в Восточной Пруссии, Иммануил Кант, замечает известный американский математик Морис Клайн, “тем не менее считал себя способным представить геометрию Вселенной”². Кант не видел причин для отказа от евклидова пространства. Аксиомы евклидовой геометрии он рассматривал как синтетические суждения априорного характера. А поскольку априорные свойства пространства предполагаются неизменными, то тем самым должны отвергаться любые другие возможные аксиомы геометрии, кроме Евклидовых. Представление о математике его времени как о “своде априорных истин” было созвучно умонастроениям многих ученых. Уместно заметить, что выдающийся немецкий мыслитель XX в. Герман Вейль (1885–1955) говорил о математике уже не как о свode точных знаний, а как о *виде умственной деятельности*. И все же математика была убедительным примером того, как далеко можно продвинуться в априорном знании независимо от опыта. Евклидова геометрия была наиболее стабильным разделом этой науки по той причине, что ее теоремы на протяжении более двух тысячелетий полностью соответствовали результатам физических наблюдений. Иммануил Кант заблуждался относительно евклидовой геометрии, считая ее единственно возможной. Однако главное в его учении заключалось в том, что именно человеческий разум определяет как должна вести себя природа и формирует наши концепции пространства и времени.

Открытие неевклидовых геометрий нанесло сильный удар по кантовской доктрине априоризма. Французский философ Гастон Башляр (1884–1962), разрабатывавший свои идеи на основе математического и естественнонаучного знания, выступал против абсолютизации как опыта, так и теории, пытаясь выявить их диалектическое взаимодействие с ведущей ролью разума, вооруженного математическими и философскими методами. Он считал, что первые образцы “научной диалектики” появились в геометрии, а точнее, в неевклидовой геометрии. Философия Канта и его авторитет раскрепостили и одновременно ограничили научную мысль. *Бог решил наказать кантианцев* и чрезмерно самоуверенных математиков, предполагает Морис Клайн, и подбросил им неевклидову геометрию. В отличие от Канта они продолжали верить в материальный мир, подчиняющийся законам, не зависящим от человеческого разума. Математики довольно продолжительное время предпочитали верить, что именно они вдохновляли на творческие искания философов. Но в XVIII в. как раз философы были среди тех, кто пытался отрицать физические истины о мире. Ярчайший представитель Просвещения XVIII в. французский философ Дени Дидро (1713–1784) в “Мыслях об объяснении природы” (1753) одним из первых отрицал также абсолютность математических законов. Математик, утверждал он, подобен игроку, поскольку оба они в своих действиях пытаются руководствоваться созданными ими самими абстрактными правилами. Отмена гегемонии Евклидовой геометрии, по мнению некоторых современных теоретиков, способствовала переходу от модерна к постмодерну. По нашему самонадеянному интеллекту наука нанесла немало ударов, поставив под сомнение непогрешимость господствовавшей логики мышления, не допускавшей сосуществования двух противоположных понятий или мнений. Мы привыкли к понятиям объективного и субъективного, хотя в усложнившейся системе действительности “пространство – время” уже не укладывается в формулу “или – или”. Так что же такое, например, время? Августин утверждал: “Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время, но объяснить спрашивающему я бы не смог”.

Античности и средневековью было неведомо противопоставление целей духовного и культурного развития, а важнейшей функцией научного знания являлась мировоззренческая. В Новое время философия ориентировалась на научную форму рациональности, и в этот период появляются признаки несовпадения ценностей знания и духовного саморазвития личности. Познание возможно лишь потому, что в мире уже существуют формы и духовное содержание, а творческим оно становится тогда, когда от простого восприятия переходит к духовному открытию нового содержания и новой формы. Различие между образом и понятием возникло с тех пор, как Платон разъединил философию и искусство. Однако разделение науки и искусства было неестественным и вредным для обеих сторон, поскольку между ними, вообще говоря, нет непреодолимой противоположности. Так же как в свое время математические истины подвигли Платона на создание *философского мышления*, так и многие глубокие философы обратились к математической логике с целью избавиться от критических нападков. Заметными фигурами в попытке возродить математический дух были немецкий философ Эдмунд Гуссерль (1859–1938) и британский философ Бертран Рассел (1872–1970). Рассел провозгласил логику сущностью философии, присоединившись к Гуссерлю в осуждении психологизма, проникающего в философию математики, а Герман Вейль с немалым на то основанием считал логику гигиеной, позволяющей математикам *сохранять свои идеи здоровыми и сильными*.

Известно знаменитое изречение Платона, приведенное Плутархом: *“Бог всегда является геометром”*. Со времен древнегреческой философии можно наблюдать философское пристрастие среди всех разделов математики, именно к геометрии как уникальной модели строгого знания. “Это пристрастие, – размышляет профессор Том Рокмор, – основывается на таких факторах, как предполагаемая математическая природа самой реальности, – как сказал бы Кант, от *a priori* к *a posteriori*”³. Том Рокмор отмечает удивительную степень сходства между Иммануилом Кантом и французским математиком, философом и просветителем Нового времени Рене Декартом (1596–1650). Декартовская теория о достоверности содержания сознания начинается с концепции субъекта как *cogito*, знаменитого *“cogito ergo sum”* – “мыслю, следовательно, существую”. Кант считал, что именно Декарт впервые завел речь об идеализме, что он мог бы сказать *“cogito, то есть sum”*. В одиннадцатой книге трактата “О граде Божиим” (412–427), посвященном философии истории, Августин выводит существование из мышления. Аналогию между *cogito* Декарта и этим местом сочинения Августина отмечали многие философы. Рене Декарт подвергает сомнению все, что не является ясным и отчетливым. Главное здесь то, что существует именно мысль, независимая от материальной субстанции. Даже для изучения физического мира Декарт хотел использовать только математику. Понимание философии природы, считал Кант, основано на соединении двух дополняющих друг друга принципов. “Философское познание дискурсивно, – пояснял он, – а математическое интуитивно”⁴. Именно философское и математическое познание вместе взятые занимают, по Канту, две области всего априорного познания.

Однако, в отличие от Декарта, пассивного картезианского субъекта, которого он считал наблюдателем, Кант заменяет активным субъектом, в некотором смысле создающим познаваемый объект. Когда с помощью интуиции мы воспринимаем впечатления – это пассивный процесс, когда же мы еще и используем их в нашем мышлении – это уже активный процесс. В “Критике чистого разума” Иммануил Кант писал, что наше знание возникает из двух основных источников души, первый из которых есть способность получать представления, а второй представляет собой способность познавать через эти представления предмет. Посредством первой способности предмет нам *дается*, а посредством второй он *мыслится* в отношении к представлению. Согласно Канту, нужно различать две составные части интуиции; а именно: эмпирическую, или апостериорную, часть, возникающую из опыта, и априорную часть, не зависящую от опыта. Французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе Анри Бергсон (1859–1941) считал, что постигнуть жизнь можно только при помощи интуиции, непосредственно проникающей в индивидуальную природу объекта. Рассматривая разум как продукт жизни, Бергсон расходится с декартовским “мыслю, следовательно, существую”. Анри Бергсон объясняет сознание жизни самой жизнью. Пытаясь установить связь проблемы жизни с проблемой познания, он различает *жизненный порядок* и *геометрический порядок, присущий материи*. С точки зрения Анри Бергсона, прогресс европейской культуры основан на развитии интеллектуальных способностей, хотя более совершенное социокультурное развитие, по его мнению, предполагает в равной степени развитие и интеллекта, и инстинкта. Поэтому выход из кризиса современной культуры он видит в развитии интуиции, с помощью которой, в отличие от интеллекта, возможно выживание человека.

В философской системе Канта чистая интуиция играет важнейшую роль. Так, например, он считал, что математика основана на чистой интуиции, а не на разуме. Говорить об интуиции абстрактных объектов довольно трудно, поскольку каждый математик создает свой индивидуальный мысленный

образ, в каких-то аспектах даже несравнимый с соответствующими мысле-образами других людей. Многие положения интуиционизма были предвосхищены Иммануилом Кантом. Хотя со временем пришло понимание того, что ощущения или восприятия, являясь отражением внешнего мира, не дают нам абсолютного знания, поскольку содержат элементы взаимодействия между воспринимаемым объектом или процессом и тем, кто его воспринимает. Разум анализирует восприятия и применяет свое понимание пространства и времени к опытным данным. Не опыт, по Канту, является источником знания, хотя оно и может начинаться с опыта. Знание, считал он, берется из разума, а человек, *побуждаемый научным духом*, желает знать прежде всего для того, чтобы ставить осмысленные и точные вопросы. Декарт верил в априорные истины и силу разума, который может выработать полное знание обо всем. В «Принципах философии» (1644) он называет математику сущностью всех наук. Рене Декарт был убежден в том, что наша интуиция и метод дедукции должны приводить к верным заключениям, поскольку Бог как «бесконечная, вечная, неизменная и всемогущая субстанция» не стал бы вводить нас в заблуждение.

Хотя великий французский математик XVII в. Блез Паскаль (1623–1662) не был столь влиятельным философом, как Рене Декарт, он, безусловно, почитаем всеми знатоками философской мысли. В своих математических работах Паскаль опирался в значительной мере на интуицию и глубоко верил в нее. Однако, в отличие от Декарта, строившего утверждения о реальности на основе чистого разума, Паскаль говорил об истинах, воспринимаемых душой. Истина, полагал он, должна быть либо самоочевидной для души, либо логическим следствием подобных истин. Для Блеза Паскаля было непреложным то, что основные начала мы чувствуем, а математические положения доказываем, т. е. приобретаем такие знания разными путями. В отличие от разума чувства кажутся необоснованными и подчиняющимися иной логике, не уловимой для разума. Паскаль, например, указывает на загадки и парадоксы любви. Любовь вполне может вызвать неосознаваемая малость или неведомо что, зато последствия ее довольно продолжительны и несоразмерно огромны. Любим мы сердцем, а доказываем разумом. Сила сердца у Блеза Паскаля означает не слабость разума, а только отрицание его всеисилия, поскольку мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем. Страсти живы даже в тех, кто стремится от них отречься, считал он, а борьба между разумом и страстями и составляет драматизм всей человеческой жизни. Проходя с переменным успехом, она иногда уступает место гармонии между разумом и сердцем. В одном из своих выступлений Герман Вейль говорил о *скрытой гармонии*, внутренне присущей даже природе и отражающейся в наших умах в виде простых математических законов. В работе «Об изначально злом в человеческой природе» (1792) Кант, поддерживая мысль Паскаля, также говорит о коварстве человеческого сердца. И все же нельзя не признать, что если вечный вопрос о смысле жизни попытаться осознать интуитивно, сердцем, то тогда, может быть, для многих смыслом жизни станет сама жизнь.

Блез Паскаль, а впоследствии и Иммануил Кант понимали интеллект как опосредованную способность. «*Интуиция определяется им, – считает профессор Московского университета Г.Я. Стрельцова, – как особая чувственная способность, которую он называет то внутренним чувством..., то природой, то волей, то, наконец, инстинктом, и органом ее он считает сердце человека*»⁵. Чувственные интуиции в определенном смысле идентифицируются, прежде всего, как источник познания случайных истин, а концепции, вообще говоря, в своем большинстве ассоциируются по необходимости с неизменными истинами. Кант утверждал, что мы не только не знаем, но и

не можем знать природы, и располагаем лишь *чувственными восприятиями*. Поэтому его способ нахождения научной истины никогда не сможет убедить нас в том, что наше моральное решение основано только на познании природы мира. Тех философов, которые разделяют взгляд на математику как на творение человека, видя ее источник в силе человеческого разума, можно, по существу, называть кантианцами. Творческая деятельность разума создает в современной математике новое фундаментальное знание, интересное и полезное для него. Требование же некоторой современной версии объяснительной модели для объективного существования математической истины во многом связано с возможностью выбора из множества всевозможных метафор в разговоре о познании. Если бы математики были лучше знакомы со взглядами таких мыслителей, как Декарт, Паскаль и Кант, замечает профессор Нью-Йоркского университета Морис Клайн, то такое порождение нашей эпохи, как интуиционистское направление в основаниях математики, шокировало бы их гораздо меньше. В начале XX в. выдающийся французский математик Жак Адамар (1865–1963) высказал интересную мысль о том, что *цель математической строгости состоит в том, чтобы санкционировать и узаконить завоевания интуиции*. Прогресс математики неизменно стимулировался великими интуитивными озарениями, получавшими впоследствии с помощью поправок, доводящих доказательство до приемлемого для своего времени уровня строгости, должное обоснование.

Ничто не может быть данным раз и навсегда. Греческий идеал математического знания как свода абсолютно надежных и неопровержимых истин довлел над мышлением математиков более двух тысячелетий. Возникающие контрпримеры “подрывали” старые доказательства и они пересматривались, а новые варианты могли опять ошибочно считаться окончательными. Наиболее крайние взгляды выразил в книге “Логика научного исследования” (1959) один из самых влиятельных философов XX в. Карл Поппер (1902–1994). Математическое рассуждение, да и знание вообще, считал он, никогда не бывает верным, оно может быть только ошибочным, поэтому определенной математической теорией можно пользоваться в соответствующих пределах за неимением лучшей или более общей теории. Уверенность в правильности математических теорий, по Попперу, недостижима, хотя они вполне терпимо могут сосуществовать с другими теориями и гипотезами в его *третьем мире*. Начиная с конца XVIII в. ведущие математики основательно разрушили классическое представление о числе и пространстве, исследовав объекты, не имеющие чувственного эквивалента, потому что никто никогда не наблюдал группы, кольца, модуля или функционального пространства. Еще Платон верил в то, что математические объекты и утверждения существуют в некотором идеальном мире независимо от людей, а душа человека до его появления на свет обретается в мире идей и впитывает впечатления. Если предположить, что существует мир *абсолютных объектов*, а математические утверждения лишь записи их наблюдений, как считают платонисты, или являются, по Попперу, творениями человеческого разума, то не существуют ли ложные или несовместимые утверждения в том же смысле, в каком существуют истинные?

“Философ, – говорил Иммануил Кант в “Критике чистого разума”, – это не просто художник, оперирующий концепциями, а законодатель, задающий правила работы человеческого разума”. Только с Кантом пришло понимание различия между наукой и философией. Постепенному отделению философии, восходящему еще к декартовским “Размышлениям”, способствовало становление и развитие философской теории познания, теории, которая, в отличие от конкретных наук, претендовала на статус их основания.

“Кант, – замечает известный современный американский философ Ричард Рорти, – ухитрился трансформировать старое представление о философии – метафизике как “царице наук”... – в понятие наиболее базисной дисциплины – дисциплины оснований”⁶. С появлением Канта, утверждает Рорти, историки философии не только смогли заставить мыслителей XVII и XVIII вв. попытаться найти ответ на вопрос: “Как возможно наше познание?”, а даже “озадачить” хорошим вопросом древних. Выражение *теория познания* стало общепринятым и приобрело “философскую респектабельность”. Кант был первым значительным философом, который рассматривал в качестве оснований познания суждения, а не объекты. В соответствии с *Принципом Чистого Рассудка* исследовались правила, которые сознание устанавливает для себя, так же как раньше Платон использовал аксиомы геометрии для вывода математических истин. Кант определил границы, в рамках которых можно было разобраться в интеллектуальной мысли XVII в. Тем самым, поясняет профессор Ричард Рорти, он создал стандартную версию истории современной философии, согласно которой философия до Канта была борьбой рационализма и эмпиризма. Слово *познание* не казалось бы достойным того, чтобы биться за него, если бы не кантовская традиция. Кант ухитрился сделать различие концепций и интуиций правдоподобным и в то же время интригующе проблематичным.

Кант говорил, что в суждениях чистого разума нет места мнению, и Декарт возможно бы с этим согласился, поскольку интуиция и дедукция для него есть наиболее твердые пути знания. Иммануил Кант приписал математической интуиции такую познавательную функцию, которую она, вообще говоря, не в состоянии выполнить. Прошлое и будущее изменяют элементы чувственного представления, с которыми они связаны. Философ математики Имре Лакатос (1922–1974), последователь Поппера, спрашивал: “Если математика в конечном счете основана на интуиции, то почему мы должны идти все дальше и дальше?”. Процедура конструирования абстрактных понятий способна порождать и сомнительные математические конструкции. Это побудило Канта исследовать вопрос о существовании критерия, который позволил бы исследователям из возможных рассудочных понятий выделить те, которые не приведут к появлению математически противоречивых объектов. Согласно Канту, роль критерия может исполнять не логика, а чистое созерцание, т. е. *априорная интуиция*. Он был уверен, что для математики этот критерий достаточен, как и критерий опыта для разума в эмпирическом применении. Однако уже в XIX в. математическая практика, вопреки кантовскому критерию оценки математической достоверности, создала такие примеры и теории, которые не поддавались интуитивному контролю.

Математическая интуиция, утверждает группа французских математиков, выступающая под коллективным псевдонимом Никола Бурбаки, отнюдь не обязательно имеет в наше время пространственную или чувственную природу, и, возможно, представляет собой лишь “некоторое знание поведения математических объектов”. Даже для понятий, которые кажутся воспринимаемыми чувственной интуицией, соответствующие им объекты могут значительно отличаться от того, что мы о них думаем. Поэтому запрещение различных видов математической интуиции в пользу какого-либо одного метода, например интуиции натурального числа, можно считать искусственными ограничениями математического творчества. Математическая интуиция может применяться к математическим понятиям и структурам довольно высокой степени абстрактности, хотя никакой ее вид не является, вообще говоря, абсолютно непогрешимым. В действительности, считает известный современный французский математик Жан Дьедонне (1906–1992), интуиция

математика в гораздо большей степени относится к длительной привычке, чем непосредственно к нашим чувствам. Он, к примеру, высказывает сомнение в том, что кто-нибудь обладает “серьезной интуицией натурального числа, большего, чем десять”, имея в виду непосредственное психологическое восприятие⁷. Неограниченно продолжаемый натуральный ряд чисел или бесконечная прямая могут служить примерами математических объектов, не имеющих непосредственного экспериментального обоснования. Духу физики, предположил в одной из дискуссий профессор Московского университета П.К. Рашевский, более соответствовала бы такая математическая теория целого числа, в которой очень большие числа приобретали бы в некотором смысле “размытый вид”, не являясь строго определенными членами натурального ряда. В то же время в современной математике давно происходит, по наблюдению Дьедонне, любопытное явление *переноса чувственной интуиции на совершенно абстрактные объекты*. Характерным примером является распространение геометрического языка на бесконечномерные банаховы и гильбертовы функциональные пространства. Этот математический язык связан с переносом и “приручением” интуиции из конечного в бесконечное.

Бурбаки, веря в объективность математики, охотно принимали “недоказуемое метафизическое допущение”, согласно которому “математика в основе проста” и для любой математической задачи имеется наилучший и оптимальный путь ее решения. В любых конкретных социальных условиях всегда можно обнаружить комбинации современного и традиционного знания. Именно в духе греческого идеала поиска Истины, свободного от каких-либо практических интересов, благодаря упорству математиков, вдохновленных этим заветом, полагает Жан Дьедонне, мы обязаны рождению теории групп и современной алгебраической геометрии. Естественные науки и математика эпохи Просвещения рассматривались как основательные аргументы, в духе требований разума, для определения современной точки зрения в отличие от предшествовавших. Во всех эпохах социокультурная практика постоянно изменяется под воздействием внедряемых открытий. Сфера разума не может быть полностью свободной, поскольку никакое знание не удержится на безусловном основании, если оно не хочет стать догмой, не претендующей на обоснование. Даже мыслители раннего Просвещения понимали, что свидетельства наших чувств всегда могут быть подвергнуты сомнению, поэтому только чувственные данные не в состоянии сформировать надежную основу знания.

Оснащение теоретическими категориями чувственного наблюдения и чувственной интуиции – результат того, что *философская мысль весьма резко отклонилась от эмпиризма*. Например, в области современной математики абстракция и обобщение приводят к пониманию патологических явлений, присущих достаточно частной ситуации, маскирующей существо дела. Пока эта эволюция происходит естественным путем, не следует тревожиться, утверждает профессор Жан Дьедонне, поскольку опасность может подстерегать нас лишь со стороны безосновательной абстракции, побуждаемой только меркантильным желанием “перещеголять своих предшественников”. Термин “постмодернизм” относится главным образом к стилям и направлениям в литературе, живописи и архитектуре. Однако, помимо общего ощущения несоответствия с прошлым, данный термин в отношении к научному знанию определенно означает по крайней мере то, что *ничего нельзя знать наверняка*, в силу ненадежности прежних оснований, даже в таком традиционно стабильном знании, как математическое. Слабым утешением может служить убежденность Иммануила Канта в том, что природа даже в состоянии хаоса может действовать правильно и слаженно.

Философия Канта воздавала хвалу человеческому разуму и отводила ему значительную роль как инструменту познания глубинных тайн самого разума. Величие Канта состоит в попытке изменения традиционной концепции разума и нахождения в ней места для моральной веры. Кант настолько глубоко переосмыслил идеи и рационалистов, и сенсуалистов, полагая, что и разум, и чувства играют одинаково важную роль в познании, что его даже стали называть "Коперником философии". Глубина философских воззрений Иммануила Канта при любом к ним отношении стимулировала и оплодотворяла современную мысль, в том числе и в области философии математики, хотя априорный взгляд на математику следует все же отнести к наиболее элементарным разделам или начальным понятиям этой науки. Кант, несомненно, задавал хорошие вопросы, например, когда спрашивал, *как и почему возможны математические истины?* Когда философы атакуют нас своими вопросами, парадоксами или проблемами, мы спешим укрыться за формализмом, иронизировал профессор Жан Дьедонне, утверждая, что математика – это комбинация бессмысленных символов. А когда нас оставляют, наконец, в покое, мы, как всегда, возвращаемся к своей замечательной науке, осознавая свою работу вполне реальной, что и создает нам достаточно комфортное существование в современном мире идеальных математических понятий и образов.

В реальной действительности истина раскрывается через активное вмешательство человека и взаимодействие всего его окружения, что, безусловно, сказывается на наших представлениях о реальности, в которую входим и мы сами. Один из моральных законов Иммануила Канта гласит: *"Человек всегда должен быть только целью и никогда не может быть средством!"*. Для спокойствия души, может быть, разумнее отказаться от непогрешимости, поскольку для нас гораздо важнее приносящая удовлетворение творческая раскрепощенность, прелесть новизны и счастье, которые являются благодеяниями уже сами по себе.

¹ Хан Г. Кризис интуиции // Математики о математике. М., 1971. С. 25.

² Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 91.

³ Рокмор Т. Математика, фундаментализм и герменевтика // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 83.

⁴ Кант И. Из рукописного наследия. М., 2000. С. 573.

⁵ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994. С. 146.

⁶ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 98.

⁷ Дьедонне Ж. Абстракция и математическая интуиция // Математики о математике. М., 1982. С. 7.

Еровенко Валерий Александрович – доктор физико-математических наук, профессор кафедры функционального анализа БГУ.

Михайлова Наталья Викторовна – аспирант кафедры философии и культурологии Республиканского института высшей школы БГУ.

И.Н. СИДОРЕНКО

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX–XX вв.

В данной статье анализируются различные подходы к решению проблемы историчности существования человека, имеющиеся в западноевропейской философии XIX–XX вв. Раскрывая целый ряд важных вопросов, касающихся смысла человеческого бытия, мы при этом под историчностью понимаем как временность (и таким образом конечность человеческого существования), так и рассмотрение истории как истории конкретного индивида и т. п.

Предыстория данной проблемы восходит к выяснению вопроса о взаимоотношении «истории» и «времени» и того, как это связано с бытием человека. Обыкновенно историю рассматривают как совокупность объективных событий и одновременно как науку, их изучающую, а время – как способ измерения этих событий. Следовательно, время понимается из истории. Данный подход, прежде всего, характерен учению Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, немецких романтиков, а также представителей неокантианства. Так, Гегель в его поисках логики истории, делает акцент на признании власти факта, отрицая тем самым для человека саму возможность иметь свое время. При этом ученый не обращается к проблематике исторического познания, ибо сама логика выступает у него в качестве субстанции исторического процесса. Что же касается немецких романтиков, то они представляют собой радикальную оппозицию всему просвещенческому рационализму, который в силу своей приверженности главным образом к естественнонаучным методам мышления утратил саму историческую реальность в качестве реальности человеческой. Романтики, наоборот, проявляют значительный интерес к истории. Так, тесно примыкающий к ним по своим взглядам Ф. Шеллинг высказывает идею о единстве бытия и исторического познания. В свою очередь, представители баденской ветви неокантианства Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт переводят проблему историчности в плоскость выявления специфики исторического познания. Свойственный наукам о природе *номотетический метод* не видит, как считают они, принципиальной несоизмеримости единичного явления с общим законом, что приводит к упрощению мира и исключению из него познающего субъекта. Что же касается так называемого *идиографического метода*, которым руководствуются науки о духе, то он как раз и фиксирует искомую индивидуальность события. Однако для представителей неокантианства остается неразрешимой проблема интерсубъективности результата исторического познания: став внутренним состоянием познающего, продукт вчувствования не может быть исчерпывающе воплощен в объективированный текст и передан другому; таким образом, он не может стать общезначимым. Названные выше мыслители представляют собой традицию понимания времени из истории, в которой временное, как таковое, фиксируется только как измерение последовательности следующих один за другим процессов или состояний, а значит, им оперируют как чем-то вторичным, что приводит к актуализации пространственного по своей природе движения. Таким образом, мир рассматривается уже не в аспекте времени, а пространства, что приводит к невозможности помыслить время исторично.

В решении проблемы историчности несколько особняком стоит Серен Кьеркегор, трактующий историчность как своего рода границу времени, окружающую существование человека. Человек приходит к пониманию историчности через страх, ведущий его к осознанию греха и вины. Вина и ответственность связаны с историчностью таким образом, что осуществивший выбор человек постигает свою ответственность за прошлое, которое и становится его историей. Историчность оказывается тождественной здесь подлинному человеческому существованию, а осмысление страха открывает человеку направленность этого существования к ничто. Человек осознает свое существование как конечное и тем самым как историчное. Кьеркегор раскрывает феномен историчности и через понятие мгновения. Будучи синтезом временного и вечного, человек пытается найти в бесконечной последовательности времени точку опоры, что в христианстве означает «полноту времени». Но полнота времени есть «мгновение как вечность, где все временное является одновременно будущим и прошедшим»¹. Кьеркегор снимает противопоставление между прошедшим и будущим: мгновение и бу-

дущее, в свою очередь, полагают прошедшее. Тем самым преодолевается объективная концепция времени.

Задача понять время через него самое требует расширения горизонта проблемы, другими словами, понимания времени как исторического. Такой поворот в сторону историчности и делает Поль Йорк фон Вартенбург. Внимание к идеям этого мыслителя привлекла его переписка с Вильгельмом Дильтеем, опубликованная в 1923 г., оказавшаяся очень важной для становления хайдеггеровского понимания историчности. Вартенбург начинает с синтеза понятий «жизнь» и «история». Предпосылкой нового понимания истории, согласно его философии, является качественно иное ощущение самой жизни во всем ее богатстве и красоте. Благодаря этому история раскрывается уже не как безвозвратно уходящая в прошедшее, но как наделяемая внутренней силой и жизненностью. Для Вартенбурга неприемлемо метафизическое мышление, обесценивающее жизнь своим безжизненным методом и абстрактными понятиями. Он пытается представить действительность именно как живую. Необходима, как полагает мыслитель, непредубежденная ориентированность на мир. Таким образом, подлинно историческим оказывается то, что сохранилось в качестве непреходящего, историческая жизнь – как единая. Под соприкосновением с исторической жизнью, по Вартенбургу, понимается принятие в себя силы, т. е. участие в традиции. Изолирование от прошлого является губительным для человека. Необходимо проникновение человека в историю и одновременно сохранение ее в современности. Итак, «быть историчным» означает для Вартенбурга «быть внутренним». «Видеть исторично» – значит видеть индивидуально. Если для Гегеля история, даже будучи связана с настоящим, неизбежно принадлежит прошлому, то у Вартенбурга она всегда присутствует в настоящем, так как она является действием и жизнью. Вартенбург использует термин «историчность» в качестве синонима понятия «подлинная история». Понимание истории как совокупности наглядных примеров для практического действия приводит к осознанию им того, что в подлинном смысле только человек обладает историей и является подлинно историческим существом. Исходя из нового понимания истории, мыслитель приходит к необходимости обоснования новой теории познания, своего рода *психологии истории* или самоосмысления в контексте живого и как живого.

Следующей интересной фигурой в плане анализа проблемы историчности является Фридрих Ницше. Ницше нигде специально не прописывает понятие «историчность», и это естественно; ведь вместо этого слова он употребляет понятие «подлинная жизнь». Таким образом, понятия «историчность» и «подлинность существования» человека оказываются у него тождественными. Ницше раскрывает историчность и через анализ времени, с помощью идеи о Вечном Возвращении: прошлое вновь и вновь проявляется, повторяясь в настоящем, но не как равное самому себе, а как идентичное человеку, изменяющемуся в своем самосозидании. Ницше отмечает факт забвения времени («дух мести»): «... это и только это есть само мщение: злопамятство воли ко времени и к его «было»². В Вечном Возврате он как раз и находит новый тип мышления, свободный от «духа мести», иное отношение ко времени и временному. Вместе с тем историчность предстает у Ницше как тождественная подлинной жизни человека, модусами которой и являются три рода истории (монументальный, антикварный, критический)³, правда, при условии, что они взаимосвязаны и вместе с тем остаются на своих территориях. По мысли Мишеля Поля Фуко, Ницше – «генеалогист и пародист истории»⁴. Задача истории состоит в том, что она должна срывать покров со всякого рода вечных истин, представлять событие во всей его уникальности, т. е. история должна быть «заранее подготовленным карна-

валом». По Ницше, историю надо пародировать для того, чтобы сделать очевидным то, что сама она есть не что иное, как пародия. Философ связывает «историчность» с актом творчества, так как только критический (творческий) подход к прошлому дает этому прошлому впервые возможность «быть», значить в жизни человека.

Для Эдмунда Гуссерля история – «состояние затуманенности идеи в своем явлении». Здесь необходимо упомянуть о критике Мартином Хайдеггером «трансцендентального эго» Гуссерля, тем более, что Хайдеггер стремился включить такого субъекта в историческое измерение. Но с другой стороны, феноменология в подходе к проблеме истории могла быть и продуктивна, если бы она обращалась к вопросу «как» переживается человеком история. И тогда оправдано то, что Гуссерль вначале обращается к проблеме выяснения условия возможности самого переживания. Далее, через анализ внутреннего сознания времени, было бы возможным перейти к выявлению «историчности» как априорной структуры сознания, на основе которой для человека и существует история. Но только в поздних работах Гуссерль преодолевает объективное время, развивая теорию сознания как формирующего себя во временном потоке (т. е. исследует сознание временности), бросая тем самым вызов Хайдеггеру в решении проблемы времени.

«Историчность» предстает у Мартина Хайдеггера как временность, конечность человеческого существования. Время становится тем горизонтом, внутри которого только и может быть понято сущее и бытие. Разработка проблемы историчности Хайдеггером начинается с тематизации термина «фактичность» и с введения в феноменологию исторического измерения. Вопрос о фактической жизни приводит к вопросу о ее самобытии, для прояснения которого необходимо понять, что такое история и каков ее смысл. Но Хайдеггер не удовлетворен формулировкой проблемы истории на основе феноменологического анализа жизни и понимает, что к исторической проблематике он не может обратиться прежним способом. Хайдеггер приходит к новой идее: важна не история сама по себе, но ее подлинное выражение – историчность. И здесь для немецкого философа приобретают значимость идеи Вартенбурга. Акцент с истории перемещается на смысл человеческого бытия, что приводит Хайдеггера к проблеме обоснования смысла исторического бытия. Теперь, после анализа переписки Вартенбурга и Дильтея, Хайдеггер пишет: «... общий для нас интерес – понять историчность»⁵. Историчность прописывается философом через такие экзистенциалы, как страх, ужас, забота, одиночество, смерть. В работе «Бытие и время» Хайдеггер раскрывает то, что он понимает под «исторической герменевтикой». Человек предстает как сущее, понимающее свое бытие и в этом понимании отнесенное к этому бытию, а значит, оно по своей природе герменевтично, не замкнуто в самом себе, т. е. это «бытие-в-мире». Но бытие сущего непосредственно открыто человеку не в чистом незаинтересованном созерцании, а через его «проект», через отнесенность к его намерениям. Источник открытости существования находится в его временности. Здесь на первый план выходит проблема времени. Для Хайдеггера понимание подлинной временности связано с ее конечностью, так как конечность – это основная структура человеческого бытия. Безосновательность страха дает человеку понять конечность своего существования. Страх связан с заботой. Забота есть бытие, ведущее к смерти. Конечность, временность есть предпосылка открытости существования; а в качестве временного человеческого бытие исторично. Следовательно, экзистенция исторична; а сама история, с одной стороны, – процесс, протекающий в объективном времени, с другой стороны, – имеет свой источник в историчности, которая и есть сущность человека как конечного существа. Историческое понимание осно-

ываается на историчности существования человека и является, в свою очередь, основой истории как науки («историографическое размыкание истории»⁶). Хайдеггер обращается к трем родам истории у Ницше, замечая, что историчность выступает здесь как фундамент единства этих трех родов. Свое учение о конечности существования, т. е. историчности, Хайдеггер пытается обосновать, опираясь также и на трансцендентальный идеализм Иммануила Канта, делая вывод о том, что трансцендентальная способность воображения есть изначальное время, а изначальное время позволяет свершиться чистому образованию трансценденции. Человек не может выйти за пределы времени – данный тезис и означает у Хайдеггера, что человеческое существование и познание историчны. В решении проблемы времени Хайдеггер не оставляет без внимания и идею о Вечном Возвращении Ницше, прописывая время как горизонт человеческого существования и подчеркивая тем самым его историчность.

Мыслителем, продолжившим линию «историчности», явился и Ганс Георг Гадамер, попытавшийся разработать на основе этой идеи свою концепцию философской герменевтики. Основание герменевтического феномена он вслед за Хайдеггером находит в конечности человеческого существования. На первый план у Гадамера выступает понятие опыта, т. е. способа, с помощью которого можно познать историческую действительность саму по себе. Притом важен не только результат, но и открытость человека для нового опыта, который в принципе никогда не может быть завершен. Это и есть опыт человеческой конечности и историчности, т. е. осознание границ своего времени, своих возможностей, внутри которых открыто будущее. Герменевтический опыт укоренен в предании, что и есть, по Гадамеру, условие познания. Через историчность Гадамер прописывает и отношения «Я» к «Другому». Истинное между ними заключается в открытости. Такой герменевтический опыт Гадамер называет *действительно-историческим сознанием*, основывающимся на признании своей историчности, конечности и прошлого в его инаковости. Значимость герменевтического круга Гадамер также основывает на конечности бытия человека и принадлежности его истории.

Жан Поль Сартр связывает проблему историчности с сознанием, которое понимается у него как свобода. Сознание как свобода находится в постоянном бегстве от предметностей. По сравнению с бытием-в-себе, которое не пронцаемо и плотно, сознание представляет собой недостаток, который выражается в желаниях, целях, проектах. Одновременно свобода сознания есть свобода для чего-то: сознание стремится стать бытием-для-себя-в-себе, или Богом. Невозможность такого проекта Сартр называет «тщетной страстью». В то же время сознание конституирует мир, время, пространство и т. д. Получается, что то, что пусто само по себе, дает полноту другому бытию. Сознание не является тем, что оно есть, так как оно всякий раз находится в прошлом, которого уже нет. Проектируя себя, сознание «ничтожит» себя: оно не является тем, чем только что было. Историчность существования человека проявляется в этом колебании между прошлым и будущим через настоящее. Историчность подразумевает незавершенность человеческой реальности и неокончательный смысл истории. История – это процесс самопознания человека, а окончательный смысл бытия человека может быть раскрыт лишь после его смерти.

Тема смерти является одной из главных тем в философии Жака Деррида. Французский философ отказывается от трактовки бытия как присутствия, наличности, т. е. определяемости бытия из момента настоящего. Деррида дает свою трактовку пространству и времени – *опространствливания времени*, что находит свое выражение в письме, теле, смерти и т. д. Будучи, как и Хайдеггер, радикальным антиметафизиком, он расходится с ним в

трактовке главного парадокса человеческого существования – бытия-к-смерти. Тема смерти у Деррида смыкается с темой языка: онтологическая конечность человеческого существования проявляется в языке – «Я мертв». Определяя человека как бытие-к-смерти, язык у Хайдеггера не может вместить смерть, так как в мире наличий ее просто нет, а значит, считает Деррида, язык не способен выразить подлинно человеческое. Чтобы язык мог выразить смерть, Деррида переводит последнюю в сферу следов и различий, благодаря чему знак, письмо приобретают у него первостепенное значение: они уже пронизаны этим отсутствием; устранение же знака (как это было в метафизике) устраняет саму мысль о смерти, а значит, и затушевывает смысл существования человека. Знак несет в себе бесконечные возможности означения.

Проделанный анализ показывает, что проблема историчности относится к классу вечных проблем философии, которые не могут получить раз и навсегда окончательного решения. Так, из этого анализа видно, что для одних философов проблема историчности связана с проблемой метода исторического познания, для других, например Кьеркегора и Ницше, она связана с проблемой существования конкретного индивида, его внутренним миром и телесностью. Хайдеггер с помощью историчности конструирует мир для этого историчного человека, стремится разрешить проблему его существования, подлинного и не подлинного. Через историчность может быть разрешена и проблема понимания, так как понимание невозможно без осознания своего существования как временного. Проблема историчности связана и с проблемой коммуникации: осознание конечности бытия приводит к признанию чужих убеждений как имеющих право на существование. Поэтому решение проблемы историчности существования остается значимым и для современного человека.

¹ Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М., 1998. С. 170.

² Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 123.

³ См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 170.

⁴ См.: Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна. Мн., 1996. С. 93.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 398.

⁶ См.: Там же. С. 392.

Сидоренко Ирина Николаевна – аспирант кафедры философии культуры БГУ. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т.Г. Румянцев.

Д.А. ПИНСКИЙ

ПРИНЦИП ПОЛЬЗЫ: НОРМАТИВНАЯ ПРОГРАММА КЛАССИЧЕСКОГО УТИЛИТАРИЗМА В ЭТИКЕ

Термин «утилитаризм» происходит от латинского слова «utilitas» – польза, выгода. В философской литературе различают два основных значения этого понятия: 1) утилитаризм как нормативный принцип оценки всех явлений с точки зрения их полезности, возможности служить средством для достижения какой-либо цели; 2) утилитаризм как этическая теория натуралистического типа, связывающая мораль с психосоциальными качествами человеческой природы и обосновывающая мораль через категорию пользы. Соответственно эпитетом «утилитарный» обозначают события и явления моральной жизни, рассматриваемые с целевой позиции достижения успеха, эффективности, в общем смысле – выгоды; а понятие «утилитаристский» указывает на отношение к философской теории – этике пользы.

Как оригинальное интеллектуальное направление и самостоятельная

философская школа в западноевропейской философской традиции *утилитаризм* окончательно сформировался к середине XVII в. Родоначальниками утилитаризма принято считать британских философов Фрэнсиса Хатчесона (1694–1747), Дэвида Юма (1711–1776), Иеремию Бентама (1748–1832) и Джона Стюарта Милля (1806–1873), хотя многие воззрения, связываемые с этой теорией, сложились намного раньше. Сравнительно-исторический анализ позволяет выделить целую группу мыслителей, концепции которых содержат утилитаристские элементы. К ней обычно относят некоторых древнегреческих софистов (в частности, Протагора и Горгия), представителей киренской сократической школы (главным образом Аристиппа), Эпикура, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Б. Мандевиля, Дж. Локка, К.-А. Гельвеция, Д. Гартли, В. Палея, Джеймса Милля, А. Бэна, Г. Спенсера. Однако впервые главные идеи, составившие базовый принцип утилитаристского метода, в строгом систематическом виде сформулировал И. Бентам в книге «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789). Благодаря деятельности группы реформаторов, так называемых «философских радикалов», которую возглавлял Бентам и в которой принимал участие Джеймс Милль, а также дальнейшей теоретической разработке и активной популяризации нового стиля мышления его сыном Джоном Стюартом Миллем в работах «Утилитарианизм» («Утилитаризм») (1861) и «О свободе» (1859) эти идеи стали предметом широкой общественной дискуссии и в значительной степени повлияли на социально-политическую ситуацию в Англии, в частности, британский уголовный кодекс был существенно улучшен благодаря усилиям Бентама и группы его единомышленников.

В дальнейшем утилитаристская теория неоднократно подвергалась глубокой критике и последовательной ревизии. В результате сформировалось несколько модификаций первоначальной, «классической», версии утилитаризма Бентама и Милля. Так, в начале XX в. были предложены первые проекты синтеза названной теории с некоторыми концепциями других направлений англо-американской философской традиции, прежде всего с зарождавшейся аналитической философией. Особого внимания заслуживает критика Дж. Э. Муром натуралистической методологии концепции Бентама и Милля и его попытка обоснования этики на интуитивистской основе с сохранением базового критерия оценки поступков по их последствиям (так называемый «идеальный утилитаризм»). В рамках частных междисциплинарных исследований на постпозитивистской методологической основе принцип полезности был использован К. Поппером для создания теории «открытого общества» (так называемый «негативный утилитаризм»).

К середине XX в. образовались два основных направления в рамках общей утилитаристской теории. Представители первой школы – классического или крайнего утилитаризма – Дж. С্মарт, Г. Дж. Мак-Клоски продолжают жесткую линию Бентама и Милля, развивая их исходные тезисы об объективности принципа полезности и его универсальной применимости. Иную позицию отстаивают основатели второй школы – «ограниченного утилитаризма» – Дж. О. Эрмсон, Дж. Д. Маббот, согласно которым принцип полезности может быть основанием лишь общих моральных норм, но не каждого отдельного поступка, который всегда следует оценивать по ситуации. Сегодня эти направления более известны как «утилитаризм правил» и «утилитаризм действий». В настоящее время теория полезности играет важную роль в контексте дискуссий о постмодернизме и ситуационной этике. На уровне исследования междисциплинарных проблем и решения прикладных задач утилитаризм и по сей день остается наиболее адекватным и эффективным методом, широко применяемым в социальной практике, особенно в экономических и политических отношениях.

Ключевыми понятиями для адекватного понимания утилитаризма являются *добродетель, благо, счастье, удовольствие, польза*. В этой теории они выполняют важнейшую инструментальную функцию: с их помощью описываются реальные события и феномены моральной жизни, через них же объясняются и обосновываются идеальные конструкции, в частности, моральные нормы, принципы, идеалы. Своеобразное толкование и применение этих понятий утилитаристами во многом определяет и специфику данного этического направления в целом.

Добродетель, благо, счастье. Изначальной главной задачей утилитаристской программы было формулирование общего объективного принципа, при помощи которого можно было бы точно определить, когда данное действие является правильным, а когда – нет. При этом исходной установкой исследований был акцент на объективной стороне действия: все утилитаристы так или иначе исходят в моральной оценке поступка из его результата, т. е. последствий, к которым оно привело в их положительном (польза) или отрицательном (вред) значении. Объективные последствия рассматриваются в их отношении с субъективными целями. При анализе же действия первые полагаются приоритетными в связи с недостаточностью и неточностью средств для описания и объяснения идеальной стороны поступка: выводы о замыслах, мотивах, намерениях всегда оказываются лишь возможными и вероятностными, их не удается полностью доказать или опровергнуть.

Такая позиция соответствует общей позитивистской установке, согласно которой имеет смысл обсуждать лишь то, что доступно наблюдению, фиксации со стороны в качестве объективного факта. Последствия действий, очевидно, удовлетворяют этому условию. Однако тот же метод с неизбежными издержками используется утилитаристами и при анализе идеальной – целерациональной – стороны поступка, в том числе и в отношении высших, конечных целей человеческой жизни: «Вопросы о конечных целях не подлежат доказательству, но требуют обоснования и эмпирического подтверждения... Мы не иначе можем доказать, что что-нибудь хорошо, как признав без доказательств хорошим то, для чего оно служит целью... Вопросы о конечных целях – это вопросы о том, что желательно»¹. Между тем «желаемое», или благо, непосредственно связывается ими в первую очередь и главным образом с биологическими и психологическими потребностями человека и ограничивается универсалистскими нормами общежития (социальной жизни). В утилитаризме действие признается морально оправданным в той мере, в какой оно ведет к возрастанию некоторого неморального блага – естественных потребностей и необходимых условий и средств для выживания, развития и совершенствования. Их полное удовлетворение и реализация полагаются высшим смыслом и целью человеческой жизни – счастья, которое желаемо само по себе, все же прочее желаемо «только потому, что составляет средство для его достижения»². Неморальное благо, таким образом, выступает в качестве критерия для моральной оценки действия: действие будет считаться благим или дурным не само по себе, но только в зависимости от его последствий, которые ведут к этому благу или препятствуют его достижению. В контексте этих рассуждений вскрывается важнейшая для теоретической этики проблема происхождения и природы морали. С точки зрения утилитаризма мораль практична и деятельна, но не действительна: она представляет собой деятельное начало в человеке, но она не составляет особый вид деятельности и не сводится к каким-то конкретным, предметным действиям. Существуют различные виды профессиональной деятельности, преследующие соответствующие конкретные цели, требующие определенных навыков и опыта и предполагающие адекватные целям средства, добродетель же не является такого рода целью, она обла-

дает иным ценностным статусом. С одной стороны, добродетель не является целью самой по себе, она – лишь средство, причем адекватное и универсальное, для достижения абсолютного блага – счастья. Действительно, если добродетель рассматривать как средство к достижению счастья, то само счастье, со своей стороны, будет максимальным воплощением возможностей и способностей, полной реализацией условий и средств для его достижения, то есть исполнением добродетели. Такое превращение средств в цель (т. е. в счастье как целое, состоящее из отдельных частей – добродетельных средств) становится в утилитаризме магистральной идеей, ориентирующей человеческую деятельность на всеобщее благо.

С другой стороны, добродетель в ее нормативном смысле выполняет регулятивную функцию: она выступает мерой, ориентирующей и ограничивающей конкретные предметные цели. Таким образом, счастья можно достичь, лишь ставя перед собой благие цели и ведя добродетельную жизнь. В свою очередь, добродетель может быть благом только тогда, когда способствует счастью, если же она ведет к несчастью, обретая разрушительную силу и причиняя страдания, то она теряет свою положительную ценность и не может быть признана благом.

В рамках утилитаризма мораль рассматривается в контексте реальных взаимоотношений практически и целесообразно действующих людей, поэтому она выстраивается как совокупность норм и правил, которые ими формулируются на основе обобщения практического опыта. Такой подход, требующий выдвижения общего этического принципа, который позволил бы организовать и систематизировать различные интересы и ценности и предупредить возможный конфликт между целями и средствами, именуется в утилитаризме принципом пользы или полезности и с точки зрения последствий может быть сформулирован следующим образом: *поступай так, чтобы достичь наилучшего из возможных соотношений между позитивными и негативными последствиями твоего действия, либо – если последствия при любом варианте будут негативными – наименьшего суммарного вреда*. Таким образом, моральный выбор считается приемлемым и оправданным тогда, когда “стремится дать наибольшее счастье наибольшему количеству людей”, принося больше пользы, чем вреда.

В содержательной дефиниции основного принципа нравственности основоположники классического утилитаризма полностью идентифицировали счастье с наслаждением как “внутренним благом”, которое признается всеми независимо от различий во мнениях и пристрастиях. Будучи высшим и единственным благом, удовольствие в утилитаристской иерархической системе ценностей занимает первое место и играет главенствующую роль, остальные же ценности оказываются подчиненными ему и выполняют функцию средств для его достижения. Аргументируя эту позицию, Бентам утверждает: “Под пользой понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье или предупредить вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет вопрос... Интерес отдельного лица – удовольствие. Известная вещь может содействовать интересу или быть интересом отдельного лица тогда, когда она стремится увеличить целую сумму его удовольствий, или, что одно и то же, уменьшить целую сумму его страданий”³. Развивая и обобщая эти рассуждения, Милль, в свою очередь, дает следующее определение морали: мораль – это “такие правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование, наиболее свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями”⁴. Итак, поначалу постулируя счастье в его гедонистической интерпретации в качестве индикатива челове-

ческого бытия, утилитаристы затем наделяют его императивной характеристикой, вменяя через принцип пользы людям в обязанность. Теперь стремление к счастью – не просто факт, “не требующий доказательств”, но обязанность, предмет морального должностования. Тогда окончательная и уточненная формулировка принципа пользы принимает следующий вид: *действие правильно в той степени, в какой оно стремится дать наибольшее счастье наибольшему числу людей при причинении наименьшего страдания.*

Формально и методологически данная процедура перехода от фактов к ценностям оказывается наиболее слабым и уязвимым местом в теории классического утилитаризма. Логическая нестрогость и незаконность этого действия заключаются в том, что должное отождествляется с желаемым, которое само обосновывается лишь ссылкой на общественное мнение и произвольно признается непреложным фактом. Наиболее показательна в этом отношении позиция Милля: “Счастье желательно потому, что все его желают. Если бы жизнь действительно не имела той цели, которую признает за ней утилитарная доктрина, то и не было бы никакой возможности убедить кого-нибудь в том, что такова действительно цель жизни. Что общее счастье желательно, на это может быть только одно доказательство: каждый человек желает для себя счастья, насколько считает его для себя достижимым... В вопросе о том, какое из двух удовольствий для нас наиболее ценно, или какой из двух родов жизни, независимо от его нравственных атрибутов и его последствий, нам наиболее приятен, – в этом вопросе мы должны принять окончательным решением общественное мнение, или, в случае разногласия, мнение большинства тех, которые испытали оба этих рода удовольствия... Если общее чувство и общее мнение утверждают нам, что удовольствия, удовлетворяющие нашим высшим потребностям, для нас более ценны, чем те, которые служат для удовлетворения нашей животной природы, то это мнение, это чувство, должно иметь для нас всю силу безапелляционного приговора”⁵.

Проанализируем нормативное значение категории удовольствия в этической теории утилитаризма.

Польза. Категория пользы получает в утилитаризме предельно широкое толкование. Ее общую дефиницию можно сформулировать в следующем виде: *польза – ценностное понятие, отражающее положительное значение предметов и явлений в их отношении к чьим-либо интересам и целям.* В более строгом смысле польза характеризует средства, необходимые и достаточные для достижения цели, и, как таковая, часто соотносится в утилитарном дискурсе с такими понятиями, как успех (достижение результата, соответствующего цели или близкого к ней) и эффективность (достижение результата с наименьшими затратами). Таким образом, нечто признается полезным, если:

а) отвечает чьим-то интересам, б) обеспечивает достижение поставленных целей, в) позволяет достичь результатов, близких поставленным целям, т. е. способствует успешности действий, г) обеспечивает результат с наименьшими затратами, т. е. способствует эффективности действия.

В аксиологической системе нравственности польза занимает второстепенное место и имеет инструментальное значение. Она актуальна лишь в горизонте уже заданных целей и имеющихся в распоряжении средств. Ограничиваясь лишь описанием их соотношения, польза обнаруживает свой относительный характер и определяется в зависимости от них. Сама же она лишена качественной определенности и поэтому не может быть самоцелью: в строгом смысле ее функция заключается в обозначении степени соответствия средств целям, целей – интересам, интересов – потребностям.

Данное обстоятельство характерно и для других понятий утилитарного дискурса: успех, эффективность, целесообразность, преимущество, практичность, как правило, ассоциируются с богатством, властью, навыками, умением, трудом, наслаждением, здоровьем. Все они получают высокий этический статус и моральное оправдание в том случае, когда рассматриваются в более широкой перспективе высших нравственных ценностей, прежде всего добра, истины, прекрасного, совершенства, смысла жизни. Без подчинения последним утилитарные ценности теряют свой смысл и дискредитируются, нередко оборачиваясь своей противоположностью. Когда же утилитарный принцип рассматривают в качестве основной и доминирующей ценностной ориентации, интерпретируя пользу как благо вообще или как моральное добро, то появляются неизбежные логические противоречия.

В первую очередь, весьма сомнительной представляется сама попытка утилитаристов абсолютизировать пользу. Анализ показывает, что такой подход с неизбежностью приводит к логическому кругу в аргументации, когда добро определяется через пользу, а польза, в свою очередь, – через добро без необходимой субординации этих ценностей. В этике этот парадокс получил название “натуралистической ошибки” и был глубоко и всесторонне исследован Дж. Э. Муром в его работе “Принципы этики”⁶. Принцип пользы подвергается критике не только с общей методологической точки зрения, но и с различных социально-нравственных позиций – ригористической и богемно-эстетической, патриархальной и аристократической, религиозной и социалистической. Так, например, с точки зрения долга и чести принцип полезности может вести к игнорированию обязательств и порождать беспринципность и конформизм, ослабляя, таким образом, человеческую волю. Определенные возражения он встречает даже со стороны последовательных гедонистов, которые указывают на то, что слепое следование ему заставляет человека суетиться, провоцируя меркантильность (излишнюю мелочность и своекорыстность), а это ведет к близорукости во внутреннем восприятии и, как следствие, к обесцениванию самих удовольствий. А для человека творчества стяжание успеха и вынужденная предпринимчивость одним из своих реальных результатов имеет конъюнктурность и поверхностность, чреватые бездуховностью и вредящие в конечном итоге самому творчеству.

С каких бы позиций не проводилась критика, в ней ставится вопрос об ограничении значения принципа полезности, поскольку его последовательное осуществление не оставляет места человечности и способствует деградации внутреннего мира личности, а с точки зрения жизни сообщества он косвенно подпитывает центробежные силы: с его помощью не удастся снять или хотя бы урегулировать межличностные и социальные конфликты, более того, его принятие в качестве исключительного критерия оценки действий нередко само ведет к конфликту целей и интересов. Попытки утилитаристов смягчить эти издержки посредством универсализации пользы и подчинения частного интереса общественному не возымели должного эффекта и лишь привели к новым противоречиям. Нерешенной осталась задача содержательного определения общего блага. Общественная польза в конечном результате не сводится к простой сумме частных выгод (именно таким было формальное решение утилитаристов), которые нередко противоречат и взаимоисключают друг друга, а ценностная логика морального сознания не может быть редуцирована до уровня элементарных арифметических операций. Моральный дискурс шире утилитарного и включают его в качестве своей необходимой составной части, но он не может быть сведен к последнему и тем более объяснен через него.

Несмотря на внутренние противоречия и крайние следствия, принцип утилитаризма имеет важнейшее нормативное и теоретическое значение для этики. С теоретической точки зрения утилитаризм исследует моральную жизнь, акцентируя особое внимание на одной из ее сторон – отношениях взаимопользования – и создает соответствующий, утилитарный, дискурс, результатом которого становятся точные технические рекомендации к действию. С нормативной точки зрения принцип полезности обнаруживает всеобщую взаимозависимость человека как носителя частного интереса с другими людьми и, как следствие, его чувствительность к общественно значимым ценностям и ориентацию на них. В рамках целерациональных отношений взаимопользования и конкуренции сориентированный на выгоду индивид видит цель в себе, а в других – лишь средство ее достижения. Однако, нуждаясь в товарах и услугах, которыми обладают другие, он вынужден вступать в обмен с ними, предлагая то, чем владеет сам; иными словами, он сам предстает в качестве средства для удовлетворения чужих целей. Нравственное значение принципа полезности определяется тем, что он позволяет установить масштаб общественной значимости индивидуального поведения и тем самым ограничить эгоистическое своеволие. Не случайно именно на основе отношений взаимопользования появляется реальная возможность для провозглашения равенства, свободы, справедливости как высших целей общественного развития. Вместе с тем абсолютизация принципа полезности разрушает нравственные и духовные основы жизни и препятствует совершенствованию человека, которое возможно лишь на основе бескорыстного и милосердного отношения к другим людям.

¹ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. Петербург, 1866–1869. С. 11, 80, 81.

² Там же. С. 81.

³ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. Петербург, 1867. С. 2–3.

⁴ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. Петербург, 1866–1869. С. 107.

⁵ Там же. С. 81, 26.

⁶ Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999.

Пинский Дмитрий Александрович – аспирант кафедры философии культуры БГУ. Научный руководитель – кандидат философских наук, профессор И.Л. Зеленкова.

С.А. КУЗЬМЕНКОВА

ДИНАМИКА ПОСТОЯНСТВА И ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НА ПРОТЯЖЕНИИ ЕЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

В данной работе рассматривается **личность** с лонгитюдной точки зрения, как нельзя более подходящей для ответов на вопросы о постоянстве и личностных изменениях, происходящих со временем. Какие типы постоянства и изменения личности наблюдаются? Какие факторы этому способствуют? Какие процессы или механизмы поддерживают, разрушают или трансформируют постоянство личности в течение **жизненного пути**? Наша цель состоит в том, чтобы обсудить концептуальные и методологические аспекты, связанные с ответами на эти вопросы.

Лонгитюдное исследование личности можно отнести к междисциплинарному изучению, так как оно привлекает и социологов, и антропологов, и историков, и психологов. Такое междисциплинарное изучение возможно в будущем, а пока мы посчитали полезным избрать социокультурную точку зрения на проблематику жизненного пути. Мы будем рассматривать **жизненный путь** как последовательность культурно обусловленных, изменяющихся с возрастом ролей, принимаемых **индивидом**. И наконец, мы полагаем, что переходные моменты жизненного пути имеют особое значение для целостности, постоянства или изменения личности. Такой подход, на наш взгляд, позволяет объединить отечественную и зарубежную традиции в этой области исследований.

Типы постоянства и изменения

Утверждение о том, что личность индивида изменилась или осталась прежней, неоднозначно. На это указывает, например, К.А. Абульханова-Славская¹. Например, в возрасте двух лет у ребенка наблюдались ежедневные вспышки раздражения. В возрасте девяти лет они стали случаться реже – раз в неделю. Изменения заключаются в повышении со временем эмоционального контроля. Но и в том, и в другом возрасте вспышки раздражения у этого ребенка возникали исключительно в ситуациях общения со сверстниками. Изменений не произошло. Дело в том, что существует несколько значений, относящихся к понятиям «постоянство» и «изменение». Во избежание показанной на примере неоднозначности следует пояснить некоторые из них.

Абсолютная стабильность – это постоянство в количестве или наборе черт личности индивида. Эмпирически она оценивается посредством изучения группы, например, в лонгитюдных исследованиях личностных черт у взрослых. Коста и МакКрэй², описывая результаты таких исследований, утверждают, что существует немного доказательств изменений в личностном развитии взрослых. Работая в рамках факторной модели личностных черт, они положили в основу своего исследования измерение нейротизма, экстраверсии и открытости опыту. В результате было выяснено, что по этим направлениям с возрастом происходят лишь небольшие изменения.

Существует точка зрения, в соответствии с которой главные изменения происходят тогда, когда индивиды переживают важные события своего жизненного пути, что подтверждается результатами исследования тридцати семейных пар, впервые готовящихся стать родителями. В период от начала беременности до шести месяцев после родов были выявлены изменения самоидентичности личности и ролевого поведения.

Дифференциальная стабильность – это постоянство индивидуальных различий в группе индивидов, которое определяется статистически. Результаты лонгитюдных исследований, проведенных в начале этого века, бесспорно доказывают стабильность индивидуальных различий. Дифференциальная стабильность часто наблюдается при проведении тестов на способности и интеллект. Доказательства стабильности личностных характеристик могут быть получены и с помощью личностных методик, таких как 16-факторный личностный опросник, ММРІ и др. Вывод один – возрастные изменения практически не влияют на индивидуальные различия.

Структурная стабильность – это постоянство корреляционных связей внутри набора переменных. Соответствующее изменение может указывать на преобразование, связанное с развитием личности. Например, факторные исследования умственного развития в раннем детстве указывают на важные качественные изменения интеллекта в различные возрастные периоды. МакКолл, Эйхорн и Хогарти³, изучавшие детей от рождения до пяти лет, выяснили, что главные изменения в когнитивном развитии происходят на 2-м, 7-м, 8-м, 13-м и 21-м месяце от рождения. Некоторые психологи считают, что структурная стабильность должна быть установлена до исследования других видов стабильности.

Все вышесказанные виды стабильности определяются статистическими методами и исследуются на выборке. Однако стабильность на групповом уровне может не совпадать с таковой на индивидуальном уровне изучения. По этой причине некоторые теоретики предлагают изучение *ипсативной стабильности*, которая относится к целостности личности на индивидуальном уровне. Ипсативная стабильность может быть также названа морфогенетической⁴, или личностно центрированной. Ипсативный подход пытается выявить закономерности развития, идентифицируя существенные черты каждой личности и их интраиндивидуальную организацию.

Совсем немного лонгитюдных исследований было проведено с опорой на ипсативный подход. Одним из важнейших является исследование Блока, который использовал методику личностного описания – Q-сортировку.

Когерентность (связность). Виды стабильности, описанные ранее, относятся к гомотипическому постоянству похожего поведения или фенотипической черты. Концепция связности расширяет определение стабильности, включая гетеротипическое постоянство. Например, детское поведение может не являться предиктором фенотипически похожего взрослого поведения, но связь между детским и взрослым поведением все же имеется. По мнению Каган⁵, гетеротипическое постоянство скорее обнаруживается в ранние годы жизни, когда ребенок проходит через ряд быстрых изменений. А гомотипическое постоянство обнаруживается после половой зрелости, когда формирование психики близится к завершению. Примеры когерентности приведены в описании результатов исследований Каспи, Бема и Элдера.

Факторы, способствующие постоянству и изменению

1. *Методы оценки.* Данные о личности могут быть представлены в разном виде. Блок выделяет несколько источников данных: L-данные – семейные и брачные истории, образование, род деятельности; О-данные – описание индивида ровесниками и другими наблюдателями, S-данные – самонаблюдение и самоописание с использованием ответов на опросники и интервью; Т-данные – результаты тестов, изучение поведения и объективные лабораторные измерения.

О-данные и S-данные отражают постоянство во времени, хорошо коррелируют друг с другом и предсказывают реальные жизненные результаты (L-данные). Т-данные показывают более низкую стабильность, чем О- и S-данные. К тому же Т-данные часто не коррелируют с соответствующими О- и S-данными. Однако Т-данные являются хорошими предикторами в лонгитюдных исследованиях. Например, лабораторные оценки способности детей дошкольного возраста откладывать (отсрочивать) удовольствие предсказывают их способность к планированию в юности, а также – устойчивость к стрессам и фрустрации.

2. *Оцениваемые переменные.* В изучении жизненного пути индивидов было выявлено, что измерения интеллектуальных свойств показывают самую сильную устойчивость. Далее следуют такие личностные переменные, как экстраверсия и эмоциональная стабильность, а социальные установки и самооценка обладают наименьшей устойчивостью. Возможно, что постоянство в социальном поведении требует поддержки окружения, в то время как когнитивная функция менее подвержена влиянию социального окружения и может быть поддержана системой внутренней обратной связи.

Последние исследования показывают, что Большая Пятерка личностных факторов – экстраверсия, доброжелательность, сознательность, нейротизм и открытость опыту – могут иметь необходимую лонгитюдную стабильность. Указанные пять факторов выявляются из разнообразия как О-, так и S-данных и могут служить структурным основанием для общей теории личности.

Переменные, которые относятся к индивидуальному способу обработки информации и взаимодействию с внутренней и внешней средой, также могут быть перспективной категорией для общей теории. Например, когнитивные стили, категории юнгианской типологии: ощущение – интуиция, мышление – чувство. Весьма успешной может быть теория, подобная личностно-центрированной, фокусирующаяся на пиках (наиболее выраженных чертах) или конфигурации переменных внутри личности.

3. *Индивидуальные различия.* Разные индивиды проявляют разные уровни личностного постоянства на протяжении жизненного пути. Проведя ряд исследований, Блок выявил, что люди, чья личность осталась стабильной с юности до зрелости, отличались от тех, чья личность изменилась. В частности, первые (независимо от пола) – более успешны в социальном, эмоциональном и интеллектуальном аспектах.

Почему же личность изменяется? Возможный ответ – созревание, развитие личности. Блок считает, что люди, чья личность изменилась со временем, были менее зрелыми в юности. Изменения в зрелом возрасте могут просто отражать дальнейшее созревание. Существует также вероятность того, что индивиды были более зависимыми и послушными, что вело к давлению на них со стороны окружающих и заставило измениться. Еще одной возможной причиной может быть влияние социальных норм.

4. *Возраст и временной интервал.* На основе лонгитюдного исследования сделаны два главных вывода: а) стабильность повышается с увеличением возраста испытуемого; б) коэффициенты стабильности понижаются с увеличением временного интервала между наблюдениями.

Первый вывод – это попытка найти значимые поведенческие, устойчивые характеристики от младенчества к детству и во взрослой жизни. Различия между детьми в проявлении агрессии, зависимости, застенчивости сохраняются начиная с середины детства. Клинические наблюдения подтверждают, что если дети сохраняют проблемное поведение до 10 лет, то позже его уже будет трудно изменить.

Второй вывод является не чем иным, как методологическим артефактом. Изменения должны увеличиваться по мере увеличения временного интервала между измерениями. Люди в действительности демонстрируют изменения со временем, и траектории жизней могут быть драматически изменены как спланированными вмешательствами, так и случайными событиями.

5. *Стадии развития.* Различные биологические и социальные события, которые происходят со временем, влияют на личностные изменения. Именно поэтому в стадияльных теориях личности возраст заменяют событиями.

По мнению Гуттман⁶, требования родительства определяют поло-ролевые различия в ранней зрелости. Женщинам следует подавить элементы агрессивности, если они хотят преуспеть в роли матери; мужчинам же следует подавить элементы аффилиации, если они хотят преуспеть в роли обеспечивающих семью. После того как запрос на родительство удовлетворен, подавленные элементы личности могут быть снова выражены.

Кроме объективных показателей, в рамках которых рассматривается постоянство или изменение личности, могут быть также субъективные. Вудрафф и Бирен⁷ провели повторное тестирование взрослых людей через 25 лет, после того, как последние выполняли Калифорнийский личностный тест (CPI). Далее их попросили ответить на вопросы теста так же, как это было 25 лет назад, т. е. в их юности. Хотя изменения в ответах оказались незначительными, испытуемые считали, что варианты их ответов в юности были намного хуже, чем это было на самом деле. Различие между воспринимаемыми и актуальными изменениями предполагает, что психологическое время (субъективный возраст) может быть относительно независимым от календарного и может влиять на поведение, независимое от хронологического возраста.

Исследование женщин в возрасте от 36 до 51 года показало, что желаемый и субъективный возраст влияли на отношения испытуемых с их детьми. Хронологический возраст в таких отношениях не играл вообще никакой роли. Женщинам, желавшим быть моложе, было сложнее общаться со своими детьми-подростками, чем тем, кто принимал свой реальный возраст. Женщины, чувствовавшие себя старше, проявляли соответственно меньше эмоциональной закрытости по отношению к своим детям.

6. *Социальные переходы.* Ситуации отличаются друг от друга по степени активности в них индивидов. Одни ситуации предполагают разнообразие реакций и, следовательно, дают возможность проявления индивидуальных различий. Другие ситуации ограничивают поведенческий выбор, предполагая одинаковое реагирование разных индивидов. Влияние диспозиционных факторов очевидно тогда, когда индивиды полагаются исключительно на внутренние черты при выборе поведения. Например, различия в экстраверсии – интроверсии лучше проявляются тогда, когда ситуация не поощряет ни одно, ни другое качество. Неструктурированная ситуация характеризуется неопределенностью, неоднозначностью, новизной, а иногда и наличием стрессового фактора. Эти ситуационные особенности являются также характеристиками переходных событий на жизненном пути личности – первое посещение школы, начало карьеры, замужество, принятие роли родителя. Таким образом, индивидуальные различия сильнее проявляются тогда, когда индивид вступает в новые отношения или принимает новые роли. Основными переменными для понимания постоянства личности на ее жизненном пути являются те, которые характеризуют способы осуществления социальных переходов от одной роли к другой.

7. *Исторические факторы.* Методологически вопрос исторических факторов решают через анализ когорты, который различает когорту (год рождения), период (год измерения) и возраст. Когорта и влияние периода являются, по сути, историческими. Исторические воздействия принимают форму эффекта когорты, когда социальное изменение дифференцирует жизненные паттерны последовательных когорт. Например, члены относительно маленьких когорт рождения могут сталкиваться с более благоприятными возможностями занятости. Исторические влияния принимают форму эффекта периода, когда специфические влияния (такие как война) проявляются относительно однородный эффект в последовательных когортах. Например, общественные тенденции в синхронизации браков и рождении первых

детей в XX в. в значительной степени являются выражением мощных эффектов периода. Третий тип эффекта происходит через старение, что иллюстрируется снижением результатов тестов на способности с возрастом.

Цель анализа когорты не может быть достигнута, пока специфические исторические изменения не будут связаны со специфическими изменениями в жизненных паттернах. Трактовка исторических влияний как эффектов когорты или эффектов периода сама по себе не объясняет причины этой связи. Поэтому различие когорты, или различие в возрасте, не имеет смысла, если оно не будет соотнесено с психологическими процессами или событиями.

Механизмы постоянства и изменения

Существует обширная база данных, свидетельствующая и описывающая постоянство и изменения личности на протяжении ее жизненного пути. Последние попытки интегрировать генетические, средовые и интеракционные процессы функционирования личности кажутся довольно многообещающими.

Генетические влияния. Количественные методы, традиционно используемые для оценки генетических и средовых компонентов фенотипических различий, теперь применяются для оценки генетических влияний на постоянство и изменения личности во времени.

Такая оценка была проведена в следующем исследовании. Близнецам предлагались психологические опросники CPI и MMPI сначала в возрасте 16 лет, а затем в 28 лет. Результаты показали, что на изменения в уровнях черт (профильные пики) как в MMPI, так и CPI от юности до зрелости влияло генетическое сходство.

Хотя исследования демонстрируют влияние генетических факторов на постоянство личности в ходе ее жизненного пути, они не объясняют механизмов, с помощью которых данные процессы происходят.

Влияние среды. Один механизм постоянства настолько естествен, что часто просто пропускается: поведенческие паттерны могут быть устойчивыми в ходе жизненного пути, так как среда остается стабильной. Считать такую поведенческую стабильность артефактом или нет – зависит исключительно от теоретических воззрений.

Если утверждать, что поведенческое постоянство отражает средовое постоянство, то тогда средовое изменение продуцирует бихевиоральное. Например, динамика социального поведения была выявлена в исследовании английских мальчиков, чье делинквентное поведение уменьшилось, как только их семьи выехали за пределы Лондона.

Лонгитюдное изучение юных матерей выявило, что последствия незапланированного родительства зависят от дальнейших событий: получения образования, вступления в брак и т. п. Однако важно заметить, что такие средовые события не являются независимыми от личности. Какие женщины продолжают образование? Какие способны вступить в брак? Таким образом, поведенческие изменения могут быть следствием изменений в среде, которые сами вызваны стабильными личностными свойствами.

Взаимодействие человек – среда. Существует много видов взаимодействия, но описанные далее три вида играют важную роль в поддержании постоянства личности в ходе жизненного пути. Реактивное взаимодействие имеет место тогда, когда разные индивиды подвергаются одинаковому воздействию среды, но интерпретируют и реагируют на него по-разному. Эвокативное взаимодействие предполагает вызов различных реакций других людей. Проактивное взаимодействие – деятельность по созданию или выбору собственной среды. Названные процессы предполагают влияние человека на жизненный путь.

Реактивное взаимодействие. Беспокойный, чувствительный ребенок воспринимает и реагирует на авторитарных родителей не так, как спокойный и уравновешенный. Человек интерпретирует некоторое действие как преступное намерение и реагирует не так, как другой, проинтерпретиру-

вавший то же действие как простую некомпетентность. Таким образом, каждый индивид выделяет из объективного окружения субъективную психологическую среду, которая зависит от особенностей личности и последующего взаимодействия. Этот базисный принцип феноменологического подхода, исторически одобренного социальной психологией, реализован в известном выражении: "Если люди определяют ситуацию как реальную, они реальны в своих следствиях".

Эвокативное взаимодействие. Способы, с помощью которых эвокативное взаимодействие может поддерживать постоянство, были продемонстрированы Паттерсоном в 1982 г. в его работе с агрессивными детьми. Коэрсивное поведение ребенка инициирует родительский гнев: его одергивают, чем еще более укрепляют изначальную агрессию. Члены семьи и антисоциальные дети чередуются в ролях агрессоров и жертв, подкрепляя коэрсивное поведение друг друга. Было отмечено, что стабильная среда может создавать стабильные бихевиоральные паттерны. Работа Паттерсона показывает, что поведенческие паттерны сами могут создавать стабильную среду.

Ранний опыт может заложить ожидания, которые ведут к проектированию индивидом новых ситуаций и отношений. Поведение в этом случае будет направлено на подтверждение этих ожиданий. Например, так как агрессивный ребенок ожидает враждебности от других людей, он ведет себя так, чтобы вызвать эту враждебность, подтверждая их начальные подозрения.

Проактивное взаимодействие. С возрастом дети отдаляются от среды, навязываемой им родителями, и начинают выбирать и конструировать собственную среду, которая, в свою очередь, поддерживает постоянство личности. Общительная девушка предпочитает пойти в кино с друзьями, чем остаться дома и смотреть телевизор. Ее социальная личность, таким образом, выбирает ей среду, укрепляющую ее общительность. В случае когда выбор невозможен, она сконструирует сама: если никто не пригласил ее в кино, она организует вечеринку у себя дома. Проактивное взаимодействие – это процесс, в котором индивиды становятся активными участниками развития своей личности. Скарр и МакКартни⁸ считают, что диспозиционно управляемый выбор и создание среды оказывают огромное влияние на развитие личности и достижение ребенком автономии.

¹ См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия человеческой жизни. М., 1991.

² См.: Costa P. T., McCrae R. R. Still stable after all these years: Personality as a key to some issues in aging // Life-span development and behavior. New York, 1980.

³ См.: McCall R. B., Eichorn D. H., Hogarty P. S. Developmental changes in mental performance // Monographs of the Society for Research in Child Development, 38 (3, Serial #171). New York, 1977.

⁴ См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.

⁵ См.: Kagan J. The three faces of continuity in human development // Handbook of socialization theory and research. Chicago, 1969.

⁶ См.: Guttman D. L. Parenthood: Key to the comparative psychology of the life cycle // Life-span developmental psychology: Normative life crises. New York, 1975.

⁷ См.: Woodruff D. S., Birren J. E. Age changes and cohort differences in personality // Developmental psychology, 6. New York, 1972.

⁸ См.: Scarr S., McCartney K. How people make their own environments: A theory of genotype – environment correlations // Child Development, 54. New York, 1983.

Кузьменкова Станислава Александровна – аспирант кафедры психологии БГУ. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент В. А. Поликарпов.

О. В. ШАПОШНИКОВА

АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЧУВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПРОФЕССИИ

Проблематика профессионального самоопределения и по сей день представляет большой интерес как для отечественных психологов, так и зару-

бежных. Существует множество точек зрения на эту проблему в зависимости от теоретико-методологических установок, которых придерживается исследователь. Но в основном разработка этой проблемы ориентирована на практическое решение конкретных социальных задач. И хотя человек постоянно включен в социальный контекст, он, прежде всего, – уникальная и неповторимая личность, которая стремится к поиску и достижению своих собственных смыслов и целей. Профессиональное самоопределение на этом пути играет далеко не последнюю роль. Мы попытались рассмотреть человека в ситуации профессионального самоопределения в единстве его внутренней сущностной потребности реализоваться, состояться и внешними социальными условиями, которые позволяют ему это сделать. Таким образом, самоопределение – это длительный, растянутый на всю жизнь процесс, результатом которого каждый раз является выбор человеком самого себя в процессе определения своей социальной позиции и выработки отношения к множеству проявлений жизни.

Сама ситуация выбора постоянно возникает в жизни человека, что, в свою очередь, вызвано несоответствием между желаемым и действительным. «Человек неизбежно попадает на жизненные развилки, где должен делать выбор. За уклонение от выбора или неумение выбирать ему приходится расплачиваться маленькими или большими неудобствами, собственными страданиями и страданиями других людей, потерей смысла жизни и множеством невротических проблем»¹. Смыслом самоопределения является «выход человека на цели, направления и способы активности, адекватные его индивидуальным способностям, и на формирование духовной самооценности, способности через целеполагание самобытно и самостоятельно реализовывать свое духовное и космическое предназначение»². Таким образом, каждый выбор приобретает важность той точки на отрезке жизни, положение которой в пространстве и времени определяет дальнейшее ее развитие.

В данной работе профессиональное самоопределение рассматривается, во-первых, как аспект жизненного самоопределения, а во-вторых, в его связи с самоопределением человека в рамках социальных отношений, в которые он включен. Последнее оказывается особенно важным для нашей ситуации «сменяющихся друг друга кризисов», коренной ломки сложившихся стереотипов, моделей поведения и систем ценностей³. В данных условиях глобальных изменений в обществе необходима выработка своего отношения к окружающему и принятие каждым жизненно важных решений. (В рамках нашего исследования – имеется в виду выбор профессии, поиск новой работы, переквалификация и т. д.)

Итак. Выработывая то или иное отношение, принимая определенное решение, человек тем самым определяет свою позицию в социокультурном пространстве. Таким образом, выработка отношения к действительности тоже есть своего рода самоопределение, т. е. «процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни»⁴. В формировании отношения важную роль играет эмоция. Проходя через призму сознания, она трансформируется в отношение к данному факту или явлению; она указывает на исток, причину сознательного отношения. Ж.П. Сартр называл эмоцию способом существования сознания, одним из способов, с помощью которых сознание понимает свое «бытие-в-мире»⁵.

Самоопределение принято рассматривать как «движение в четырех смысловых пространствах: ситуативном, социальном, культурном и экзистенциальном»⁶. Таким образом, поиск оснований для решений проблемных ситуаций в зависимости от типа самоопределения может разворачиваться: 1) как ситуативное поведение, детерминированное обстоятельствами; 2) как социальное действие, обусловленное локальной целью; 3) как рефлексия собственной деятельности и придание ей статуса «дела», вписываемого в

некоторую культурную традицию; 4) как рефлексия бытия, движение в вечных ценностях и вопросах.

В рассмотренной схеме рефлексия выступает в качестве способа осуществления самоопределения. Являясь компонентом сознания, она также описывается как "процессы разрешения внутренних конфликтов в смысловой сфере, как критическая переоценка ценностей, наиболее общим выражением которой и является вопрос о смысле жизни"⁶.

Очевидно, именно экзистенциальное пространство является всеобъемлющим, пронизывающим, включающим в себя ситуационное, социальное и культурное поля. Профессиональное самоопределение выступает не только как аспект жизненного самоопределения, но и предстает как своеобразная "арена", где в зависимости от ситуационных, социальных, культурных условий человек делает выбор, занимает (определяет) свою позицию.

С позиции экзистенциальной психологии действия человека в каждой конкретной ситуации регулируются не непосредственно импульсами, а переживаниями смысла различных альтернатив существующих в данный момент. "Смыслы есть не что иное, как отношения, указания на то, в связи с чем, в контексте чего данный поведенческий паттерн оказывается значимым"⁷. В свою очередь, каждое действие представляет собой своего рода систему, в которой сходятся жизненные контексты человека и где проходит предвосхищение результата данного действия не только с точки зрения удовлетворения здесь-и-сейчас, но одновременно и с точки зрения всех, не связанных, на первый взгляд, жизненных отношений.

В профессиональном самоопределении при выборе профессии человек решает также, что ему надо, каким он хочет быть. И хотя эти вопросы возникают в различные моменты и на разных этапах профессионального самоопределения, именно в момент выбора будущей профессии они встают во всем своем "масштабе".

Основой для анализа общих настроений и ожиданий, смысложизненных исканий в период юности послужил четырехугольник В. Франкла (1990), который показывает разные возможности истолкований индивидом смысла жизни: *жизнь имеет смысл, начинает терять, теряет, вновь обретает*. Так, *первый квадрант* отмечает определенность цели и смысла жизни, относительный психологический комфорт; *второй* констатирует потерю прежнего смысла, поведение попавших в него неустойчиво и при определенных условиях возможен переход либо в первую, либо в третью зону; *третий квадрант* – это зона фрустрации, т. е. состояния расстройства психики на почве крушения целей и смысла жизни, потери прежних мировоззренческих точек опоры. Фрустрацией могут быть поражены люди из первой зоны в силу неразвитости духовных потребностей. В *четвертом квадранте* находятся люди, рвущиеся к успеху, целеустремленные, решительно преодолевающие барьеры и препятствия на своем пути; эта группа людей с сильной и устойчивой психикой.

В процессе анализа данных, полученных в ходе опроса юношей и девушек – учащихся выпускных классов (61 человек), обнаружилось, что у 24,3 % фрустрировано стремление к реализации смысложизненных ориентаций. Причем 52 % продемонстрировали в период ранней юности чрезвычайную неустойчивость, а порой – противоречивость в оценках своего состояния, связанного с поиском смысла жизни. Однако среди студентов средних курсов (средний возраст – 21 год) наблюдается тенденция к снижению "отчаяния" по отношению к препятствиям на пути к самоопределению, что проявляется в стремлении к "осуществлению". В "зону фрустрации" при этом попадает уже лишь 4,2 %. Данные свидетельствуют также о нарастании у студентов установки на воплощение, реализацию себя, своих замыслов. Основой для этого послужило профессиональное самоопределение, которое дало ту самую основу, благодаря которой человек нашел то, что

позволило ему чувствовать в мире более уверенно, стать необходимым и востребованным.

Итак, потребность жизненного (профессионального) самоопределения очень остро встает в юношеские годы, как раз когда происходит перемена социальной роли и позиции. Вся проблема успешности, адекватности выбора заключается в том, что от этого зависит и будущее отношение к профессиональной деятельности, "ощущение" себя в ее поле, согласованность внутреннего, духовного ядра человека, его сущности, смыслов и ценностей профессии.

Следование той или иной роли иногда является единственно возможным способом "выживания" в социальном окружении, способом поддержания межличностных отношений. А четкое взаимоупорядочивание своего "я", согласно модели личности Р. Берна, обеспечивает ее психическое здоровье⁸.

Юношеское самоопределение в таком случае есть процесс соотнесения различных Я-составляющих с некоторым реестром социальных ролей, формирование своего "гардероба". В соответствии с реестром приоритетных ролей, наполненных определенным ценностно-смысловым и эмоционально-чувственным содержанием, происходит профессиональное самоопределение человека.

Как было показано выше, профессиональное самоопределение в известной степени решает проблемы общего самоопределения человека. Так как человек постоянно включен в социальный контекст, он в силу своей природы всегда стремится к другому, его потребности ждут своего удовлетворения благодаря другому, для другого, его потенции направлены на другого. Ситуация одиночества, оторванности переживается всегда негативно.

Нами исследовались социальные роли, приоритетные для выпускников средних школ, стремление выполнять функции которых играет определяющее значение в ходе их профессионального выбора. Предлагалось написать, как минимум, двадцать ролей, которые используют юноши и девушки, собираются использовать, которые им нравятся и которые им хочется выполнять для успешного функционирования в обществе. В ходе контент-анализа среди общего массива представленных ролей были выделены пять общих категорий: 1) роли, отражающие положение и функции, выполняемые в семье; 2) роли, сопряженные с осуществляемой общественной деятельностью, в том числе и профессиональной; 3) роли, выражающие личностные интересы и склонности, хобби; 4) роли ситуативно обусловленные; 5) группа неклассифицируемых ролей. Смысловые единицы по выделенным категориям распределились следующим образом: в 1-й – 24 %, во 2-й – 36, в 3-й – 24, в 4-й – 15, в 5-й – 1 %. Итак, ведущей оказалась категория, где роли сопряжены с осуществляемой или планируемой деятельностью, в том числе профессиональной. Таким образом, для большинства респондентов данного возраста особенно актуальны ценности, связанные с социальным признанием, самоутверждением в процессе выполнения определенной социально приемлемой деятельности. Подобные ценности В. Франкл называл "ценностями созидания"⁹.

Профессиональное функционирование предполагает специфическое отношение, которое складывается у субъекта профессиональной деятельности и природа которого во многом иррациональна, интуитивно познаваема. Обращение к эмоционально-чувственной сфере обусловлено приданием ей особого значения в данном случае. Именно эмоционально-чувственное отношение является, на наш взгляд, катализатором тех волевых усилий, которые необходимы в профессиональной деятельности, и, соизмеряясь с модальностью, интенсивностью и силой которых, человек делает выбор в каждой конкретной ситуации. Иначе говоря, в профессиональном самоопределении эмоционально-чувственное отношение субъекта к профессиональной деятельности выступает как камертон, соизмеряясь с которым человек определенным образом существует в рамках данной профессии.

Эмоционально-чувственное отношение во многом, безусловно, складывается также, проходя через призму индивидуальных и личностных особенностей. В свою очередь, ценности и приобретенный опыт приносят самобытный колорит и уникальность в профессиональное самоопределение человека. Субъект профессиональной деятельности, опираясь на эмоционально-чувственный опыт, накопленный ранее, в кризисные моменты, может преодолеть трудности в профессиональном становлении, адаптироваться в изменяющихся условиях. Чтобы выявить некоторые тенденции в содержании того эмоционально-чувственного отношения, которое возникает у студентов при более глубоком знакомстве с избранной профессией, анализировались их эмоции, чувства, переживания, которые связывались ими с будущей профессией. Респондентами были студенты III–V курсов, обучающиеся по специальности психология, которые в значительной степени уже сформировали “образ профессии”, сопровождающийся определенным эмоционально-чувственным отношением к ней.

В результате анализа высказываний студентов вырисовались личностно окрашенные образы будущих профессионалов следующим образом:

1 – ищут позитивное самопроявление, склонны к глубоким и сильным чувствам и переживаниям, что предполагает наличие определенной силы воли, в отличие от второй категории;

2 – яркая, эмоциональная чувственность, склонность к положительной экспрессии; ответственность и чувство долга. У таких людей выражено чувство ответственности, причем это основа, на которой как раз и проявляются позитивные эмоции: радость, восторг, восхищение. Возможно, у них скорее образное представление об ответственности, но и оно придает им силу и уверенность. Наблюдается также некоторая склонность к легкомысленности, проявляющаяся в тенденции жить чувствами. Они не могут мириться с рамками, которые ограничивают, в этом проявляется их негативное отношение к профессионализму;

3 – очень целеустремленные, планируют свою жизнь и сознательно работают для достижения намеченного; усердны, их можно назвать работягами, трудоголиками. Для них “быть человеком” значит “быть профессионалом”. Четко знают, что им надо; все, что случается вокруг, было уже предусмотрено ими, ничто не может “выбить их из колеи”. Однако эта целеустремленность, расчетливость “убивает” свободу, поиск, творчество;

4 – ярко выражена неуверенность в себе, переходящая почти в отчаяние; присуще ощущение, что не на что опереться, не хватает свободы. В связи с этим возникает желание что-то изменить. Создается впечатление, что им свойственна легкомысленность в том отношении, что не могут испытывать сильных чувств. Гнев, агрессия – сумбурные чувства, свойственные им, но они не глубокие, не разрушающие, поэтому могут трансформироваться в определенные моменты жизни в радость, восторг, восхищение. Они тонко воспринимают происходящее вокруг и касающееся их самих;

5 – этим людям не свойственно спешить ни в чем. Это их отличительная черта. Время для них течет медленнее, чем для остальных; они чувствительны, но их восприятие флегматично, они настроены на медленное получение удовольствия, растягивая его. В коммуникации проявляют себя как участливые и сопереживающие слушатели, открытые всему новому, интересному, причем быстро переключаются на новое, если оно достаточно интересно;

6 – они хотят казаться быть сильными. Они принимают эти ценности и в соответствии с ними регулируют свою жизнь. Удовольствие для них – нахождение соответствия своим ценностям. Такие люди всегда знают, как лучше сделать, как лучше не делать, как реагировать на то или тех, кто поступает или думает иначе;

7 – жизнерадостность, творческая установка по отношению к миру; их энергия направлена во вне; характерна любовь к жизни, к новым ощущениям;

ям, склонны к творческому самопроявлению. У них есть воля к осуществлению своих замыслов, в этом проявляется их работоспособность. Целеустремленны. В голове у таких людей всегда куча замыслов, идей, проектов, они готовы "перевернуть" мир, чтобы осуществить их;

8 – тонкая чувствительность, переходящая в суеверие, мнительность; неуверенность, озабоченность вызывает неустойчивое положение и порождает стремление к приобретению новой информации, которая бы помогла разрешить их сомнения. Но при этом само это стремление "мнительно". Это состояние постоянной амбивалентности, раздвоенности приносит неудовлетворение, они стремятся к стабильности, однако они все равно не могут до конца определиться и опять "путаются"; склонны прислушиваться к чужому мнению, так как сами в силу своей неуверенности и нестабильности не имеют своей точки зрения или не могут ее "отстоять". Кроме того, им постоянно необходимо оказывать кому-либо покровительство и поддержку;

9 – это сильные люди, но их раздражают препятствия, которые встают на их пути; им дорого их время и все, что отрывает их, вызывает гнев. Они очень целеустремленны. В своей работе они находят все, что им необходимо, здесь они чувствуют себя нужными; работа "питает" и "поддерживает" их. Сама деятельность привлекает их постольку, поскольку дает возможность уйти в процесс с головой. Им важно быть на своем месте и делать свою работу, все остальное им не нужно.

Исследованное отношение к профессии условно, но может служить критерием, определяющим в дальнейшем с достаточной степенью достоверности успешность существования субъекта в рамках его профессии. Подобная категоризация помогает проследить особенности того эмоционально-чувственного отношения, которое складывается у студентов при изучении природы формирования будущего профессионала. За вопросом о профессиональном выборе у выпускников средних школ зачастую стоит потребность не только сделать реальный выбор, но и отрефлексировать те или иные свои личностные особенности и потребности, получить поддержку своему еще слабому, неустойчивому, "ищущему Я".

Представленное исследование проблемы позволило выявить и подтвердить зависимость между возрастными изменениями, связанными с поиском целей и смысла жизни, и динамикой профессионального самоопределения (от выбора профессии до окончания профессионального самоопределения), определить детерминацию профессионального выбора социальными ролевыми проектами и выявить особенности эмоционально-чувственного отношения субъекта к профессиональной деятельности. В связи с вышеизложенным хочется отметить то исключительное значение профессионального самоопределения, когда его успешность и соответствие внутренним ценностно-смысловым установкам ведет к достижению человеком его жизненных целей.

¹ Васильюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М., 1997. С. 284.

² Новейший философский словарь. Мн., 1999. С. 284.

³ См.: Попов В.Д. Социальный психоанализ субъектов российского рынка // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 5. С. 30–43.

⁴ Новейший философский словарь. Указ. пр.

⁵ Сартр Ж.П. Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1987. С. 120–137.

⁶ Кон И.С. Социология личности. М., 1967. С. 168.

⁷ Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 1999. С. 26.

⁸ См.: Берн Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1996.

⁹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Шапошникова Оксана Владимировна – аспирант кафедры психологии БГУ. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент С.С. Харин.

ИССЛЕДОВАНИЕ НАДЕЖНОСТИ ТЕСТОВ СИЛЫ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЗБУЖДЕНИЮ

Существующие в настоящее время методики оценки типологических свойств *нервной системы* (НС) используют измерения параметров, относящихся к разным уровням ее деятельности. В частности, изучение одного из важнейших свойств НС – силы НС по отношению к возбуждению – может проводиться как на уровне целостного поведения (измерение параметров сенсомоторных реакций), так и на уровне нейрофизиологических показателей, непосредственно связанных с динамикой возбуждения и торможения НС. Несмотря на то что в «поведенческих» методиках собственно свойства НС проявляются более опосредованно, в профессиографических исследованиях и на практике именно они используются при изучении корреляционных соотношений типологических свойств НС с проявлениями профессионально важных качеств.

Б.М. Теплов и В.Д. Небылицын формулируют синдром силы нервной системы по отношению к возбуждению следующим образом: 1) способность нервной системы выдерживать, не обнаруживая запредельного торможения, длительное или часто повторяемое возбуждение; 2) сопротивляемость к тормозящему действию посторонних раздражителей; 3) некоторые особенности концентрации; 4) отчетливое проявление закона силы; 5) зрительная и слуховая чувствительность (обратное отношение к силе НС)¹. Наиболее широкое распространение получили тесты, основанные на проявлениях первого из приведенных выше синдромов; сюда же относятся рассматриваемые нами модификации теста, выполненные Л.А. Копытовой² и Я. Стреляу³.

При практической реализации психофизиологических тестов неизбежно возникает ряд методологических проблем, главными из которых являются:

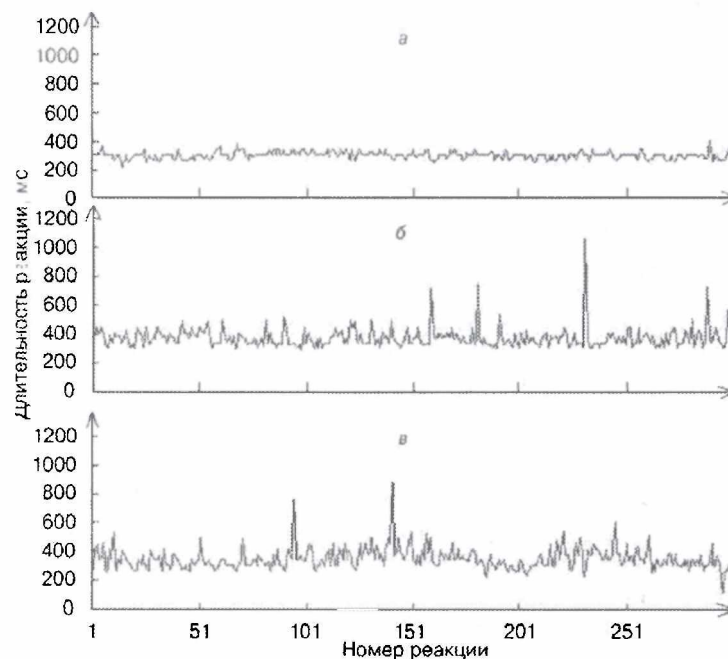
а) сопоставимость оценок (в нашем случае силы НС), полученных с помощью различных модификаций однотипных тестов; б) сопоставимость оценок показателя силы НС, полученных с использованием разнотипных тестов, опирающихся на разные составляющие синдрома силы НС; в) обеспечение надежности теста (минимизация погрешностей измерений).

Проблемы сопоставимости результатов тестирования по различным модификациям тестов силы НС и стандартизации методик и критериев довольно широко представлены в научно-методической литературе. Однако практически не встречаются работы, посвященные обеспечению достоверности оценок показателя силы НС на микроуровне отдельных реакций. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел в части, касающейся надежности измерений количественных показателей силы НС по динамике длительности простых сенсомоторных реакций при многократном возбуждении.

Корректность (достоверность) результатов тестирования зависит, прежде всего, от достоверности гипотезы о связи измеряемого параметра испытуемого (длительность реакции, чувствительность анализаторов и т. п.) с той или иной составляющей синдрома силы НС. Психофизиологические тесты типологических свойств НС эксплуатируются уже много десятилетий, и нет никаких оснований пересматривать положенные в их основу идеи. Более серьезной представляется проблема надежности, и прежде всего устранения влияния неучтенных факторов, способных (незаметно для экспериментатора) исказить результаты тестирования. В годы, когда интенсивно разрабатывались рассматриваемые тесты, технические возможности не позволяли ни применять сложные методы обработки информации в реальном масштабе времени, ни запоминать большие массивы данных для их последующей камеральной обработки. В последнее время технические возможности, в частности – широкое распространение микропроцессоров, позволяют реализовывать самые сложные алгоритмы тестирования и обработки

«сырых» данных. Однако все еще эксплуатируются и даже разрабатываются новые специализированные устройства для психофизиологических исследований с низкой степенью интеграции электронных элементов, неспособные не только выполнять необходимые алгоритмы защиты результатов тестирования от влияния неучитываемых факторов, но и просто обнаруживать их наличие.

Существование проблемы неучитываемых факторов подтверждается анализом полученных нами результатов массового обследования абитуриентов Белгосуниверситета, а также некоторых категорий служащих, проведенного в 1997–1999 гг. (всего более 200 человек). Производилась, в частности, оценка индивидуальных показателей силы НС по изменению средней длительности зрительно-моторной реакции в начале и конце эксперимента (модернизированный и компьютеризированный вариант теста Л.А. Копытовой). В ходе тестирования фиксировалось значение длительности реакции на каждый из стимулов, а затем строилась «реактограмма» – график длительности последовательных реакций на предъявлявшиеся стимулы, которые в наглядной форме отображают изменения уровня произвольного сосредоточения внимания (рисунок).

Графики длительности последовательных зрительно-моторных реакций: устойчивое внимание на всем протяжении тестирования (а); спорадические достаточно длительные отвлечения внимания (б); существенные медленные колебания уровня сосредоточенности внимания со спорадическими длительными отвлечениями (в)

Реактограмма на рис. а, которая может считаться идеальной, встречается достаточно редко – менее чем у 10 % испытуемых. В частности, это высокопрофессиональные сотрудники службы безопасности первых лиц государства. Как правило, реактограммы выглядят так, как это показано на рис. б, в.

В известных модификациях тестов силы НС (Л.А. Копытова, Я. Стреляу) показатель силы НС определяется как отношение средней длительности реакции в выборке (серии) определенного объема в начальной фазе тестирования к среднему времени реакции в выборке такого же объема, но расположенной в самом конце тестовой последовательности стимулов. В указанных тестах принят объем «расчетных» серий соответственно 20 и 15 реакций. Так называемое «оптимальное» время реакции определяется по

второй серии (сразу же после тренировочной серии), а конечные выборки располагаются после 225-й (Стреляу) и 280-й реакций (Копытова). Принимая во внимание характер и амплитуду колебаний произвольного внимания, можно констатировать, что только у отдельных, исключительно тренированных испытуемых, измеренный показатель силы НС будет *действительно* соответствовать гипотезе, положенной в основу указанных тестов. Количественная оценка этого показателя для испытуемых с заметными колебаниями уровня произвольного сосредоточения внимания неизбежно зависит от того, попали или нет моменты спорадического отвлечения внимания в обе или одну из расчетных серий, и/или от того, были ли одинаковыми уровни сосредоточения внимания в этих сериях.

Нами были проведены сопоставления экспериментальных показателей силы НС, вычисленных по приведенным выше реактограммам согласно алгоритмам Стреляу и Копытовой, при проявлении у испытуемых существенных по величине медленных колебаний уровня сосредоточенности внимания или его спорадических достаточно длительных отвлечений внимания (рис. б, в). Определенные по указанным алгоритмам показатели силы НС испытуемого № 2 равны соответственно 0,964 (Стреляу) и 0,955 (Копытова). При вычислении показателя силы по Стреляу в конечную выборку попало одно длительное отвлечение внимания (1057 мс), а при вычислениях по Копытовой – два достаточно существенных отвлечения внимания – на 727 и 567 мс. Для сравнения: среднее время реакции данного испытуемого, вычисленное по всей совокупности, равно 378 мс. Если не учитывать указанные отвлечения внимания, то показатели силы НС, определенные по этим же алгоритмам, будут равны соответственно 1,1 и 0,997. Как видим, неучтенные спорадические отвлечения внимания способны внести значительные *неконтролируемые* ошибки: нервная система конкретного испытуемого фактически должна быть отнесена к сильному типу, тогда как по результатам «традиционных» модификаций теста, в которых не анализируется динамика работы испытуемого на микроуровне отдельных реакций, она относится к промежуточному (ближе к слабому) типу.

Однако недостаточная достоверность определения показателя силы НС, присущая рассматриваемым модификациям теста, этим не ограничивается. При значительных колебаниях уровня сосредоточения внимания (рис. в) даже в отсутствие спорадических отвлечений внимания результаты, определенные по модификациям Стреляу и Копытовой, значительно отличаются друг от друга: при расчете по реакциям № 16–30 и 226–240 (Стреляу) показатель силы НС равен 0,83, а по реакциям № 21–40 и 281–300 (Копытова) – 1,06. Такое огромное различие объясняется тем, что «расчетные» выборки для этих алгоритмов случайно попали в разные фазы колебания сосредоточения внимания. Естественно было бы предположить, что при тестировании испытуемых, для которых характерно относительно стабильное время сенсомоторной реакции и сосредоточенное внимание (рис. а), проблема неучтенных факторов (по крайней мере, в части деструктивного влияния колебаний уровня сосредоточения внимания) не является особо значимой. Однако даже при такой стабильной работе испытуемого показатели по Стреляу и Копытовой различаются очень существенно и составляют соответственно 0,949 и 0,989.

Далее, в алгоритме определения показателя силы НС по методикам Стреляу и Копытовой не проверяется достоверность различия средних значений времени реакций в начале и конце теста. Известно, что, если достоверность этого различия меньше 0,95 (предельное значение, принятое при статистической обработке экспериментальных данных в гуманитарных науках), операция деления вообще не имеет смысла – в этом случае необходимо констатировать равенство средних значений, а наиболее вероятным результатом деления считать единицу. Анализ представленных реактограмм показал, что различие скорости реакции в начале и конце теста дос-

товерно только для испытуемого «в» при вычислении показателя силы НС по Стреляу. Однако, как уже говорилось, эта «достоверность» мнимая, так как участвующие в расчетах выборки случайно попали в разные фазы колебания внимания. Таким образом, показатели силы НС, определяемые рассмотренными выше и подобными им тестами, не могут считаться объективными – вследствие колебаний уровня сосредоточения непроизвольного внимания и очень малого объема «расчетных» выборок всегда есть очень большая вероятность неконтролируемых ошибок.

Таблица

Сопоставление результатов вычисления показателей силы НС

Модификация теста силы НС	Испытуемый «а»	Испытуемый «б»	Испытуемый «в»
Я. Стреляу	0,949*	0,964*	0,83
Л.А. Копытова	0,989*	0,955*	1,06*
Компьютерный тест	1,01	1,0	1,0

* Различие среднего времени реакции в начале и конце тестирования недостоверно.

В наших экспериментах повышение объективности результатов тестирования обеспечивалось тем, что, во-первых, для расчета показателя силы НС отбирались только реакции, длительность которых не выходила за пределы $\pm 3\sigma$ по отношению к среднему времени реакции, вычисленному по всей их совокупности (σ – стандартное отклонение длительности реакции). Во-вторых, показатель силы НС вычислялся *не по средним значениям* времени реакции в начальной и конечной фазах тестирования, а *по соотношению ординат начала и конца линии регрессии для всей совокупности реакций*. Это сводит к минимуму неконтролируемое влияние на достоверность оценки показателя силы НС как значительных спорадических отвлечений, так и медленных колебаний степени сосредоточения внимания. В таблице приводится сопоставление результатов тестирования по методикам Стреляу, Копытовой и компьютерной версии теста, рассчитанных по реактограммам а–в.

¹ См.: Теплов Б.М., Небылицын В.Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1963. № 5.

² См.: Сухарева Л.М. и др. Унифицированная методика физиолого-гигиенических аспектов профессиональной ориентации и профессионального отбора молодежи. М., 1985.

³ См.: Стреляу Я. Время двигательной реакции как показатель силы нервной системы: Сб. ст.: Типологические исследования по психологии личности. Пермь, 1967. Вып. 4.

Сагайдак Дмитрий Ильич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, декан факультета фундаментальной и альтернативной медицины БГУ.

Фролов Геннадий Иванович – кандидат технических наук, заведующий лабораторией информационных технологий Республиканского центра проблем человека БГУ.

хх

В.А. БОЖАНОВ

**КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1994 г.
И ЕЕ НОВАЯ РЕДАКЦИЯ 1996 г.:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА**

За весьма короткий исторический срок около трех лет Конституция суверенной Республики Беларусь претерпела радикальные изменения. В нашем обществе с советских времен сложилась скверная традиция проявлять шумное внимание накануне какого-то важного события и не возвращаться к его анализу в последующем. В результате в политической жизни общества отсутствует понимание накопленного опыта, новая генерация политиков пытается делать политику с чистого листа, создавать систему государственной власти «под себя», отсекая прошлое «до основания». В этой связи полезно вернуться к обеим редакциям Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г. и измененной и дополненной 24 ноября 1996 г.

Наиболее значимым явлением мартовской Конституции было учреждение поста Президента. В июне 1994 г. Президентом страны избран А.Г. Лукашенко. Приняв присягу «служить народу Республики Беларусь, соблюдать Конституцию и законы Республики Беларусь», 20 июля он вступил в должность. Не довольствуясь ролью представлять одну из ветвей власти, А.Г. Лукашенко с первых дней своей работы начинает активно вмешиваться во все сферы жизни государства, подчинять их своему влиянию. Это вызывает настороженность, а затем и прямое сопротивление со стороны Верховного Совета XII созыва, Конституционного суда. В данный период Президент очень высоко оценивает свои конституционные права, объясняя позицию так: «Конституция дала мне чрезвычайные права, Конституция, понимаете. И чего стоит только сотая статья, пункт первый, где президент принимает меры по стабильности и сохранению суверенитета нашего государства. И нигде не написано, какие меры. То есть отдано это мне на откуп. Какие я приму меры, такие и будут». Как видим, поле государственной деятельности представлялось первому белорусскому Президенту безграничным, вверенным в его полное распоряжение. Однако Верховный Совет, а затем и Конституционный суд стали напоминать Президенту о своих правах на конституционные функции, указывать ему на правовые рамки деятельности. И не только напоминать и указывать, но и принимать решения, требующие от Президента отменить ряд своих указов как нарушающих Конституцию, согласовывать свои действия по руководству страной с Верховным Советом. Однако А.Г. Лукашенко не видит никакой возможности вывести страну из кризиса, не обладая всей полнотой власти. Его идеалом становится «управляемая республика», в первую очередь через президентскую структуру. Открытое и упорное сопротивление этим устремлениям со стороны парламента и Конституционного суда привело А.Г. Лукашенко к резкой переоценке Конституции. Он заявил, что «функции и полномочия, предоставлен-

ные Президенту нынешней Конституцией, на данном этапе исчерпаны. Исходя из них, никакого усиления президентской власти быть не может... Поэтому и необходимо его (Основной закон. – В. Б.) несколько упорядочить»².

Подобная ситуация характерна для многих стран постсоветского пространства. Резкое падение в них производства, снижение жизненного уровня народа, обострение политической борьбы и другие конфликты вызывали у общественности этих стран ожидания больших дел, инициатором которых должно стать первое лицо в государстве – президент. Однако надежды, связанные с президентом, намного превосходили его возможности, в том числе и конституционные. И именно это толкало большинство из них к тому, чтобы добиваться расширения своих полномочий в основном за счет возвышения института президентства над другими ветвями власти. Несомненно, над молодым белорусским руководителем довлел и советский опыт авторитарной власти.

В результате по инициативе Президента в ноябре 1996 г. состоялся референдум, на котором была принята новая редакция Конституции Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями) – проект Администрации Президента. Это была большая и важная победа Президента А.Г. Лукашенко. Президентская сторона захватила политическую инициативу, сумела заручиться поддержкой народа и легитимировать свои претензии на господствующее положение в стране, устранить в государственных структурах оппозиционные силы. Острота и драматизм ситуации – тема отдельного разговора. Отметим только, что через несколько лет, вкусив плоды победы, А.Г. Лукашенко с гордостью скажет: «Эта Конституция для меня – благо. Она мне в буквальном смысле потом и кровью досталась»³. Но победа ли это для государства, народа? Когда Конституция становится орудием побед, средством личной политической борьбы, государственность теряет свою определенность, становится заложником очередных политических схваток.

Несомненно, результаты борьбы команды А.Г. Лукашенко сконцентрировались на четвертом разделе новой редакции Конституции, где определены институты власти, особенно его третья глава «Президент Республики Беларусь». Опираясь на сравнительный метод, попытаемся вычленить то основное в главе, что определяет смысл состоявшейся борьбы и победы.

В разделе произошли серьезные изменения как по структуре, так и по содержанию. В прежней редакции раздел назывался «Законодательная, исполнительная и судебная власть», что затем разворачивалось в соответствующих главах: глава 3. Верховный Совет Республики Беларусь; глава 4. Президент Республики Беларусь; глава 5. Суд. Название раздела и расположение ветвей власти соответствовали принципу разделения властей, установленному статьей 6 Конституции. Все ветви власти легко узнаваемы, четко обозначены, в том числе Президент с Кабинетом Министров как исполнительная власть.

В новой редакции Конституции раздел называется иначе – «Президент, Парламент, Правительство, суд». Президент выведен из исполнительной функции и находится как бы вне ветвей власти. Институт президентства стал стержневым в этом разделе Конституции, он определяет роли и функции остальных ветвей власти. Функции ветвей власти уже не имеют столь явной логической связи со статьей 6 (о разделении властей), но совершенно явно соотносятся с институтом президентства.

Таким образом, изменился статус Президента. Если в Конституции 1994 г. он определялся тем, что Президент наделялся правами главы государства и исполнительной власти (ст. 95), то в новой редакции Конституции 1996 г. его государственный статус приобрел всеобъемлющий характер, далеко выходящий за пределы понятия «ветвь власти». Его принадлежность к исполнительной власти уже не упоминается, но помимо Главы государства Президент стал гарантом Конституции страны, прав и свобод человека и гражданина (ч. 1. ст. 79). Сущностными чертами президентского статуса

стали олицетворение единства народа, гарантия реализации основных направлений внутренней и внешней политики, представление Республики Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями, охрана суверенитета страны, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечение политической и экономической преемственности и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2 ст. 79). Президент стал единственным в Беларуси должностным лицом, обладающим неприкосновенностью без каких-либо оговорок (ч. 3 ст. 79).

Сходные позиции в статусе Президента закрепляют конституции и ряда других стран Содружества Независимых Государств. Что же касается права Президента на неприкосновенность, то Конституция, например, Республики Молдова такого права не содержит, а Конституция Республики Таджикистан наделяет им и депутатов Меджлиса Оли (парламента).

Как мы уже отмечали, в новой редакции Конституции Республики Беларусь Президент уже не связан прямо руководством исполнительной властью, т. е. правительством. Однако статус и перечень функций Президента обеспечивают ему полный контроль над Советом Министров, безусловное подчинение ему и Совета Министров в целом и всех высших центральных учреждений в отдельности. Президент единолично определяет структуру правительства, назначает на должность и освобождает от должности заместителей премьер-министра, министров и других членов правительства, принимает решение об отставке правительства или его членов, назначает руководителей республиканских органов государственного управления и определяет их статус, имеет право председательствовать на заседаниях правительства, отменять акты правительства, решения местных исполнительных и распорядительных органов.

В свою очередь, правительство в соответствии с новой редакцией Конституции информирует Президента об основных направлениях деятельности правительства и о всех его важнейших решениях, разрабатывает и представляет Президенту для внесения в парламент проект республиканского бюджета и отчет об его исполнении. Правительство слагает свои полномочия перед вновь избранным Президентом.

И в стратегических, и в оперативных вопросах управления страной правительство работает практически под прямым руководством Президента и его администрации. В случае разногласий между правительством и Палатой представителей, Президентом и Палатой представителей (недоверие правительству, двукратный отказ в даче согласия на назначение премьер-министра) ст. 94 предполагает досрочное прекращение полномочий Палаты представителей, что также оставляет за Президентом преимущественное положение в разрешении правительственного кризиса.

По сравнению с Конституцией 1994 г. ее новая редакция предоставила Президенту огромные права в кадровых назначениях. Ключевые должности, назначения на которые Президент по прежней редакции Конституции имел право производить только с согласия Верховного Совета, следующие: премьер-министр, его заместители, министры иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, председатель Комитета государственной безопасности. По новой редакции, как мы отмечали, согласие Палаты представителей необходимо лишь при назначении премьер-министра (ч. 6 ст. 84). Практически все назначения на высшие должности в государстве являются личной прерогативой Президента. Он назначает шесть членов Центральной избирательной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, образует, упраздняет и реорганизует Администрацию Президента, другие органы государственного управления, назначает шесть судей Конституционного суда, иных судей Республики Беларусь, назначает на должность и освобождает от должности председателя Комитета государственного контроля, назначает руководителей республиканских органов государственного управления и определяет их статус, формирует и возглавляет

Совет Безопасности, назначает на должность и освобождает от должности Государственного секретаря Совета Безопасности, является Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь, назначает на должности и освобождает от должностей высшее командование Вооруженных Сил. Часть назначений Президент должен согласовывать с Советом Республики: председателя Конституционного суда, председателя и судей Верховного суда, Высшего Хозяйственного суда, председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, председателя и членов Правления Национального банка. Освобождение от должностей названных чиновников, за исключением премьер-министра и председателя Комитета государственного контроля, осуществляется Президентом с уведомлением Совета Республики. Прошедшие годы подтвердили безусловность решений Президента при всех назначениях. Если до 1996 г. согласование кадровых назначений в Верховном Совете вызывало нередко возражения, острые дебаты, то после ноября 1996 г. все назначения, производимые Президентом и требующие согласия Совета Республики, просто принимаются к сведению.

Необходимо заметить, что согласно новой редакции Конституции без Президента невозможно ни одно действие со стороны других ветвей власти, способное существенно изменить те или иные направления жизни страны. Речь не идет о произвольном поведении ветвей власти, не согласованном с Президентом. Новая редакция Конституции так распределила влияние, что оно оказалось максимальным у Президента как на правительство, так и на парламент, и практически никакого обратного со стороны последних. Особенно весомо выросли властные полномочия Президента в области законодательства. Если до 1996 г. единственным законодательным органом в стране был парламент – Верховный Совет, то после 1996 г. эти полномочия получил и Президент. По Конституции 1994 г. он имел право на издание подзаконных актов – указов и распоряжений (ст. 101), а по новой редакции Конституции Президент помимо указов и распоряжений получил право на издание декретов, имеющих силу закона (ст. 85). Названные декреты сохраняют силу, если они не отменены большинством не менее 2/3 голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания (ч. II ст. 101). Это очень сильная прерогатива Президента, так как, во-первых, декрет, как правило, вступает в силу со дня его издания (опубликования) и до очередной сессии парламента во многом может быть реализован; во-вторых, на практике почти невозможно набрать необходимую норму голосов депутатов, чтобы отменить декрет. Говоря об этой прерогативе Президента, необходимо заметить, что она выходит за рамки обычной конституционной практики, является исключительной. Известный в Беларуси юрист, в то время член Конституционного суда, а позже его председатель Г.А. Василевич, отмечал, что парламент является единственным законодательным органом страны, поэтому он не вправе кому-либо делегировать, в том числе и Президенту, свои законодательные полномочия⁴.

Особая роль в контроле Президента над законодательной деятельностью непосредственно парламента играет Национальный центр законодательной деятельности при Президенте Республики Беларусь. Указ Президента об утверждении Положения о Центре обязует все заказы на законопроекты осуществлять только через данный Центр. Центр, в свою очередь, во-первых, обязан представлять в Администрацию Президента копии этих заказов; во-вторых, имеет право отказать в принятии заказа на подготовку проекта правового акта, если его выполнение: а) не соответствует Конституции Республики Беларусь и решениям Главы государства; б) будет препятствовать качественной подготовке проектов, предусмотренных планами, и подготовке проектов по поручению Президента или Администрации Президента⁵. Это противоречит ч. 1 ст. 99 Конституции о субъектах законодательной инициативы, где ничего не говорится о посредниках между ними и пар-

ламентом. Таким образом, Президент достаточно жестко контролирует законотворческую деятельность непосредственно на входе законопроектов в Палату представителей.

Отметим еще и то обстоятельство, что вопрос об изменении и дополнении Конституции может быть рассмотрен палатами Парламента только по инициативе Президента или не менее 150 тысяч граждан. Изменения и дополнения к Конституции могут быть проведены через референдум, назначение которого – право Президента. А если учесть, что часть разделов Конституции, в том числе анализируемый нами четвертый, может быть изменена только путем референдума, то Президент жестко может контролировать и заблокировать такие попытки.

Интерес представляет анализ процедуры отрешения Президента от должности. Из сопоставления процедур отстранения Президента от должности по прежней и нынешней редакциям Конституции выделим ряд существенных, на наш взгляд, моментов. Во-первых, значительно сужены мотивы начала процедуры: снято обвинение в нарушении Конституции, обвинение в совершении преступления ограничено его высшим проявлением – «тяжелым преступлением», а мотив «по состоянию здоровья» уточнен – «при стойкой неспособности по состоянию здоровья осуществлять обязанности Президента». Вопрос о смещении Президента, таким образом, невозможен без крайних форм его преступности или нездоровья. Причем определение «при стойкой неспособности» не поддается реальному нормированию, чтобы быть серьезным обвинением.

Во-вторых, в обоих случаях процедура имеет значительные обрывы, не позволяющие ее последовательно разворачивать. Так, в Конституции 1994 г. не было установлено, кто принимает решение о начале процедуры в парламенте, кто организует рассмотрение вопроса по существу, а также по мотиву состояния здоровья нет совершенно никаких указаний, кто имел право инициировать вопрос в парламенте, на каком основании, кто создает специальные комиссии для заключения о состоянии здоровья Президента и т. д. Краткая формулировка «досрочно освобожден от должности при невозможности исполнения им своих обязанностей по состоянию здоровья постановлением Верховного Совета, принятым большинством не менее 2/3 от избранных депутатов Верховного Совета» не давала ни малейшего представления о механизме запуска этой процедуры, т. е. практически делала ее невозможной. Но в случае сговора какой-то группы депутатов вполне могла получить развитие.

В новой редакции Конституции остается непонятной стартовая ситуация процедуры – на каком основании выдвигается обвинение Президенту. Формулировка «Решение о выдвижении обвинения и его расследовании в этом случае (в связи с совершением государственной измены или иного тяжкого преступления. – В. Б.) считается принятым, если за него проголосовало большинство от полного состава Палаты представителей по предложению не менее 1/3 ее депутатов» предполагает полнейший произвол в предъявлении обвинения. К тому же решения одной палаты парламента не могут быть обязательными для другой. В данном же случае решение Палаты представителей о начале расследования обвинения в адрес Президента должно рассматриваться Советом Республики. И далее, соответствующее решение Совета Республики является основанием для голосования по данному вопросу в Палате представителей. Значит, сама Палата представителей инициирует вопрос, а затем без собственного изучения его по существу на основании решения другой палаты принимает окончательное судьбоносное решение. Не заложена ли здесь большая вероятность грубейшей ошибки или сговора при решении столь важного вопроса, как отрешение от власти Главы государства?

В-третьих, прежняя редакция Конституции четко определяла, что с момента вынесения заключения Конституционного суда о нарушении Консти-

туции либо заключения специальной комиссии о совершении преступления Президент не может исполнять свои обязанности до вынесения Верховным Советом соответствующего решения. Новая редакция Конституции ничего не говорит по этому поводу, т. е. в период выдвижения и расследования обвинения Президент остается при исполнении своих обязанностей. Такое положение открывает ему, по сути, безграничные возможности для вмешательства в расследование его преступления, он также может воспользоваться правом неприкосновенности и скрыться, например, за границей. Совершенно очевидно, что процедура смещения Президента, установленная в новой редакции Конституции, требует серьезной доработки, точного нормирования всех ее элементов, обеспечения обоснованности и объективности принимаемого Национальным собранием решения по этому поводу, исключая любую возможность произвола или своеволия.

Можно заключить, что четвертый раздел новой редакции Конституции 1994 г. кардинально изменил положение Президента в системе власти в стране: он стал центром властных отношений, слабо контролируемым другими ветвями власти и жестко контролирующей их в свою очередь. Сам А.Г. Лукашенко так определил созданную систему власти: «Но в Беларуси – не диктатура. У нас есть элементы, я бы сказал так, какого-то авторитаризма, скажем так, с моей стороны. Я это вижу»⁶. Политическая наука определяет подобную форму государственного правления как суперпрезидентскую республику.

¹ Известия. 1995. 28 нояб.

² Белорусская деловая газета. 1996. 6 июля.

³ 168 часов Минска. 1–7 августа 1999 г. С. 23.

⁴ Василевич Г. А. Проблемы реализации новой Конституции Республики Беларусь // Вестник Межпарламентской ассамблеи. СПб., 1995. № 1. С. 46.

⁵ Указ Президента Республики Беларусь № 254 «Об утверждении Положения о порядке подготовки проектов правовых актов Национальным центром законодательной деятельности при Президенте Республики Беларусь» // Зборнік дэкрэтаў, указаў Прэзідэнта і пастановаў Урада Рэспублікі Беларусь. 1998. № 10. Крас.

⁶ 168 часов Минска. 1–7 августа 1999 г. С. 24.

Божанов Владимир Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В.В. ПОДКОПАЕВ

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ

Современные исследователи вне зависимости от идеологических предпочтений сходятся во мнении, что власть в государстве с любым политическим режимом осуществляется определенной группой людей (элитой), четко отграниченной от остальной части населения. Элита жестко структурирована и способна оказывать определяющее влияние практически на каждую из сфер жизнедеятельности социума. В данном аспекте представляет интерес воздействие правящих кругов на глубинные социальные конструкции, особая роль среди которых принадлежит идентичности.

Вначале необходимо уточнить, что мы подразумеваем под понятием «идентичность». *Идентичность – это совокупность устойчивых черт, позволяющая той или иной группе (этнической или социальной) отличать себя от других.* Можно выделить ее различные типы – национальная, классовая, профессиональная и т. д., при этом каждый из них является результатом синтеза всех условий и факторов развития определенной общности. Таким образом, идентичность является неотъемлемой составляющей культурной среды, внутри которой функционируют те или иные социальные группы. На процесс формирования определенных особенностей оказывают влияние экономические, политические, географические, демографические условия, устанавливающиеся как вне зависимости

от человеческой активности, так и в результате последней. Ряд ученых придерживаются особой трактовки создания культурного пространства в результате направленной социальной деятельности.

С точки зрения основателей теории элит Вильфредо Парето и Гаэтано Моска, именно наделенный властью слой является движущей силой социально-политических процессов в государстве. Политическая история есть история борьбы элит, история государства детерминирована правящими структурами. Как пишет Парето, «элита – это избранная часть общества, остальные граждане лишь приспосабливаются к полученным от нее стимулам»¹. Таким образом, от видения и оценки правящими субъектами разного рода ценностей зависит формирование культурного пространства, характер национальной идентичности на государственном уровне, находящейся в тесной взаимосвязи с категориями «гражданское самосознание», «государство-нация», «гражданский патриотизм». Как следствие, от элит зависят особенности и более узких (в рамках государства) типов идентичности – классового, профессионального, партийного и т. п. В случае резких изменений в мировоззрении властного слоя процесс формирования идентичности в значительной степени затруднен. Образованию комплекса определенных характерных черт препятствует также относительно частая смена элит, так как для формирования и закрепления того или иного типа идентичности требуется немалый временной интервал.

В устоявшихся системах идентичность представлена в качестве одного из наиболее значимых регуляторов политических процессов. Предполагается, что представители элиты должны обладать рядом качеств, которые в конкретный период чрезвычайно ценны в той общности, в которой они функционируют. Поэтому наиболее безболезненным для общества видится приход элит, соответствующих системе сложившихся на конкретный период социально-политических установок. Иными словами, в процессе достижения власти деятельность элиты во многом обусловлена сложившейся социальной идентичностью. Последняя выступает в качестве ориентира, указывающего на надежные точки опоры, воспользовавшись которыми можно добиться широкой общественной поддержки. Тем не менее воздействие идентичности на элитные круги и воздействие последних на идентичность, по мнению апологетов теории элит, – процессы неравнозначные, причем безусловное преимущество на стороне властного слоя. Здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых постулатов классической теории элит, согласно которому любая социальная группа после завоевания власти стремится сохранить свое господство как можно дольше. По Моска, элита оправдывает свою власть посредством «политической формулы», включающей совокупность средств и методов, с помощью которых элита оформляет свои руководящие функции и вынуждает большинство соглашаться с данным положением, используя не только аппарат принуждения, но и манипуляции с целью воздействия на сознание и поведение большинства². Исходя из вышеизложенного, с учетом элитистской трактовки исторического процесса идентичность представляется результатом постоянного воздействия правящих кругов на жизнедеятельность общества и массовое сознание.

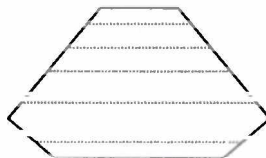
Развитие классической традиции исследования элит осуществляется в рамках двух основных концептуальных моделей – *элитистской* и *плюралистической*. Их основное различие состоит в видении характера внутренней организации правящего слоя. Ученые-элитисты утверждают, что в любом государстве власть находится в руках сплоченной автономной элитной страты, ученые-плюралисты считают, что единой элиты не существует, а власть осуществляется в результате непрекращающейся конкуренции влиятельных группировок.

С нашей точки зрения, при использовании **элитистской модели** можно выделить особый вид идентичности – *элитную* и, кроме того, осуществить

¹ Здесь и далее перевод автора. – В. П.

ее стратификацию. Рассмотрим модель (рисунок) представительной демократии американского политолога-элитиста Роберта Патнэма, подразделившего социум на шесть страт в соответствии с критерием обладания властью (понимаемой как влияние на принятие решений, обуславливающее результаты государственной политики):

Непосредственно принимают решения
Влияют на решения
Активисты
Интересующиеся
Голосующие
Не участвующие

Модель политической стратификации общества

На вершине фигуры находятся индивиды, прямо вовлеченные в осуществление национальной политики, *непосредственные участники*. Ниже расположена группа индивидов, сове-

тами которых пользуются личности, принимающие решения, чьи интересы и мнения они учитывают или чьих санкций опасаются. В указанную страту могут входить чиновники государственного уровня, крупные промышленники, финансисты, высокие военные чины, лидеры массовых общественных объединений и т. д. Третий слой, намного больший по численности, объединяет граждан, которые принимают некоторое участие в реализации власти, — члены партий, бюрократы среднего звена, руководители местных СМИ и др. Следующая группа объединяет людей, для которых политика и власть сродни спортивным зрелищам: они узнают многих ведущих политических игроков, могут обсуждать их роль и стратегию, но практически не выходят на поле политической активности. Далее в системе Р. Патнэма следуют массы обычных граждан, которые воздействуют на национальную политику только путем участия в выборах. И наконец, на нижней позиции находятся люди, которые иногда по собственному выбору, а иногда в результате государственной политики являются объектами, а не действующими фигурами.

Каждая из выделенных Р. Патнэмом страт обладает определенной идентичностью и соответственно имеет свои особые черты. Очевидно, что для определения страт, обладающих элитной идентичностью, нужно выяснить, какие из них относятся к правящему слою общества. С точки зрения закрепившейся элитистской традиции, бесспорно, властью наделены две верхние страты — именно они представляют собой сплоченную группу людей, которые вершат все важнейшие дела государства и общества. Причем представители властвующего слоя не просто *обладают* элитной идентичностью — они *должны* иметь общие устойчивые характеристики и интересы с целью сохранения собственной власти.

Идентичность является важным объединяющим началом, без которого невозможно было бы достичь одного из жизненно необходимых условий функционирования элиты — единства ее членов. Более того, складывание собственной идентичности необходимо для существования любого социального слоя, правящего или нет. Интересы слоя без идентичности не принимаются во внимание в процессе реализации государственной политики, не учитываются общественным мнением и системами принятия решений. Как отмечает российский исследователь А. Панарин, в недалеком прошлом России мещанство оказалось практически вычеркнутым из социальной модели в связи с тем, что в стране не нашлось представителей элиты, которые повлияли бы на складывание идентичности достаточно многочисленного слоя мещан⁴.

В России XIX — начала XX в. мещане не имели возможности действовать в соответствии со стратегией формирования собственной, альтернативной элиты. Поведение такого рода возможно лишь в условиях демократии, причем оно соответствует положениям *плюралистического* подхода к изучению элит. По мнению сторонников данного подхода (Р. Даля, Г. Лассуэлла, Й. Шумпетера), ресурсы власти, а именно деньги, политические должности, престиж, доступ к СМИ и другие, распространены в обществе настолько широко, что однородной элиты с монопольной властью в государстве сформирова-

роваться не может. Р. Даль определял плюрализм как «вид режима управления государством, при котором власть и руководство общественными делами распределены среди множества организаций и ассоциаций, которые являются автономными друг относительно друга, а во многих случаях – и относительно правительственных структур»⁵. Плюралисты не утверждают, что все социально значимые ресурсы распределены поровну. Они считают, что ресурсы в *достаточной мере* раздроблены между влиятельными группами, поэтому осуществление власти в обществе является результатом комплексного политического торга, бесчисленных компромиссов и постоянно изменяющихся альянсов⁶.

Итак, с точки зрения теоретиков-плюралистов, в обществе господствует не один, а множество конкурирующих властных пластов, что приводит к постановке проблемы существования единой элитной идентичности. В широком смысле единая элитная идентичность имеет место, что подтверждается согласованностью позиций по данному вопросу и плюралистов, и элитистов. Основное же различие между двумя концептуальными моделями заключается в способе складывания подтипов элитной идентичности. Используя элитистский подход, мы осуществляем *горизонтальное* деление общества на страты, имеющие соответственно особенные группы общих черт. Идентичность страты, входящей в элиту, является в данной модели подтипом элитной.

Плюралистическая модель, постулируя существование многих элитных групп, предусматривает, таким образом, наличие множества элитных типов идентичности, соответствующих каждому влиятельному социальному образованию. При этом конкуренция властвующих групп предполагает борьбу между ними за последователей и сторонников, что влечет за собой стремление каждой из них отреагировать на потребности своих приверженцев. Данное явление, по мнению плюралистов, обеспечивает представительство интересов почти всех граждан, стремящихся активно влиять на социально-политические процессы на любом уровне. Поэтому в контексте рассматриваемой проблематики есть основания говорить о *вертикальном* делении элитной идентичности в плюралистической картине социума. Несмотря на концептуальное различие двух моделей, обе они базируются на классической традиции и имеют сходное видение источников власти правящих кругов – это количество имеющихся в наличии значимых в конкретном обществе ресурсов. Таким образом, краеугольным камнем элитной идентичности в рамках как элитистской, так и плюралистической концепций видится осознание себя принадлежащим к слою «обладателей» со всеми вытекающими последствиями.

В связи с трудностью проведения эмпирических исследований в данной области в последние десятилетия все большее распространение приобретает *инструментально-функциональный подход*. Его сторонники делают акцент на статусе и функциях личности в социальных процессах, а также на степени влияния при принятии решений⁷. В рамках данной концепции элита представляет собой круг людей, которые, занимая значимые должности в государственных и частных организациях (в правительственных структурах, экономическом секторе, в партиях, профсоюзах, в военной администрации, религиозных организациях, в системе образования, культуры, СМИ и т. д.), обладают достаточным влиянием в процессе принятия государственных решений. Таким образом, выделяются политическая, экономическая, культурная, СМИ и другие элиты. Политическую элиту, к примеру, составляют высшие и средние эшелоны исполнительной власти, парламентский корпус, руководители влиятельных политических партий и общественных движений, экономическую – собственники и руководители крупных предприятий, банкиры и т. д.

На наш взгляд, инструментально-функциональный подход имеет определенные преимущества при исследовании воздействия элит на идентичность. Используя типологизацию секторов властного слоя в соответствии с их кон-

кретной сферой воздействия на общество, можно выделить группы, оказывающие наиболее значимое влияние на процесс формирования характерных черт определенной общности, – так называемую культурную (включающую деятелей науки, образования и искусства) и политическую элиты. Одной из важнейших задач культурной элиты является легитимация жизненных устоев социальной группы – слоя, класса, всего общества. В данном контексте преимущественное положение занимает та группа (в плюралистическом подходе та элита), которой удалось убедить широкие слои населения в том, что ее интересы соответствуют взглядам большинства граждан. В широком понимании культурная элита общества обладает общенациональным влиянием, направленным на поддержание целостности общественного сознания, сохранение исторического наследия, приобщение к сложившимся ценностям новых поколений, вследствие чего ее функционирование не может не пересекаться с деятельностью политических структур.

Политическая элита имеет возможность оказывать влияние на условия реализации культурной элитой своих функций. А. Панарин считает: «...если культурные элиты пользуются достаточной творческой свободой и приобщены к богатой культурной традиции, то они будут производить подлинные идеи – те, что принимаются всерьез и воодушевляют людей. <...> ... если правящая элита желает иметь послушную интеллигенцию, работающую лишь в угоду властям, социокультурное поле общества заполняется избыточной информацией (элита говорит банальности) либо дезинформацией (элита лжет нации), что рано или поздно приводит общество к социокультурному кризису»⁸. Отсюда можно сделать вывод, что давление на культурную элиту со стороны политической рано или поздно вызывает раскол населения на противоборствующие стороны в соответствии со статусом индивидов в культурной системе, а следовательно, и дробление идентичности.

Социально-энергетическое поле любого общества в немалой степени определяется суммарной личностной направленностью его субъектов. В Республике Беларусь, где социальная, политическая и экономическая системы находятся в процессе трансформации, роль элит вообще и их влияние на формирование идентичности в частности приобретает большую значимость. Вместе с тем укоренение определенной идентичности в переходных системах замедляется рядом объективных факторов, среди которых первостепенное значение имеет отсутствие единой концепции общественного развития властных субъектов. Еще одним препятствием выступает временной фактор: начальный этап формирования идентичности обычно протекает в условиях ухудшения ситуации во многих сферах, вызванного переходным периодом. В этой связи для белорусских политиков разработки политологов, исследующих правящие структуры в рамках каждого из проанализированных выше подходов, представляют немалый интерес. Использование достижений в сфере изучения элит может послужить концептуальной основой для создания рациональной модели разрешения важнейших государственных проблем, требующей учета многих влиятельных факторов, важное место среди которых занимает формирование белорусской идентичности.

¹ Pareto V. The Rise and Fall of Elites: An Application of the Theoretical Sociology. New York, 1968. С. 248.

² См.: Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 8. С. 187–188.

³ См. Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ. 1976. С. 62–70.

⁴ См.: Панарин А. Языки элит и цивилизационные сдвиги в Евразии // Вестник МГУ. Сер. 18. 1995. № 1. С. 64.

⁵ Dahl R. Democracy, Liberty and Equality. Oslo, 1986. С. 14.

⁶ См.: Тарусина И. Г. Элитисты и плюралисты в современной политической теории // Полис. 1997. № 4. С. 151.

⁷ См.: Титов В. Н. Политическая элита и проблемы политики // Социс. 1998. № 7. С. 109.

⁸ Там же. С. 69.

Подкопаев Владимир Викторович – аспирант кафедры политологии и социологии РИВШ БГУ. Научный руководитель – доктор политических наук, профессор С. В. Решетников.

Н.В. КУРИЛОВИЧ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В настоящее время все больше отечественных ученых вовлекается в орбиту гендерных исследований. В области социологии эти исследования сформировали новое плодотворное направление, получившее название *гендерной социологии*.

Актуальным направлением гендерных исследований в современной Беларуси является гендерный анализ средств массовой информации (СМИ). Отражая и создавая определенные стереотипы (стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское»), масс-медиа непосредственно влияют на гендерную дифференциацию, представляющую собой значимый социальный фактор, который выступает как весомая детерминанта жизненного пути личности.

Комплексность и гетерогенность СМИ являются объективной причиной для своеобразного методологического «сбоя». К тому же сложность предмета изучения всегда затрудняет поиски соответствующих ему методов исследования. Все это предопределяет актуальность выработки универсальной методологии, которая бы позволила адекватно провести гендерный анализ СМИ. Полагаем, что такой универсальной методологией выступает гендерный подход в социологии.

Существуют, на наш взгляд, два достаточно явно выраженных представления о методологии гендерных исследований. Во-первых, предполагается, что гендерный подход представляет собой в значительной мере основанную на интуиции работу с материалом, а не набор четких методик, ведущий к надежным результатам. Во-вторых, считается, что в гендерных исследованиях наиболее адекватными являются методы качественного социологического анализа. Названные выше утверждения являются теми смысловыми пунктами, вокруг которых формируется методологическое поле гендерного анализа СМИ.

Первое утверждение связано с общими проблемами методологии социологического изучения СМИ, которые заключаются в разнородности социологического ландшафта: на одном его полюсе представлена позитивистская парадигма, а на другом – интерпретативная.

Трудно представить себе гендерные исследования в русле позитивистской парадигмы, поскольку позитивизм изначально имеет четко выраженный гендерный характер, основанный на присущей ему тенденции к разделению мира на фундаментальные дихотомии (культура против природы, субъект против объекта и т. п.), одна из которых – маскулинность против феминности. Поэтому гендерный подход наиболее адекватен в рамках ин-

терпретативной парадигмы, являющейся базой качественной методологии. Отсюда вытекает и второе утверждение, согласно которому в контексте гендерных исследований СМИ широкое применение получили методы качественного социологического анализа.

Проблема выбора методов исследования является одной из наиболее важных проблем гендерной социологии. С методологической точки зрения важно понимать, что эта проблема напрямую связана с выделением основных направлений гендерного анализа СМИ, поскольку в рамках каждого из этих направлений существует своя группа наиболее адекватных методов.

Мы выделяем три основных направления гендерного анализа масс-медиа: изучение коммуникатора, изучение аудитории, изучение текстов СМИ.

Первое направление реализуется в гендерных исследованиях, изучающих участие мужчин и женщин в регулировании СМИ, что представляет собой институциональный уровень гендерного анализа СМИ. Речь идет о положении представителей обоих полов в организационных структурах масс-медиа. В данном случае социолог, как правило, прибегает к статистике, позволяющей определить количество женщин и мужчин в составе органов, регулирующих деятельность СМИ.

Изучения коммуникатора – это не только статистический анализ трудовых ресурсов по признаку пола. В зависимости от целей, стоящих перед социологом, в рамках такого рода гендерных исследований СМИ могут выясняться, например, особенности «мужского» и «женского» стиля в журналистике, различия «женского» и «мужского» пути в журналистику и т. д. Решение этих задач требует от исследователя привлечения качественных методов (например, биографическое интервью, включенное наблюдение).

В рамках гендерных исследований аудитории применяются обычно опросные методы. Как правило, это нестандартизированное интервью по месту жительства респондента.

Гендерный анализ текстов СМИ представлен тремя тесно взаимосвязанными видами исследований – изучением репрезентации мужчин и женщин в СМИ, образов мужчин и женщин, процесса конструирования феминности и маскулинности средствами массовой информации.

Вышеназванные типы исследований представляют репрезентативный уровень гендерного анализа СМИ, который обычно подразумевает несколько этапов в проведении соответствующего исследования. На первом этапе осуществляется буквальный подсчет женщин и мужчин, например, в телевизионных программах. На втором – определяются роли женщин и мужчин при их появлении в программах. На третьем – осуществляется анализ, состоящий в соотношении обнаруженных и выделенных ролей с множеством ситуаций и моделей поведения женщин и мужчин в их повседневной жизни. На основе полученных результатов делается заключение о качестве гендерной репрезентации в СМИ. При этом наиболее адекватными становятся методы качественного анализа текстов СМИ (например, дискурс-анализ, социально-ролевой анализ или риторический анализ).

На наш взгляд, в рамках гендерных исследований СМИ вполне приемлемы как количественные, так и качественные методы. Именно цели и задачи гендерного исследования, а также его предмет обуславливают выбор определенного метода, который может быть как количественным, так и качественным.

В то же время утверждение западных специалистов (например, Cook, Eichler, Fonow, Harvey, Reinharz, Zoonen и др.), согласно которому методы качественного анализа наиболее адекватны в контексте гендерных исследований, не лишено логики. Количественные методы, разработанные в рамках позитивистской парадигмы, часто не отвечают ряду требований, вытекающих из теоретико-методологических основ гендерных исследований.

Указанные требования могут быть артикулированы как проблемы сексизма в социологии. Во-первых, гендерная нечувствительность, которая имеет место, когда гендер как фактор всецело игнорируется. Например, частным случаем гендерной нечувствительности выступает фамилизм (от англ. family – семья), который представляет собой ссылку на рассмотрение гендерной проблематики как исключительно семейной. Во-вторых, проблема так называемых «двойных стандартов», проявляющаяся в методологических практиках «полового предназначения» и «полового дихотомизма». В первом случае изначально подразумевается наличие определенных ролей, соответствующих и подходящих отдельному гендеру. Во втором случае речь идет о практике понимания гендеров как отчетливо различающихся, при этом во внимание не принимаются взаимоотношения и взаимозависимости, которые существуют между ними. Тем самым игнорируется тот факт, что гендер является глубоко контекстуальной переменной.

Методов, используемых в гендерных исследованиях СМИ, достаточно много, и они разнообразны. При этом классификация методов на качественные и количественные не является единственно возможной. Эти методы могут быть также подразделены на следующие два типа: 1) традиционные для социологии методы: опрос, наблюдение, эксперимент, анализ документов (мы имеем в виду и качественные, и количественные их варианты); 2) так называемые инновативные, или новые для социологии методы, которые были предложены относительно недавно специалистами по гендерной проблематике из разных областей знания – этнометодологии, этнографии, истории, философии, лингвистики.

К числу последних относятся, в частности, следующие методы: групповые дневники, драматическая ролевая игра, изучение незапланированного персонального опыта (например, болезнь, операция и т. п.), семиотико-структурный анализ, ассоциативное письмо, социально-ролевой анализ, риторический анализ и др. Следовательно, в гендерных исследованиях используется набор методов, большинство из которых применяются и позитивистами, и интерпретативистами, хотя их применение, конечно же, различно. Поэтому неправомерно утверждать, что количественные методы абсолютно неприемлемы в гендерных исследованиях масс-медиа. Таким образом, для гендерных исследований СМИ характерен методологический, методический и предметный плюрализм.

Курилович Наталья Вячеславовна – аспирант кафедры социологии БГУ. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.Н. Елсуков.

Е.М. ВОРОБЬЕВА, А.В. ВОРОБЬЕВ

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Сравнительная экономика (компаративистика) как направление экономического анализа появилась относительно недавно – после Второй мировой войны – и связана с именами таких всемирно известных ученых, как П. Самуэльсон, К. Ландауэр, З. Ойкен, К. Поланьи и др.

Целью сравнительного анализа является выявление и исследование специфических характеристик различных экономических систем для определения различий в использовании ресурсов, эффективности экономики. Для обеспечения сопоставимости систем необходимо разработать категории анализа, применимые к различным экономикам, что также входит в задачи компаративистики.

С нашей точки зрения, в компаративистике существуют три основных направления сравнительного анализа функционирующих экономических систем:

в различные исторические эпохи (вертикальный сравнительный анализ); в одну и ту же историческую эпоху (горизонтальный анализ); переходных и смешанных систем, например, в условиях смены в ряде стран типа экономической системы (трансформационный сравнительный анализ).

1. Сравнение экономических систем, функционирующих в различные исторические эпохи

Начало вертикального сравнительного анализа доиндустриальной и индустриальной экономики заложили К. Маркс и Ф. Энгельс, результаты исследований которых хорошо известны всем еще по вузовским программам. После них наиболее глубоко эти вопросы исследовал У. Ростоу, который и получил известность как создатель теории стадий экономического роста в свое время активно противопоставляемой марксистской теории¹.

В данной статье мы хотели бы уделить внимание характеристике взглядов К. Поланьи – основоположника альтернативного традиционной антропологии направления, которое получило название субстантивизм.

Поланьи считает, что капиталистическая экономика и примитивные (архаические) общества кардинально отличаются друг от друга не просто существованием качественно иных экономических отношений, а также и тем, что экономика в примитивных обществах занимает совершенно иное место, иное положение, чем в капиталистическом. Если при капитализме она образует особую сферу, противостоящую остальному обществу, то в примитивных и архаических системах "погружена", "встроена" в само общество².

Таким образом, между примитивными или архаическими экономиками, с одной стороны, и капиталистической – с другой, существует глубокое каче-

¹ К. Поланьи (1886–1964) – американский экономист, антрополог, историк. Основной постулат его теории – рассмотрение экономики в контексте всей совокупности культурных традиций и социальных отношений данного общества.

ственное отличие – в примитивных обществах рынок либо вообще не существует, либо играет несущественную роль. Следовательно, формальная экономика, являясь теорией капиталистического саморегулируемого рынка со свободно устанавливаемыми ценами, недостаточна для анализа примитивных и архаических экономик. Поэтому необходимо создать специальную теорию примитивной экономики, базирующуюся совершенно на иных принципах.

Поланьи исходил из того, что любая экономика требует единства и стабильности, взаимозависимости и возмещения ее частей. На практике это достигается с помощью небольшого количества моделей, называемых "формами интеграции". Одна из них – *рыночный обмен* – характерна для капитализма, две другие – *реципрокность (взаимность)* и *редистрибуция (перераспределение)* – для примитивных и архаических обществ.

Под *реципрокностью (взаимностью)* понимается *взаимный обмен дарами, вытекающий из обязательств, существующих между родственниками и друзьями*. Под *редистрибуцией (перераспределением)* понимается *переход части продукции, произведенной в обществе, в распоряжение центра (главаря, вождя и т. д.) с последующим ее распределением либо среди нуждающихся членов общества, либо среди элиты с использованием ее для различного рода общественных нужд и т. п.*

Эту схему Поланьи предлагает для анализа любого общества. По сути дела, до Поланьи, как уже отмечалось, только К. Маркс и Ф. Энгельс занимались проблемой социально-экономического строя докапиталистических обществ. Поланьи воспринял многие марксистские идеи, но критиковал его за экономический детерминизм применительно к докапиталистическим обществам.

Создавая свою концепцию, Поланьи исходил из того, что во всех экономиках независимо от масштаба и уровня их развития существуют сходные черты.

Во-первых, любая экономика состоит из людей, объединенных схожими социальными и культурными чертами, которые выражаются в наличии некоего сообщества или общей социальной жизни.

Вторая черта, общая в различных экономиках, заключается в использовании природных ресурсов, осуществлении сотрудничества между людьми (разделение труда) и применении технологий.

Третье сходство заключается в появлении внешне схожих механизмов и практических приемов в экономиках с различной организацией.

Таким образом, все известные общества имеют *структурные механизмы*, обеспечивающие материальные средства для жизни личности и общества в целом, которые называются *субстантивистами экономической системой*.

Вторая половина XX в. ознаменована переходом экономически развитых стран к постиндустриальному обществу. Сравнительному анализу существующего индустриального общества и будущего постиндустриального посвятили свои исследования такие ученые, как Г. Маркузе, А. Турен, Р. Арон, Д. Белл, П. Дракер, О. Тоффлер, В. Иноземцев³.

Так, например, Д. Белл осуществляет сравнительный анализ доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, используя следующие критерии (табл. 1).

2. Сравнение экономических систем, функционирующих в одну и ту же историческую эпоху

Чаще всего в современной экономической литературе производится сравнение рыночной (капиталистической) и командно-административной (социалистической, коммунистической) экономик. Сравнение этих систем можно провести, опираясь на фундаментальные вопросы экономики: "Что производить и в каком количестве?", "Как производить?" и "Для кого производить?". В командно-административной системе ответы на вопросы "что, как, для кого" дает государство и, исходя из имеющихся ресурсов, ранжирует основные потребности общества.

Таблица 1

Постиндустриальное общество: сравнительная схема⁴

Тип производства	Доиндустриальное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
	Добывающий	Производящий	Обрабатывающий
Экономический сектор	Первичный: сельское хозяйство, лесная, рыбная промышленность	Вторичный: производство промышленных товаров	Третичный: транспорт Четверичный: торговля, финансы, связь Пятеричный: охрана здоровья, образование, наука, рекреация
Передающие ресурсы	Природные силы: ветер, вода, дикие животные, человеческие мускулы	Созданная энергия: электроэнергия, нефть, газ, ядерная энергия	Информация: компьютерные передающие системы
Стратегический ресурс	Сырье	Финансовый капитал	Знания
Технология	Ремесло	Машинная технология	Интеллектуальная технология
Квалификационная база	Ремесленники, крестьяне, неквалифицированные работники	Инженеры, квалифицированные работники	Ученые, высокообразованные профессионалы
Методология	Здравый смысл, метод проб и ошибок	Эмпиризм, эксперимент	Абстрактная теория, системный анализ
Временная перспектива	Ориентация на прошлое	Ориентация на быстрое использование, эксперимент	Ориентация на будущее
Социальная конструкция	Игра против природы	Игра против созданного будущего	Игра между людьми
Главный принцип	Традиционализм	Экономический рост	Кодифицированное теоретическое знание

Как любая экономическая система, командно-административная система имеет свои преимущества: способность государства сосредоточить все ресурсы в едином центре и направить их на приоритетные для общества цели; предоставление важнейших жизненных благ либо бесплатно, через общественные фонды потребления, либо по относительно низким ценам; социальное равенство, социальная справедливость, уверенность в завтрашнем дне; отсутствие открытой безработицы и открытой инфляции; попытки предоставить равные стартовые возможности подрастающему поколению в развитии своих способностей.

К недостаткам командно-административной системы можно отнести следующее:

- неэффективное использование ресурсов;
- низкое качество продукции;
- игнорирование научно-технического прогресса;
- затратный метод ценообразования;
- остаточный принцип финансирования социальной сферы;
- несоответствие плановых показателей реальным потребностям населения;

- отсутствие мотивации к труду;
- крайне низкую продуктивность, когда прирост вовлекаемых в народное хозяйство ресурсов превышает прирост национального дохода. Практически это означает возможности ее развития только на экстенсивной основе;

негибкость системы: любая экономическая система находится в динамике и должна приспосабливаться к изменяющимся условиям (появление новых технологий, экологические проблемы, рост потребностей, демографические сдвиги и т. д. Командно-административная система практически лишена таких адаптационных механизмов.

В рыночной системе что производить, как и для кого решает рынок.

К преимуществам (достоинствам) рыночной системы относятся: эффективное использование ресурсов; постоянное стремление производителя к

снижению издержек производства, повышению качества продукции, использованию достижений научно-технического прогресса; сильная мотивация к труду; экономическая справедливость.

Недостатками рыночной экономической системы являются следующие: резкая дифференциация населения по доходам; постоянно повторяющиеся экономические кризисы перепроизводства; безработица и инфляция; монополизация экономики, постепенное затухание конкуренции; предоставление важнейших жизненных благ только части членов общества (услуги образования и др.); экологические проблемы, решение которых с помощью рыночных механизмов невозможно.

Итак, в результате сравнительного анализа командно-административной и рыночной систем можно сделать вывод о том, что командная экономика обладает достаточно высокой степенью социальной эффективности и обеспечивает достаточное равенство, однако низкая экономическая эффективность делает ее нежизнеспособной. Рыночная экономика обеспечивает эффективное использование ресурсов, гарантирует экономическую справедливость, однако обладает низкой социальной эффективностью. В силу этого в процессе развития как командная, так и рыночная экономические системы трансформируются: первая – в различные переходные системы, вторая – в системы смешанные. Поэтому возникает необходимость в третьем направлении анализа.

3. Сравнение смешанных и переходных экономических систем

На определенном этапе развития рыночной экономики государство вмешивается в экономический процесс с целью устранения недостатков рынка.

Степень государственного вмешательства в странах с правовой демократией и мощным средним классом может быть достаточно гибкой. Назревшие социальные проблемы, порождаемые рынком, неизбежно ведут к нарушению социальной стабильности и грозят перейти в социальный взрыв. Ощущая опасность социального взрыва, средний класс через свободные демократические выборы приводит к власти партию социальной ориентации (лейбористы в Англии, социал-демократы в ФРГ и т. д.). Государство увеличивает занятость за счет создания новых рабочих мест, национализирует ряд отраслей и предприятий, строит дешевое жилье, предоставляет дотации на продукты питания, расширяет выплату социальных пособий и т. п. Увеличение расходов государства требует и роста его доходов, что достигается через увеличение налогов на прибыль предпринимателей. В результате решение социальных проблем создает и проблемы в экономике: у предпринимателей снижаются производительность труда, экономические стимулы к развитию производства, неэффективно используются ресурсы. Если названные явления сказываются на благосостоянии основной массы населения, то следующие выборы приводят к власти партию либеральной ориентации (консерваторы в Англии, республиканцы в США). Они проводят реприватизацию, сокращают социальные пособия и налоги, что приводит к проявлению недостатков, присущих рыночной экономике. Очередные выборы приводят к власти партию социальной ориентации. Такой гибкий курс политического руководства позволяет как обеспечить высокую экономическую эффективность рыночного механизма, так и сохранить социальную стабильность.

В каждой стране существуют свои национальные модели смешанной экономики, так как страны различаются своим менталитетом, культурой, уровнем экономического развития и пр. Сравнительная экономика анализирует их, выявляя достоинства и недостатки. Наиболее известны американская, японская, шведская, немецкая модели.

В государствах, которые были основаны на командно-административной системе, формируются так называемые переходные экономики.

Задачей компаративистики является анализ преобразований, типологизация основных сценариев трансформации.

Для бывших социалистических стран значение перехода к другим формам хозяйствования состоит не только в устранении плановой системы и росте рыночных отношений, но и в способности продвинуться по пути глобального перехода – не только к постиндустриальному, но и к постэкономическому, пострыночному обществу. Поэтому необходимо отметить, что быстрая и глубина либерализации для любой постсоциалистической страны не всегда означает экономический успех.

Распределение стран в соответствии с выбранной стратегией показано в табл. 2.

Таблица 2

Распределение стран в соответствии с выбранной стратегией и результатами рыночной трансформации⁵

	Либеральная стратегия	Нелиберальная стратегия
Высокие темпы развития, кризис отсутствовал		Китай, Вьетнам
Кризис, после выхода из него переход к стабильному росту	Венгрия, Польша, Словения, Хорватия, Эстония	Республика Беларусь
Глубокий кризис, после выхода из него переход к стабильному росту	Армения, Грузия, Литва	
Кризис, после выхода из него неустойчивый рост или его отсутствие (спад)	Болгария, Румыния	Узбекистан, Туркменистан
Неустойчивый рост или его отсутствие в условиях выхода из длительного и глубокого кризиса	Казахстан, Киргизия, Латвия, Македония, Молдавия, Россия, Украина	Азербайджан, Таджикистан

Из табл. 2 видно, что существуют группы стран, которые не пошли по пути радикальных реформ, но получили устойчивые положительные результаты. С другой стороны, существуют государства, пошедшие по пути реформ и находящиеся в глубоком кризисе.

Одним из важнейших факторов, обуславливающих успешность реформ, является стартовое экономическое состояние страны. Прежде всего, экономические факторы: структура производства, степень монополизма, уровень сбалансированности экономики, мера развития планового и рыночного начала и степень либерализации экономики, удельный вес негосударственного сектора, уровень сбалансированности потребительского рынка. Существуют также и другие факторы, например внешнеэкономические (помощь со стороны развитых стран, удельный вес внешней торговли, влияние мировых цен на внутреннее ценообразование), социально-культурные, социально-психологические, политические.

Постсоциалистические страны можно также сравнивать по динамике ВВП, динамике инфляции и другим показателям. Итак, в данной статье были рассмотрены три основных направления сравнительного анализа экономических систем, которые могут служить основой для дальнейших исследований в данной области.

¹ Rostow Y. The stages of economic growth. Cambridge, 1971.

² Глух Н. А. Сравнительная экономика К. Поляни // Вестник МГУ. Сер. 6: Экономика. 1997. № 3. С. 22.

³ См., например: Bell D. The coming of post industrial society // A venture in social forecasting. New York, 1976; Touraine A. The postindustrial society. London, 1974; Drucker P. Managing to the future: The 1990 society and beyond. New York, 1992; Иноземцев В. За пределами экономического общества. М., 1998.

⁴ См.: The social Framework of the Informational Society // The Computer Age: A Twenty-Year View. London, 1981.

⁵ См.: Бузгалин А., Колганов А. Либерализация versus модернизация // Вопросы экономики. 1997. № 8.

Воробьева Елена Михайловна – кандидат экономических наук, доцент БГУ.

Воробьев Александр Владимирович – кандидат экономических наук, доцент БГУ.

вает прагматику финансовых будней и потенциал современной экономической науки.

Во-вторых, анализ корпоративного управления существенно обогатился благодаря развитию контрактных экономических теорий фирмы. Согласно традиционной неоклассической теории фирмы нет никаких различий между менеджерами, кредиторами, собственниками компании, и предприятие рассматривается как однородная производственная единица, которая максимизирует свою стоимость посредством генерирования дисконтированной стоимости ожидаемых денежных потоков. Предполагается, что никаких проблем, связанных с корпоративным контролем, не существует. Любое внешнее финансирование, будь то банковский кредит, увеличение капитала за счет выпуска акций или продажа долговых обязательств, рассматривается лишь как один из вводимых факторов производства (input), не оказывающий никакого воздействия на объективную функцию предприятия³.

Однако реально деятельность крупной корпорации невозможно объяснить с помощью обычной производственной функции. Уже в 1930-е гг. многие экономисты стали осознавать тот факт, что компании могут быть «чувствительны» к структуре контроля и способу внешнего финансирования, что стало толчком к многочисленным исследованиям в области корпоративных финансов⁴.

Во втором направлении особенно следует выделить теорию агентских отношений (agency theory), суть которой в том, что, хотя агент (наемный менеджер) и должен действовать в интересах принципала, доверителя (т. е. акционеров), он нередко, пользуясь преимуществом в доступе к экономической информации, начинает преследовать собственную выгоду. Данная теория, ассоциируемая прежде всего с трудами М. Дженсена, У. Меклинга, Ю. Фамы, является прямым развитием идей А. Берли и Г. Минза. Изучение собственности и контроля в корпорациях через призму агентских отношений позволило прояснить структуру, механизм функционирования советов директоров, а также многие новые явления на рынке прав корпоративного контроля и потому представляет собой наиболее популярный среди современных экономистов метод исследования вопроса.

Третье направление связано со сравнительным институциональным анализом национальных моделей корпоративного управления. Традиционная компаративистика, зародившаяся в 1930-е гг. и строившаяся в эпоху холодной войны на противопоставлении капитализма и социализма (в его «рыночном»), жестко централизованном и промежуточном вариантах), с конца 1980-х гг. оказалась в понятном кризисе. Несколько позднее возник спрос на знания о причинах конкурентоспособности японских фирм, приведший к бурному развитию сопоставительного изучения менеджмента в передовых компаниях США, Западной Европы и Японии. Однако недостаточность как знаний лишь на уровне отдельных фирм, так и стандартной, лишенной национального многоцветия трактовки рыночной экономики на основе неоклассических представлений потребовала новаторских усилий в области сравнения хозяйственных систем.

Особенность метода М. Аоки – активное применение и проверка на универсальность положений общей микроэкономической теории при сравнении национальных систем в целом, и в частности таких разных моделей корпоративного управления, как англо-американская, отличающаяся повышенной ролью рынка фиктивного капитала и его институтов, и германская или японская модели с их ориентацией на банковский и межкорпоративный контроль.

Важным моментом в теоретических исследованиях является анализ моделей корпоративного управления, существующих в индустриально развитых странах, и взаимодействия с законодательной средой и финансовыми системами этих стран. Их различие проявляется главным образом в преобладающей в той или иной стране форме контроля за деятельностью руководителей компании. Несмотря на то, что каждая национальная модель спе-

цифична, в силу особенностей правовых систем, историческим развитием и структурой финансовых систем, можно выделить две основные модели корпоративного управления, каждая из которых имеет как свои преимущества, так и свои недостатки.

*1. Модель корпоративного управления,
основанная на внутреннем контроле*

Можно предположить, что основным преимуществом данной модели является поощрение одновременного участия в капитале и кредитование компании одним и тем же лицом (например, банком), что существенно сглаживает конфликты интересов и снижает «агентские издержки» (agency costs). Кроме того, такая система позволяет осуществлять постоянный контроль за принятием управленческих решений со стороны акционеров, которые, владея сравнительно крупными пакетами акций, согласны инвестировать дополнительные средства, необходимые для его осуществления. Предполагается относительно небольшая доля финансирования посредством выхода на финансовые рынки, которые осуществляют относительно слабую контрольную функцию. Следовательно, краткосрочные требования поддержания определенного уровня доходности оказывают меньшее давление на принятие решений руководителями предприятия, что дает им большую свободу действий для проведения долгосрочной инвестиционной политики. «Неявные» соглашения (implicit contracts) лучше интегрируются в модель «внутреннего» контроля, тогда как при «внешнем» контроле необходимы четкие правила, способные защитить различные подразделения компании от возможной передачи активов.

Однако многие экономисты не без основания полагают, что подобному механизму управления присущи серьезные недостатки. Действительно, институты, выступающие в роли инвесторов и осуществляющие непосредственный контроль за деятельностью компаний, имеют своих собственных акционеров и кредиторов. Отсюда возникает потенциальная опасность столкновения интересов. Очевидно, что речь идет здесь прежде всего о банках, вкладчики которых могут посредством заключения депозитных договоров (debt contracts) заставлять их осуществлять эффективный контроль над заемщиками. Так как японские и германские банки в основном финансируются за счет депозитов, исследуемая модель вполне приемлема для этих стран. Однако нельзя забывать, что существующая как в Японии, так и в Германии система страхования депозитов препятствует вкладчику «наказать» свой банк посредством более высоких процентных ставок в случае недостаточно эффективного контроля своих заемщиков. Другой недостаток состоит в том, что подобная модель корпоративного управления может привести к установлению слишком доверительных отношений между акционерами и директорами и, как следствие, – «предвзятой» оценке одних действий другими. Кроме того, крупные пакеты акций, преобладание которых характерно для этой модели, обладают меньшей ликвидностью и их реализация на финансовом рынке невозможна без значительных издержек.

*2. Модель корпоративного управления,
основанная на внешнем контроле*

Главным преимуществом названной модели, основанной на контроле со стороны финансовых рынков, является реальная угроза для директоров, действующих вопреки ожиданиям акционеров и не способствующих увеличению стоимости компании, проведение операций по захвату контроля. Одно из преимуществ – также высокая ликвидность финансового рынка, что позволяет инвестору в случае необходимости с наименьшими потерями реализовать свои активы.

Наконец, «адаптируемость» составляет важнейшее преимущество «внешнего» контроля. Действительно, наличие большого количества разнообразных обязательств при «внутренней» модели корпоративного управления может стать тормозом для проведения быстрой и эффективной реструк-

туризации, тогда как захват контроля над компанией способен обеспечить быструю и более глубокую перестройку предприятия. Тем не менее данной модели корпоративного управления присущи серьезные недостатки, один из которых заключается в том, что контроль за деятельностью директоров не носит постоянного характера и его степень зависит от многих внешних факторов. Действительно, рынок корпоративного контроля имеет циклический характер, так как объем операций по слиянию-поглощению зависит от экономических циклов. В качестве примера можно привести кредитный кризис (credit crunch) начала 1990-х гг. Известно, что коммерческие банки были основными поставщиками финансирования операций по приобретению компаний в 1980-е гг. в США. В результате кризиса общая сумма кредитов сократилась с 33 млрд долл. в 1989 г. до 2 млрд долл. в 1990 г. Доступность долгосрочного и субординированного финансирования также резко снизилась в результате кризиса рынка «низкокачественных» (below investment grade) корпоративных облигаций типа junk-bonds в конце 1989 г. Все это привело к резкому падению активности на рынке корпоративного контроля США в начале 1990-х гг.

Общие издержки, присущие модели корпоративного управления, основанной на финансовых рынках, могут быть существенно выше, чем издержки непосредственного контроля со стороны акционеров и банков по следующим причинам:

- мелкие акционеры компании заинтересованы продавать свои акции по цене, отражающей увеличение доходности, ожидаемое вследствие повышения эффективности управления компанией в результате замены команды директоров, что способно свести к нулю потенциальный выигрыш покупателя компании;
- планируемую операцию по приобретению компании практически невозможно держать в секрете, тогда как сам поиск такой фирмы предусматривает определенные издержки, а результатом могут бесплатно воспользоваться конкуренты (free-riding);
- эффективные меры защиты от захвата контроля, разработанные компаниями в 1980-е гг., значительно увеличивают издержки успешного проведения таких операций («золотые парашюты», «greenmail», «отравленные пилюли» и т. д.).

Отрицательным моментом можно считать также тот факт, что реструктурирование посредством захвата контроля имеет больше шансов нарушить обязательства предприятия перед своими контрагентами, чем перед акционерами. Кроме того, курсы ценных бумаг не обязательно отражают эффективность управления компанией и ее рентабельность. Директора заинтересованы принимать такие решения, которые прежде всего положительно влияют на курс акций, а не увеличивают стоимость компании в долгосрочном периоде.

В условиях нестабильной структуры и «размытости» акционерного капитала руководители могут быть заинтересованы в проведении политики краткосрочного инвестирования. Другими словами, они будут избегать вкладывать средства компании в долгосрочные проекты, которые могут оказать отрицательный краткосрочный эффект и тем самым подвергнуть предприятие более высокому риску захвата контроля. Нельзя также забывать и о том, что фирма может быть просто слишком крупной для приобретения каким-либо инвестором. Наконец, операции по приобретению-слиянию могут быть вызваны не только стремлением захватить контроль, но и иными причинами, например, увеличением доли компании на рынке, эффектом «синергии», уменьшением налоговых платежей и т. д.⁵

Выше были изложены сущность, преимущества и недостатки двух моделей корпоративного управления, а точнее, двух диаметрально противоположных принципов корпоративного контроля. Несмотря на многочисленные вариации (в «чистом» виде ни одна модель не существует), модель корпо-

ративного управления любой страны может быть отнесена к одной из этих двух групп по своим основным характеристикам. Очевидно, что в случае со странами с переходной экономикой речь не может идти о «копировании», а лишь о выборе некоего ориентира, приоритетного направления создания механизма корпоративного управления на основе анализа существующих в индустриально развитом мире подходов. При этом следует учитывать необходимость глубокой структурной перестройки экономики, так как модель корпоративного управления призвана обеспечить наиболее эффективное взаимодействие государства, финансовой системы и промышленного сектора в решении задач реструктурирования экономики. Страны в условиях перехода к рынку нуждаются, прежде всего, в таких механизмах управления, которые содействовали бы реструктурированию компаний и их «адаптации» к новым условиям. Поэтому особую важность имеет создание наиболее эффективной системы финансирования и контроля.

Сосуществование альтернативных моделей корпоративного управления и контроля в развитых странах означает, что возможные «уроки» их опыта для стран в переходный период не столь очевидны. Не имеет смысла судить о достоинствах каждой модели и ее применимости для переходных экономик без учета стадии развития страны, а также истории ее институтов и правового устройства. При проектировании структур корпоративного управления в первую очередь необходимо определить специфические условия, в которых работает каждая модель (или комбинация разных моделей), наличие этих условий в переходных экономиках и наиболее эффективный способ их обеспечения.

Основной задачей экономических реформ в Республике Беларусь на современном этапе является создание эффективной модели корпоративного управления и получение необходимых для реструктуризации инвестиционных ресурсов. В условиях переходного периода банки должны играть значительную роль в корпоративном управлении и контроле и не должны быть отстранены от участия в операциях с корпоративными ценными бумагами. Кроме того, финансовая система в целом должна строиться на основе «банковской» модели, предполагающей универсализацию деятельности и направление сбережений в проекты реального сектора экономики преимущественно через банковскую систему. Приведенные выводы справедливы и для Республики Беларусь, однако специфика белорусской экономики и опыт реформирования должны быть приняты во внимание для разработки более конкретных рекомендаций по построению моделей финансовой системы и корпоративного управления.

На современном этапе требуется новый – системный подход к разработке и обновлению законодательства, проведению работ по согласованию норм различных отраслей права, регламентирующих деятельность корпораций. Важнейшими факторами становятся и общая правовая среда деятельности АО, а также систематизация сопряженных правовых актов: о рынке ценных бумаг, банкротствах, правилах слияний и поглощений, защите инвесторов, инвестиционных институтах, банках и т. д. Законодательство Беларуси должно ориентироваться на активную работу банков как наиболее развитых финансовых институтов и не препятствовать их участию в акционерном капитале промышленных структур. Объективные закономерности возникновения и развития финансово-промышленных групп развитых стран, а также роль, которую они играют в современном мире, доказывают, что основным звеном реформирования экономики Республики Беларусь должен также стать путь интеграции банковского и промышленного капитала в мощные финансово-промышленные образования. Необходимо содействовать созданию вертикально интегрированных финансово-промышленных групп с активным участием крупных банков-«инсайдеров», способных не только обеспечивать предприятия группы кредитными ресурсами, но и в перспективе выступать в качестве консультантов и инвестиционных банков, т. е. спо-

способствовать эффективному привлечению ресурсов через развивающийся финансовый рынок.

Банковская система Республики Беларусь должна строиться по принципу "универсальности" своей деятельности с учетом мировой тенденции финансовой конгломерации. При этом нецелесообразно препятствовать интеграции прочих финансовых институтов, создание которых необходимо для нормального функционирования рыночной экономики, в развивающиеся универсальные банковские структуры. Роль банков видится не только в кредитовании корпоративного сектора, но также в финансовом консультировании предприятий и «выводе» их на финансовый рынок. Дальнейшее развитие финансового рынка должно происходить параллельно с развитием ряда мощных универсальных банковских структур. Такая структура позволит избежать «крайностей» иностранного опыта построения финансовой системы (ненужных ограничений на участие банков в корпоративном контроле американского типа и мер, долгое время ограничивавших развитие рынка корпоративных ценных бумаг в Германии), учесть мировую тенденцию универсализации финансового сектора и обеспечить инвестиционный процесс в условиях переходной экономики в Беларуси.

Модель корпоративного управления и контроля в Беларуси обязательно должна пройти в своем развитии этап преобладания принципов "внутреннего" контроля с активным вовлечением банков в указанную систему. Данный подход в наибольшей степени отвечает потребностям реструктуризации промышленности в условиях переходной экономики. В дальнейшем система корпоративного управления будет рассматривать иные задачи, что потребует переориентации на принципы "внешнего" контроля при высокой развитости ликвидных финансовых рынков. Проведение реформ в Республике Беларусь должно происходить с учетом изменения приоритетности задач экономического развития во времени, что позволит с наименьшими издержками создать предпосылки и обеспечить устойчивый экономический рост в стране.

¹ См.: Jensen M. The Modern Industrial Revolution, Exit, and the Failure of Internal Control System // Journal of Finance. 1993. Vol. 48. № 3.

² Радыгин А. Внешние механизмы корпоративного управления и их особенности в России // Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 80–98.

³ См.: Корпоративное управление в переходных экономиках – инсайдерский контроль и роль банков / Под ред. М. Аоки и Х.К. Кима. СПб., 1997.

⁴ См.: Ченг Ф. Ли, Джозеф И. Финнерти. Финансы корпораций: теория, методы и практика. М., 2000.

⁵ См.: Prowse S. Corporate Governance in an International Perspective: A Survey of Corporate Control Mechanisms Among Large Firms in the US, UK, Japan and Germany // Financial Markets, Institutions and Instruments. 1995. № 1.

Максименко-Новохрост Татьяна Владимировна – преподаватель кафедры экономической теории БГУ.

Н.В. ЧЕРЧЕНКО

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Процесс глобализации в его экономическом применении является одной из важнейших тенденций современной международной жизни. При этом чем выше уровень экономического развития страны, тем многообразнее формы ее внешнеэкономических связей, охватывающие внешнюю торговлю товарами и услугами, международное, инвестиционное, научно-техническое и валютно-финансовое сотрудничество.

Влияние международной торговли на экономическое развитие общества неуклонно возрастает. Так, во второй половине XX в. среднегодовые темпы роста международной торговли в полтора раза превышали темпы роста мирового объема производства. Соответственно рост зависимости стран от

международного товарообмена – это объективный, закономерный процесс, отражающий тот факт, что с точки зрения механизмов, масштабов и тенденций внешнеэкономических связей большинство стран в мире тяготеют к открытой экономике. Последняя, в частности, предполагает проявление тенденций развития национального хозяйства, задаваемых мировой экономикой, а также высокий уровень внешнеторгового оборота (не менее 25 % к ВВП), оказывающего стимулирующее (иногда тормозящее) влияние на количественные и качественные параметры экономического роста¹.

Результатом либерализации внешнеторговой сферы мирового хозяйства выступает и довольно высокая мировая экспортная квота, достигшая в 1997 г. 20 %, причем для развитых стран этот показатель составляет 27 %, а для развивающихся – 12 %². Товарная структура международной торговли за последние десятилетия претерпела ряд существенных изменений. Лидирующее положение в мировом экспорте той или иной страны, как правило, предопределяется ее позициями на рынке наукоемкой продукции и услуг.

По некоторым оценкам, мировой рынок наукоемкой продукции оценивается приблизительно в 2,3 трлн долл. ежегодно. Страны "большой семерки" контролируют 80 % рынка наукоемких изделий. Из 50 макротехнологий, создающих названный рынок, 46 составляют собственность указанных стран, а на весь остальной мир приходится 4. Поскольку США остаются лидером на главных направлениях развития фундаментальной науки, вполне закономерно, что эту страну в 1990-е гг. XX в. неизменно признают как наиболее конкурентоспособную в мире. Что касается России, то на ее долю приходится менее 1 % рынка наукоемкой продукции³.

Объектами мирового рынка технологий являются результаты интеллектуальной деятельности как в овеществленной, так и неовеществленной форме. Научно-технические знания, выступая как товар, могут иметь вид патентов, производственного опыта, ноу-хау, образцов техники и др. Практически весь объем передачи технологии в коммерческой форме оформляется или сопровождается лицензионным договором. Поэтому международная торговля лицензиями считается основной формой научно-технического обмена между странами, причем на долю США приходится абсолютное большинство продаж лицензий в мире и очевидно, что она развивается потому, что приносит ее участникам выгоду: так, по оценкам экспертов ООН, покупатели платят за приобретенные лицензии 1–10 % стоимости реализованной продукции, выпущенной на основе лицензионных соглашений.

Последняя четверть XX в. характеризуется бурным развитием сферы услуг, которой в настоящее время производится более половины ВВП промышленно развитых стран, в них занято до 50 % экономически активного населения. По прогнозам, к 2010 г. торговля услугами превысит торговлю товарами. Во всем мире *под услугой принято понимать такую деятельность, которая не воплощается в материальном продукте, а всегда проявляется в некотором полезном эффекте, который получает потребитель*. Однако важно учитывать, что отдельные их виды имеют элементы осязаемости (например, компьютерная программа на дискете) и видимости (например, спектакль). В соответствии с международной практикой **услуги** могут классифицироваться как *коммерческие*: почт и связи, строительные работы, торговые; в сфере образования, по охране окружающей среды, в области финансового посредничества, в сфере здравоохранения и социальной области, связанные с туризмом, по организации отдыха, культурных и спортивных мероприятий; транспорта и пр. Наиболее быстро в международной торговле растут инжиниринговые, коммуникационные, банковские услуги, страхование и реклама, относительно медленнее развивается транспорт и туризм.

Международная торговля услугами имеет ряд отличительных особенностей: взаимосвязь с торговлей товарами, высокая степень защиты государством от иностранной конкуренции, в основном одновременное производст-

во и потребление, обуславливающее прямые контакты между производителями и потребителями и др. Географическая структура международной торговли свидетельствует, что примерно 70 % товарооборота в течение последних десятилетий приходится на промышленно развитые страны.

Международной торговле присущи весьма многообразные формы: торговля готовой продукцией, комплектным оборудованием; продукцией в разнообразном виде и в разобранном виде; кооперируемой продукцией, фрайчайзинг и фьючерсные (срочные) сделки; товарообменная (встречная) торговля. Важно отметить, что современная международная торговля постепенно утрачивает изначально присущие ей черты простой реализации на внешних рынках определенного излишка продукции и все более сводится к заранее согласованным поставкам между кооперирующимися предприятиями разных стран, где находятся международные кооперации. Соответственно направленность и структура торговых потоков зависят в первую очередь от варианта стратегии и практики компании. Организация международной торговли предполагает функционирование бирж, аукционов, выставок и ярмарок. Объектами биржевой торговли выступают примерно 70 наименований товаров (например, зерновые, живые животные и мясо, текстильные товары, пиломатериалы и фанера, цветные металлы, топливо и др.). Выделяются три центра международной биржевой торговли – США, Англия и Япония. На международных товарных аукционах производится продажа товаров, предварительно осмотренных покупателями, переходящих в собственность тому, кто предложит наиболее высокую цену. В этой связи Нью-Йорк, Монреаль, Лондон, Осло, Петербург известны, например, как центры аукционной торговли норкой, Копенгаген – голубым песцом.

Международные торги – это способ закупки товаров, размещения заказов и их выдачи, когда к определенному сроку привлекаются предложения от нескольких поставщиков или подрядчиков разных стран и заключается контракт с тем из них, предложение которого наиболее выгодно их организаторам. Наиболее часто такая организационная форма международной торговли практикуется в ЮАР, Австралии, Новой Зеландии, США и других странах. Важно отметить, что преимущественно в качестве организаторов торгов выступают государственные организации и учреждения.

Международные выставки и ярмарки позволяют продемонстрировать достижения одной или нескольких стран в определенных областях производства, науки и техники, дают возможность участникам не только выставить новые образцы товаров, но и заключить торговые сделки.

На практике международная торговля нигде и никогда не развивалась без вмешательства государства. В современных условиях, когда национальные экономики становятся все более открытыми, государство в своей макроэкономической политике все более учитывает прямые и обратные связи процессов, протекающих внутри хозяйства и во внешнеэкономической сфере, в связи с тем, что внутреннее экономическое равновесие не может быть достигнуто без использования инструментария, в частности внешнеторгового регулирования. Из двух основных видов внешнеторговой политики – *протекционизма* и *либерализма* – второй является доминирующим. Большая работа по либерализации международной торговли была проделана в рамках ГАТТ (Генерального соглашения по тарифам и торговле) и недавно созданной на его основе ВТО (Всемирной торговой организации). Объектом внешнеторговой политики преимущественно выступает импорт, а среди ее инструментария нетарифные преобладают по сравнению с тарифными. Уменьшение уровня таможенного обложения, будучи генеральным направлением в развитии регулирования внешней торговли, существенно ограничивает возможности таможенно-тарифного регулирования в целом. В рамках современной международно-правовой системы возможность принятия страной односторонних мер по изменению таможенно-тарифных ставок исключается. Для изменения тарифов требуются длительные международные

консультации. Стремление сохранить за государственными управленческими структурами механизмы быстрого реагирования на изменяющиеся внешние условия предопределяет широкое распространение нетарифных барьеров. Речь идет о специальных налогах на импортные товары, экспортных субсидиях, квотах и лицензиях, "добровольном" ограничении экспорта и др.

Ведущие позиции в товарообороте Республики Беларусь занимают транспортные средства, машины, оборудование, механизмы, химическая продукция, текстиль и текстильные изделия, драгоценные металлы и изделия из них, минеральные продукты и др.

Как известно, сальдо внешней торговли Республики Беларусь является отрицательным. В числе причин, сдерживающих поставки продукции на экспорт, можно назвать работу с фирмами на условиях полной предоплаты вследствие снижения платежеспособности предприятий и населения в России и странах СНГ, рост курса доллара на валютном рынке, а также дефицит оборотных средств. Очевидно, улучшению внешнеторговой деятельности способствовали бы, например, установление единого курса валюты во избежание искажений в ценообразовании и государственной статистической отчетности, убытков, падения рентабельности и в целях развития экспортного потенциала; снижение доли обязательной продажи валюты белорусскими экспортерами, а также введение единой коллективной валюты в СНГ по образцу СДР (Специальных прав заимствования) или ЭКЮ (ЕВРО).

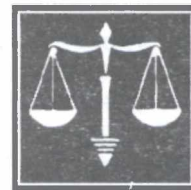
¹ См.: Игошкин В. С. Международные экономические отношения. Казань, 1993.

² См.: Сироткин О. Технологический обмен России на рубеже XXI века // Экономист. 1998. № 4.

³ См.: Королев И. 1997 год в мировом экономическом развитии // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 8.

Черченко Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент БГУ.

Права

А.С. РУБИС

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФУНКЦИЯХ ПРОКУРОРА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА ДОЗНАНИЕМ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ В ПЕРИОД С 1917 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В правовом государстве должна усиливаться роль прокурорского надзора, который является гарантом четкого исполнения всех законов, инструментом для ликвидации нарушений и искажений законности. Для того чтобы создать стройную и действенную систему прокурорского надзора, необходимо тщательно изучать весь процесс его развития в нашей стране.

Из господствующей до последнего времени точки зрения на развитие законодательства о полномочиях и взаимодействии органов прокуратуры и предварительного следствия следовало, что «Великая Октябрьская социалистическая революция, разбив старую государственную машину и создав новый, высший тип государства, уничтожила и реакционную царскую прокуратуру»¹. При этом практически все авторы, исследовавшие данный вопрос, ссылались в обоснование своих доводов на Декрет о суде № 1, который гласит об «упразднении донныне действующего института судебных следователей и прокурорского надзора», и давали данному факту историко-политическую, а не научно-правовую оценку, так как фактически никакой новой системы прокурорского надзора создано не было.

Опубликованный 24.11.1917 г. Декрет о суде № 1 официально не разграничивал функции раскрытия уголовных преступлений на дознание, осуществляющееся на практике органами милиции, и предварительное следствие, производившееся в зависимости от подсудности дела следственной комиссией либо народным судьей единолично. Официально образование рабоче-крестьянской милиции было провозглашено постановлением «О рабочей милиции», принятом на II Всероссийском съезде Советов (ноябрь 1917 г.).

Для организации руководства милицией был образован Народный комиссариат внутренних дел, в ведение которого был отнесен довольно большой перечень задач, в частности охрана революционного порядка и общественной безопасности (рабоче-крестьянская милиция и уголовный розыск). Что касается процессуальной деятельности подразделений милиции и уголовного розыска НКВД, то на первых порах она выражалась в исполнении ими распоряжений следственных комиссий по производству арестов, розыску и задержанию преступников, ограждению места происшествия, а также других распоряжений в связи с расследованием уголовных преступлений. Рассматривая дознание и предварительное следствие как две формы единого процесса раскрытия преступлений, законодатель еще не проводил четкой грани между ними. Эту задачу в определенной степени выполнил Декрет о суде № 2² от 07.03.1918 г. Согласно данному декрету устанавливался перечень дел, отнесенных исключительно к ведению следственных комиссий. По остальным уголовным делам народный суд определял – направлять ли дело в

следственную комиссию либо направлять в милицию для проведения дознания. При этом, хотя дознание и рассматривалось как первоначальный и вспомогательный этап в расследовании и раскрытии преступлений, собранные в ходе дознания материалы имели такое же доказательственное значение, как и материалы предварительного расследования.

Надзор за законностью деятельности милиции по конкретным уголовным делам осуществляли следственные комиссии и местные народные судьи. Получив материалы дознания по делам своей компетенции, они решали вопросы о законности возбуждения дела и задержании подозреваемого, о законности избрания меры пресечения, обоснованности предъявляемого обвинения и др. Таким образом, деятельность по раскрытию и расследованию преступлений контролировалась и направлялась исполкомами, при которых состояла милиция, центральными и губернскими аппаратами НКВД, губернскими отделами юстиции, следственными комиссиями и местными народными судами.

В 1920 г. Наркомат юстиции издал Положение о народном суде, в котором предусматривалась замена следственных комиссий институтом единоличных следователей. Данным постановлением на народных следователей было возложено процессуальное руководство и надзор за законностью деятельности милиции с сохранением надзора также со стороны народных судей.

Как отмечают Л.А. Быков, Г.М. Квелидзе, «реформа 1920 г., сохранив институты предварительного следствия, обеспечила, во-первых, более тесную увязку процессуальной функции предварительного расследования с оперативно-розыскной функцией органов НКВД, чего не было при коллегиальном руководстве дознанием со стороны следственных комиссий. Во-вторых, она создавала определенные предпосылки для усиления надзорной функции в начальных стадиях уголовного процесса, поскольку следователь получал возможность своевременно направлять деятельность милиции, принимая единоличные решения в необходимых случаях»⁴. С учетом того, что в указанный период серьезно говорить о должном функционировании институтов предварительного следствия и соответственно надзора за ним нет возможности, представляется, что попытки законоотворчества по исследуемому вопросу в послереволюционный период есть огромный бросок назад по сравнению с системой процессуально-правовых отношений, регулирующих производство и надзор за предварительным следствием, существовавших до Октябрьской революции.

1922–1928 гг. знаменуют собой качественно новый этап в развитии организационных форм обеспечения законности. В первую очередь это образование прокуратуры, а также издание в дальнейшем уголовно-процессуального кодекса, регламентирующего, в частности, деятельность следователя и прокурора.

Так, в постановлении III сессии ВЦИК РСФСР IX созыва от 28 мая 1922 г., утвердившей новый законодательный акт о прокурорском надзоре, указывалось, что прокуратура учреждается «в целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью»⁵. Ст. 13 указанного положения определяла, что в круг обязанностей прокурора входит надзор и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу и мере пресечения, а равно и по другим, связанным с производством предварительного следствия вопросам.

На прокурора по Положению возлагалась обязанность «непосредственного наблюдения за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью Государственного политического управления». Положение о прокурорском надзоре БССР, принятое III сессией ЦИК БССР 26 июня 1922 г., ничем не отличалось от аналогичного законодательного акта РСФСР. Принятый в 1922 г. УПК РСФСР

(равно как и УПК БССР 1922 г.) закрепил право прокурора: 1) знакомиться со всеми материалами дознания; 2) отменять незаконные постановления органов дознания; 3) рассматривать и разрешать жалобы на их действия по делам, требовавшим производства предварительного расследования. По остальным делам указанные надзорные действия по-прежнему осуществлял еще народный суд, хотя и в данном случае для прекращения дела материалы дознания направлялись в прокуратуру. Таким образом, в первом Уголовно-процессуальном кодексе как РСФСР, так и БССР определяется недостаточная роль прокурора в осуществлении надзора за предварительным следствием и дознанием.

Дальнейшее развитие законодательства прошло по пути расширения правомочий прокурора по надзору за расследованием, что отразилось в тех изменениях, которые были внесены в УПК РСФСР в 1923 г. В новой редакции УПК более четко и определенно выступали два порядка единого процессуального института дознания: по делам, требовавшим производства предварительного следствия и не требовавшим такового. Причем независимо от формы дознания в основе компетенции прокурора лежали те же общие положения, которые регламентировали его взаимоотношение с органами предварительного следствия. Наряду с расширением полномочий милиции как органа дознания усиливался прокурорский надзор за законностью ее деятельности. В дополнение к ранее содержащимся в УПК правомочиям прокурор мог давать обязательные для исполнения указания о производстве как следственных, так и розыскных действий; он мог отстранить лицо, производящее дознание от расследования. Любые жалобы на действия органов дознания приносились уже прокурору и им же разрешались. Лишь при несогласии жалобщика с решением прокурора вопрос рассматривался судом.

По делам, требовавшим производства предварительного следствия, органы дознания были обязаны уведомлять прокурора о начале дознания и о всех производившихся по делу следственных действиях. Закон обязывал органы дознания уведомлять прокурора о задержании подозреваемого и избрании меры пресечения. Для проведения по делу иных, кроме перечисленных в УПК, следственных действий требовалось согласие прокурора, который мог давать указания об изменении и отмене избранной органами милиции меры пресечения. Ему же принадлежало и право прекращения дознания. По сравнению с послереволюционным периодом и УПК 1922 г. проблемы прокурорского надзора находят большее отражение в действующем законодательстве. Уголовно-процессуальный кодекс БССР редакции 1923 г. был принят и введен в действие 15 апреля 1923 г. Как сам кодекс, так и основа законопроектов БССР о дальнейших изменениях и дополнениях в УПК были практически аналогичными соответствующим актам РСФСР, за отдельными исключениями.

В это же время в РСФСР продолжался дискутироваться вопрос о реформе предварительного следствия. Мнения на сей счет разделились фактически на три части. Одни высказывались за окончательное слияние органов дознания и предварительного следствия в единый следственный аппарат, состоящий в ведении НКВД. Другие предлагали укрепить следственный аппарат НКЮ за счет увеличения его личного состава, в обоснование чего и приводились доводы о недопустимости слияния в одном органе оперативно-розыскной и процессуальной функций. Третьи предлагали сосредоточить весь следственный аппарат в органах прокуратуры, выделив его из системы НКЮ. Собранный в марте 1924 г. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции констатировал отсутствие принципиальной разницы в процессуальной деятельности органов дознания и предварительного следствия и высказался за всемерное расширение подследственности органов милиции. Это нашло отражение в коренных изменениях закона о подследственности и соответственно внесло дисбаланс в отношении прокурора и осуществления им функции по надзору за предварительным следствием и дознанием.

В результате произошедших в указанном выше УПК изменений спределявшая подследственность ст. 108 УПК РСФСР требовала обязательного производства предварительного следствия менее чем по одной трети всех дел о преступлениях, предусмотренных действующим в тот период уголовным законодательством. Остальные две трети полностью расследовались в процессуальном режиме дознания. Рядом законодательных актов в последующем роль прокурора по осуществлению надзора за производством дознания была низведена фактически до «посреднической» функции. Так, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 16.11.1924 г. «О дополнениях и изменениях положения о судостроительстве РСФСР»⁶ содержащиеся ранее в УПК указания на прокурора как лицо, обязанное осуществлять надзор за законностью действий органов дознания, оказались в большинстве случаев замененными указаниями на следователя.

В ряде случаев там, где ранее надзор за дознанием осуществлялся и прокурором, и следователем, он оказался возложенным лишь на последнего. Наиболее полно эти изменения получили свое закрепление в ст. 107 УПК, где прямо указывалось, что «надзор за производством дознания по каждому отдельному делу принадлежит следователю, в участке коего состоит данный орган дознания». Новая редакция ст. 107 УПК оставляла за прокурором лишь «общий надзор за действиями органов дознания»⁷. Следователь, в частности, санкционировал производство процессуальных действий органов дознания, он был обязан рассматривать и разрешать жалобы на действия органов дознания, наконец, следователю, а не прокурору (как это было раньше) направлялись материалы дознания для проверки и решения вопроса о придании обвиняемому суду либо прекращении дела. Таким образом, реформа значительно сузила объем надзорной функции прокурора, поскольку основная масса уголовных дел в результате производственных изменений поступала в суд, минуя прокуратуру.

Указанное положение дел и на практике, и в теории не могло не поставить вопроса о взаимоотношениях прокурора и следователя по осуществлению надзора за органами дознания, так как данный вопрос в УПК не был урегулирован. По мнению М.С. Строговича и В.А. Карницкого⁸, «исходя из общего положения прокурора и следователя в процессе, а также из ст. 118 УПК, совершенно ясно следует, что при разноречивых указаниях следователя и прокурора по одному и тому же делу органы дознания исполняют требования прокурора и сообщают об этом следователю. Точно так же совершенно бесспорно, что следователь, давая направление делу, полученному в порядке ст. 105 УК от органов дознания, обязан исполнить указание прокурора, если последний таковое не находит нужным сделать. Обязанность эта вытекает как из права прокурора осуществлять общий надзор за действиями органов дознания, так и из ст. 118 УПК, которая гласит, что «надзор за производством предварительного следствия осуществляется прокурором, который знакомится с актами предварительного следствия и вправе давать указания следователю о направлении и дополнении следствия. Указания, сделанные прокурором, обязательны для следователя»⁹.

Говоря о надзоре прокурора непосредственно за производством предварительного следствия, следует отметить увеличение по сравнению с послеволюционным периодом роли процессуального контроля со стороны прокурора. Вместе с тем по объему процессуального контроля полномочия прокурора были меньше, чем аналогичные, предусмотренные Уставом уголовного судопроизводства.

Функции прокурора в исследуемый период по осуществлению надзора за предварительным следствием можно разложить на следующие составляющие:

1. Право прокурора возбуждать дела (статьи 9, 91 и 4, 108 УПК).
2. Право прокурора знакомиться с делом осуществляется в форме изучения материалов дела на любом этапе следствия и тех письменных сообще-

ний, которые прокурор получает от следователя. При этом по сравнению со старой редакцией ст. 118 УПК право прокурора знакомиться с материалами следствия фактически перерастает в обязанность. Следователь обязан сообщить прокурору о начале предварительного следствия (ст. 110), о приостановлении либо прекращении следствия (ст. 204, 205 УПК). В отличие от Устава уголовного судопроизводства действующий в исследуемый момент УПК не предусматривал личного присутствия прокурора при производстве следственных действий.

3. Право прокурора давать следователю указания «о направлении и дополнении следствия». При этом, в отличие от Устава уголовного судопроизводства, все указания прокурора обязательны для исполнения следователем без условного деления их на «законные» и «незаконные».

4. Право прокурора требовать проведения дополнительного расследования, если он признает следствие неполным. Указания, данные следователю при возвращении дела для производства доследования, являются обязательными (ст. 227 УПК).

5. В отличие от ст. 493 УУС статья 220 УПК гласит, что определение, вынесенное прокурором по жалобе на действия следователя, немедленно приводится в исполнение. В случае несогласия следователя или жалобщика с постановлением прокурора – последнее может быть обжаловано им в губернском суде.

Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1927 г. фактически сохранил три четверти статей кодекса 1923 г. и явился, по сути дела, продуктом приведения УПК в соответствие с Основами Уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г.

Как было отмечено, в то время следователи находились в организационном подчинении суда, и лишь небольшая часть следователей по важнейшим делам подчинялась непосредственно прокуратуре, которая сама входила в состав Народного комиссариата юстиции. Решение о передаче органов следствия в полное подчинение прокуратуре Наркомюст РСФСР принял в 1928 г.¹⁰ В Белоруссии данный процесс состоялся раньше.

Анализируя и сравнивая дальнейшую деятельность в БССР в части дополнений к УПК по исследуемому вопросу, следует отметить, что в Белоруссии функция процессуального контроля прокурора за ходом следствия имела тенденцию к расширению. Так, Постановление ЦИК СНК от 13.04.1929 г. расширило право прокурора при осуществлении надзора за предварительным следствием, предоставив ему право прекращения уголовных дел в стадии расследования¹¹. Постановлением ЦИК и СНК БССР от 22.10.1934 г.¹² была дана новая регламентация процессуального порядка возбуждения уголовного дела, требовавшая утверждения его прокурором.

Несмотря на декларации о надзоре за ходом уголовного преследования, изложенные в Постановлениях ЦИК и СНК СССР от 20.06.1933 г. «Об учреждении прокуратуры СССР»¹³ и «Положение о Прокуратуре СССР» от 17.12.1933 г.¹⁴, 1930–1950-е гг. можно охарактеризовать периодом процессуального упрощенчества как при проведении предварительного следствия, так и прокурорского надзора за ним. Создалось явно ненормальное положение, при котором государственный орган, призванный осуществлять надзор за точным исполнением законов, в том числе и за производством предварительного расследования, сам действовал при отсутствии законодательного акта, определяющего порядок, пределы и компетенцию его деятельности¹⁵.

24 мая 1955 г. Президиум ВС СССР принял новое Положение о прокурорском надзоре в СССР, в главе III которого определил полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона в деятельности органов дознания и предварительного следствия. Так, прокурору при осуществлении надзора за расследованием преступлений были предоставлены следующие права: 1) давать органам дознания и предварительного следст-

вия указания о расследовании преступлений, об избрании, изменении или отмене в отношении обвиняемого меры пресечения, а также о розыске скрывшихся преступников; 2) требовать от органов дознания и предварительного следствия для проверки уголовные дела, документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях; 3) участвовать в производстве предварительного следствия и дознания по уголовным делам и в необходимых случаях лично производить расследование по любому делу; 4) возвращать уголовные дела органам дознания и предварительного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования; 5) отменять незаконные и необоснованные постановления органов дознания и предварительного следствия; 6) отстранять следователя или лицо, производящее дознание по делу, от дальнейшего ведения следствия или дознания, если этими лицами допущено нарушение закона при расследовании дела; 7) изъять любое дело от органа дознания и передать его органу предварительного следствия, а также передать дело от одного органа предварительного следствия другому в целях обеспечения наиболее полного и объективного расследования дела; 8) поручать органам дознания выполнение отдельных следственных действий по делам, находящимся в производстве следователей органов прокуратуры, в частности, о задержании, приводе, аресте обвиняемого, производстве обыска, выемке, о розыске скрывшихся преступников; 9) прекращать уголовные дела по основаниям, указанным в законе¹⁶.

Принятый на основе Закона о судеустройстве Союза ССР от 25.12.1958 г.¹⁷ УПК Республики Беларусь 1960 г., введенный в действие с 01.04.1961 г., фактически продублировал объем полномочий прокурора при осуществлении надзора за предварительным следствием и дознанием. (ст. 211 УПК Республики Беларусь 1961 г.). Таким образом, законодатель последовательно и целенаправленно идет по пути увеличения полномочий прокурора при осуществлении надзора и криминалистического контроля за предварительным следствием, что, по нашему мнению, является, бесспорно, обоснованным и закономерным процессом. В УПК Республики Беларусь 1999 г. законодатель еще более конкретизировал и расширил полномочия прокурора в исследуемой части, усилив его как организационно-распорядительные, так и процессуально-криминалистические функции.

Несмотря на то что Положение о Прокурорском надзоре 1955 г. сыграло ключевую роль в укреплении прокурорского надзора за следствием и дознанием и явилось, по сути дела, базовой основой исследуемых полномочий прокурора как по УПК 1961 г., так и УПК 1999 г., в то же время заложенные там основы нуждаются в некоторых дополнениях. Так, развитие преступности в сфере экономики привело к необходимости прямо отражать в регламентирующих полномочия прокурора законах и нормативных документах его роль в деятельности по выявлению преступлений. Именно в аналогичном Положению о прокурорском надзоре документе – в Законе о Прокуратуре Республики Беларусь – надо было подчеркнуть, что он является руководителем этого вида деятельности в системе государственных органов.

Отметим, что данная сторона необходимой деятельности прокурора не нашла закрепления и в новом УПК 1999 г. Несмотря на то что вновь принятый УПК, как было отмечено, существенно расширил права прокурора, анализ его деятельности по выявлению преступлений еще нуждается в самостоятельном анализе.

¹ Советская прокуратура. Сборник документов. М., 1981. С. 3.

² СУ РСФСР. 1917. № 4. С. 50.

³ Советская прокуратура. Сборник документов. М., 1981. С. 11.

⁴ Быков Л.А., Квелидзе Г.М. Прокурорский надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия МВД. Тбилиси, 1975. С. 12.

⁵ СУ РСФСР. 1922. № 36. С. 424.

⁶ СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 782.

- ⁷ УПК РСФСР. М., 1926. С. 119.
⁸ См.: Строгович М. С., Карницкий Д. А. УПК РСФСР. Текст и постатейный комментарий. М., 1926. С. 119.
⁹ УПК РСФСР. М., 1926. С. 138.
¹⁰ См.: Еженедельник советской юстиции. 1928. № 26. С. 749.
¹¹ См.: СЗ БССР. 1929. № 14. Ст. 72.
¹² См.: СЗ БССР. 1934. № 42. С. 203–204.
¹³ См.: СЗ СССР. 1933. № 40. Ст. 239.
¹⁴ См.: СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 2-а, 2-б.
¹⁵ См.: Руденко Р. А. Задачи дальнейшего укрепления социалистической законности в свете решений XX съезда КПСС // Советское государство и право. 1956. № 3.
¹⁶ См.: Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.
¹⁷ См.: Ведомости ВС СССР. 1959. № 1.

Рубис Александр Сергеевич – помощник первого проректора БГУ.

А. В. КАПУСТИН

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, как самостоятельный институт гражданского процессуального права Беларуси появилось после утверждения 8 декабря 1961 г. Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹, которые впервые ввели в систему гражданского процессуального права республик бывшего СССР данный вид судопроизводства. В производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, предполагалось рассматривать дела, в которых взаимные права и обязанности лиц, имеющих непосредственный интерес в исходе дела, как участников соответствующего материального правоотношения регулируются нормами административного права.

Первоначально новый вид судопроизводства включал три категории дел, возникающих из административно-правовых отношений: по жалобам на неправомерности в списках избирателей; по жалобам на постановления о наложении штрафа в административном порядке; о взыскании с граждан недоимок по налогам, обязательному окладному страхованию и самообложению. С течением времени к данному виду судопроизводства были отнесены также дела по жалобам на постановления о наложении иных, кроме штрафа, административных взысканий, дела по жалобам на неправомерные действия должностных лиц, а затем и государственных органов, ущемляющие права граждан. Подобный «осторожный» подход законодателя к расширению перечня подведомственных суду дел, возникающих из административно-правовых отношений, обусловлен рядом объективных причин, главной из которых являлось признание приоритета интересов государства над интересами отдельной личности, и, как следствие, – невозможность обжалования в судебном порядке большинства дел, одной из сторон в которых выступали субъекты, представляющие государство. Для обжалования таких действий в основном предусматривался внесудебный порядок – жалобы могли быть поданы в соответствующие вышестоящие органы администрации либо вышестоящим должностным лицам. При рассмотрении в судебном порядке тех немногих категорий дел, возникающих из административно-правовых отношений, которые были подведомственны суду, существовала специфика, не характерная для искового производства. В частности, одной из особенностей являлось то, что средством возбуждения указанных дел было не исковое заявление, а жалоба. Этим законодатель подчеркивал принципиальное отличие дел, возникающих из административно-правовых отношений, от дел искового производства, которое заключалось в том, что в первом случае в процессе принимали участие субъекты, в материальном правоотношении между собой не равные; во втором же случае в процессе

участвовали равные друг другу субъекты. Все это, естественно, сказывалось на правовом положении участников производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений, при рассмотрении в суде соответствующих дел. "Жалобщик" находился в менее "привилегированном" положении, нежели истец в исковом производстве, что в первую очередь отражалось на его правах и обязанностях по отношению к субъекту, с действиями которого он был не согласен. Несмотря на то что в гражданском процессуальном законодательстве декларировался принцип равенства сторон, в производстве по делам, возникающим из административно-правовых отношений, данный принцип применялся с некоторыми ограничениями – суды как органы "единой и неделимой" государственной власти разрешали отнесенные к их ведению дела с "оглядкой" на то, что одним из участников разбирательства является субъект, представляющий государство; как следствие, у подобных субъектов было больше шансов на вынесение судебного решения в их пользу. Исходя из этого, появление и существование данного вида судопроизводства в установленной процессуальной форме было вполне объяснимо – государству в таком порядке намного легче "обезопасить" себя от тех или иных притязаний подвластных.

На современном этапе развития белорусского законодательства объективной необходимости в рассмотрении споров между властвующими и подвластными в отдельном виде судопроизводства, появившемся для "охраны" государства от граждан, уже нет. Носители власти как потенциальные нарушители прав, свобод и законных интересов граждан по своему правовому положению в случае предъявления к ним соответствующих требований в судебном порядке должны быть полностью приравнены к иным потенциальным нарушителям, которые вступают с гражданами в гражданские, жилищные, трудовые, семейные и иные, кроме административных, правоотношения. А это означает, что дела, возникающие из административно-правовых отношений, как и подведомственные суду дела, возникающие из иных материальных правоотношений, должны рассматриваться в исковом порядке. Соответственно средством возбуждения в суде таких дел должна стать не жалоба, а иск (возможно употребление термина "административный иск").

Некоторые процессуалисты полагают, что в делах, возникающих из административно-правовых отношений, отсутствует спор о праве, и поэтому в исковом производстве такие дела рассматриваться не могут. Так, по мнению В.В. Скитовича, в указанных делах "предмет судебного рассмотрения... – не материально-правовое требование одного лица к другому, а незаконное действие органа управления, выразившееся в издании им административного акта, нарушающего права и интересы гражданина"⁴. В этих случаях притязание заинтересованного лица направлено не к противоположной стороне, а к суду и содержит просьбу о защите права, нарушенного решением администрации, т. е. представляет собой процессуальное, а не материально-правовое требование⁵. Если согласиться с указанной точкой зрения, то придется признать, что гражданин становится не более чем "просителем", "поставщиком" суду информации о нарушениях законности со стороны соответствующих субъектов; интересы же гражданина, непосредственно заинтересованного в отмене незаконного акта, отодвигаются на второй план. Более того, суд в таком случае из органа, призванного разрешать споры, в какой-то мере превращается в "вышестоящий" по отношению к иным субъектам, в том числе и к администрации, орган. Безусловно, рассматривая дела, возникающие из административно-правовых отношений, суд проверяет законность действий соответствующих субъектов, однако такая проверка осуществляется судом не сама по себе, является не самоцелью, а необходима, чтобы разрешить спор между гражданином и субъектом, действия которого гражданином оспариваются, так как без подобной проверки разрешить указанный спор не представляется возможным. Таким образом, наличие спора о праве имеет место и при рассмотрении судом дел, возникающих из адми-

нистративно-правовых отношений, как и при рассмотрении всех иных по своей сущности исковых дел.

Ряд ученых высказываются за создание специализированных коллегий по рассмотрению административных споров в рамках общих судов либо обособленной системы органов по рассмотрению дел, возникающих из административно-правовых отношений, – административных судов, которые разрешали бы соответствующие дела на основании специально разработанных для них правил – норм административного процесса. Подобные предложения обосновываются тем, что специфика дел, возникающих из административно-правовых отношений, настолько велика, что эти дела не могут рассматриваться по правилам искового производства с отдельными изъятиями, которых явно недостаточно для эффективного разрешения таких дел⁶.

Как мы показали выше, больше не существует примата интересов государства над интересами отдельной личности. Поэтому и правовое положение имеющих непосредственный интерес в исходе дела лиц в делах, возникающих из административно-правовых отношений, должно быть таким же, каким является правовое положение соответствующих лиц в “традиционных” исковых (спорных) делах. Естественно, определенная специфика при разбирательстве дел, возникающих из административно-правовых отношений, существовать должна, что вытекает из характера административного правоотношения, рассматриваемого судом в связи с разрешением спора. Однако объективные процессуальные отличия таких дел от “традиционных” исковых дел не больше, чем процессуальные отличия исковых дел друг от друга – гражданских от семейных, семейных от трудовых и т. д. Подобная специфика при рассмотрении отдельных категорий исковых дел предусмотрена в некоторых актах материального законодательства (например, часть 1 пункта 1 ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь⁷ (далее – ГК) предусматривает правило о распределении бремени доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации; часть 4 ст. 241 Трудового кодекса Республики Беларусь⁸ (далее – ТК) предусматривает, что при рассмотрении индивидуальных трудовых споров работники освобождаются от уплаты судебных расходов; часть 2 ст. 137 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье⁹ (далее – КоБС) предусматривает, что дело об отмене усыновления ребенка рассматривается с участием органа опеки и попечительства, прокурора, а в отношении международного усыновления – также с участием Национального центра усыновления). Приведенные и многие другие специфические особенности рассмотрения дел, возникающих из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, очевидно, не являются основанием для создания специальных правил “семейного процесса”, “трудового процесса” и т. п., и даже для выделения в рамках существующего гражданского процесса специальных видов судопроизводств – по делам, возникающим из семейных, трудовых и иных правоотношений. Общих правил искового судопроизводства вполне достаточно для эффективного рассмотрения и разрешения указанных выше дел.

Абсолютно аналогично, общих правил искового судопроизводства вполне достаточно для эффективного рассмотрения и разрешения дел, возникающих из административно-правовых отношений как одного из видов исковых (спорных) дел, и сохранения отдельного вида судопроизводства для этих дел, а тем более выделение новой отрасли права – административно-процессуального – не требуется. Правила искового производства с присущими ему демократическими принципами (см. гл. 2 ГПК) в настоящее время способны обеспечить надлежащую защиту прав, свобод и законных интересов граждан, пострадавших от неправомерных действий администрации.

Исходя из всего вышеизложенного, можно предложить следующее. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, как самостоятельный вид гражданского судопроизводства необходимо

устранить и отнести все предусмотренные ГПК дела, возникающие из административно-правовых отношений, к исковому производству. На наш взгляд, наиболее обоснованным с точки зрения теории гражданского процессуального права представляется использование законодателем одного из следующих вариантов решения указанной задачи.

1. Выделение норм, содержащихся в Разделе VI ГПК "Исковое производство в суде первой инстанции", в самостоятельный Подраздел I "Общие положения" данного Раздела; при этом особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений, необходимо урегулировать в Подразделе II "Особенности рассмотрения отдельных категорий исковых дел" Раздела VI "Исковое производство в суде первой инстанции", предусмотрев в нем главу "Особенности рассмотрения дел, возникающих из административно-правовых отношений". Кроме того, для облегчения применения процессуальных норм на практике в ГПК необходимо также поместить процессуальные нормы, содержащиеся в тех или иных актах материального законодательства, которые должны быть сосредоточены, в частности, в главах "Особенности рассмотрения дел, возникающих из трудовых правоотношений", "Особенности рассмотрения дел, возникающих из семейных правоотношений" и т. д. указанного Подраздела II Раздела VI ГПК. Данные главы, в свою очередь, могут включать параграфы, содержащие процессуальные нормы, регулирующие особенности рассмотрения и разрешения судом отдельных дел, возникающих из соответствующих материальных правоотношений. Так, например, в главе "Особенности рассмотрения дел, возникающих из семейных правоотношений", можно, в частности, предусмотреть следующие параграфы: "Особенности рассмотрения дел о расторжении брака", "Особенности рассмотрения дел о признании брака недействительным", "Особенности рассмотрения дел об установлении и об оспаривании отцовства", "Особенности рассмотрения дел о лишении родительских прав", "Особенности рассмотрения дел о взыскании алиментов" и т. д. Изложенное означает, что мы высказываемся лишь за сосредоточение в ГПК гражданских процессуальных норм, уже содержащихся в актах материального законодательства; при этом в случае возникновения в будущем объективной необходимости в правовом регулировании особенностей судопроизводства по тем или иным категориям гражданских дел соответствующие новые процессуальные нормы должны помещаться в ГПК (в Подраздел II Раздела VI), а не в акты материального законодательства.

Регулирование особенностей рассмотрения и разрешения в суде всех спорных дел (возникающих из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, по использованию природных ресурсов, окружающей среды, а также административных правоотношений) в Разделе VI ГПК "Исковое производство в суде первой инстанции" значительно повысит как эффективность правоприменительной деятельности, так и роль ГПК как основного, помимо Конституции, источника гражданского процессуального права Республики Беларусь.

2. Придание ГПК характера акта гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь, регулирующего лишь общие правила искового судопроизводства. При этом процессуальные нормы, содержащие особенности, касающиеся порядка рассмотрения и разрешения судом отдельных категорий исковых дел, должны находиться в соответствующих актах материального законодательства (ГК, ТК, КоБС и др.). В настоящее вре-

* Подобные предложения уже высказывались в юридической литературе. См., например: Боннер А. Т. Судебная практика по делам, возникающим из административно-правовых отношений // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 143–145; такой же точки зрения придерживаются и разработчики проекта Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в части 2 ст. 22 которого указано: "Дела об оспаривании решений и действий (или бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц рассматриваются в порядке искового судопроизводства". См.: Юридический вестник. 1995. № 20.

мя именно такой подход в принципе и используется отечественным законодателем в отношении установления особенностей рассмотрения и разрешения всех категорий исковых дел, за исключением дел, возникающих из административно-правовых отношений.

Внутренняя логика применения подобного подхода требует принятия нормативного правового акта, регулирующего особенности судопроизводства по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Естественно, в таком случае из ГПК нормы, устанавливающие указанные особенности, должны быть исключены. В пользу данного подхода свидетельствуют традиции развития отечественного гражданского процессуального права – процессуальные нормы, регулирующие особенности рассмотрения и разрешения судом отдельных категорий исковых дел, которые традиционно содержались в актах материального законодательства, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений.

Оба рассмотренных варианта решения задачи по отнесению дел, возникающих из административно-правовых отношений, к исковому производству с точки зрения науки гражданского процессуального права вполне приемлемы, и любой из них может быть реализован в процессе реформирования гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь; причем выбор конкретного варианта должен зависеть от того, указанные выше преимущества какого из них будут признаны законодателем более значимыми.

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

² См.: Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. Мн., 1997.

³ Ведамасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. № 10–12. Арт. 102.

⁴ Скитович В. В. Судебный контроль за законностью действий должностных лиц: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1983. С. 8.

⁵ См.: Скитович В. В. Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: Автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1999. С. 36.

⁶ См., например: Студеникина М. С. Административная юстиция нуждается в четком правовом регулировании // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 11–20.

⁷ См.: Гражданский кодекс Республики Беларусь. Мн., 1999.

⁸ См.: Трудовой кодекс Республики Беларусь. Мн., 1999.

⁹ См.: Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. Мн., 1999.

Капустин Алексей Владимирович – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин и международного права факультета права БГЭУ.

А. И. КУРАК

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА

Провозглашение Республики Беларусь демократическим правовым государством предполагает значительное возрастание роли местного управления и самоуправления как фактора, во многом определяющего успех проводимых социально-экономических и политических преобразований, стабильность и прогресс в обществе. Решение этих задач возможно при обеспечении прочного правопорядка и законности, что должно рассматриваться местными Советами депутатов и исполнительными комитетами (администрациями) как одно из важнейших направлений их деятельности. Неприемлемыми, на наш взгляд, являются мнения, что борьбой с преступностью, правонарушениями и другими антиобщественными проявлениями должны заниматься только правоохранительные органы без участия местной власти. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование горизонтального подчинения органов внутренних дел негативно сказывалось на состоянии правопорядка и законности в стране, приводило к свертыванию демократических процессов, необоснованным массовым репрессиям.

В условиях проводимых радикальных преобразований в государственном и общественном устройстве Республики Беларусь, осуществления правовой реформы роль Советов депутатов и исполкомов (администраций) в области обеспечения законности и правопорядка должна усиливаться. Для практической реализации этой функции местная исполнительная власть образует отделы (управления) внутренних дел, которые им подчинены и подконтрольны. Однако это руководство носит специфический характер, так как органы внутренних дел одновременно находятся в подчинении и своих вышестоящих ведомственных учреждений. Причем вертикальная линия управления ими является преобладающей, что обусловлено необходимостью проведения единых требований центра, осуществления квалифицированного ведомственного контроля за их работой.

По своему характеру, методам и способам реализации виды деятельности органов внутренних дел довольно многообразны. Можно выделить два ярко выраженных юрисдикционных направления. Одно из них осуществляется криминальной милицией и связано с оперативно-розыскными мероприятиями и дознанием. Руководство ими проводится в централизованном порядке, по "вертикали", на основе уголовно-процессуального законодательства и специальных ведомственных актов (приказов, инструкций и т. д.) Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Местные Советы и исполкомы (администрации) руководят административной деятельностью (охрана общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения, соблюдение паспортной системы и т. д.), осуществляемой преимущественно милицией общественной безопасности. В процессе этой деятельности решаются вопросы, непосредственно входящие в компетенцию местных органов власти в области обеспечения законности, защиты прав и свобод граждан с учетом местных условий, обстановки, особенностей быта, национального состава населения и т. д.

В силу данных обстоятельств именно на милицию общественной безопасности прежде всего распространяется руководящее воздействие местных органов власти. Между ними существует наиболее тесное взаимодействие, и для решения правоохранительных задач в практике выработались различные его формы – проведение совместных мероприятий по укреплению законности и правопорядка, рассмотрение данных вопросов на сессиях Советов и заседаниях исполкомов (администраций) с принятием соответствующих решений и т. д.

Вместе с тем уровень руководства местных органов власти отделами (управлениями) внутренних дел, эффективность их взаимодействия серьезно снижается из-за отсутствия надлежащей правовой базы, что оказывает негативное влияние и на результативность их деятельности по обеспечению законности и правопорядка на подведомственной территории. Несмотря на довольно большое количество изданных нормативно-правовых актов как периода существования СССР, так и в постсоветское время, в них так и не была выработана четкая компетенция местных Советов и исполкомов по обеспечению законности и правопорядка, руководству подчиненными органами внутренних дел. Их полномочия, определяемые в самой общей форме, автоматически переносились из предыдущего акта в последующий. Так, недавно отмененные законы об областном¹, районном², городском³ Советах депутатов ограничивались указанием, что данные Советы осуществляют руководство подчиненными органами внутренних дел, обеспечивают контроль за соблюдением правил паспортной системы. Закон о поселковом и сельском Совете⁴, закрепляя их право контроля за деятельностью участковых инспекторов милиции, не определил конкретных полномочий и процессуальных механизмов, необходимых им для выполнения данных задач.

Важным событием для работы органов внутренних дел явилось принятие 26 февраля 1991 г. Закона Республики Беларусь «О милиции»⁵. В результате нормативно-правовая основа функционирования милиции приобрела ка-

чественно более высокий уровень. Была конкретизирована ее компетенция, усовершенствована система управления ею. В то же время, как показала практика, Закон разрешил далеко не весь комплекс насущных вопросов, имеющих важное значение для повышения эффективности деятельности милиции. Во многом остался неразрешенным и вопрос четкого правового определения и разграничения предметов ведения и объема централизованного и местного руководства органами внутренних дел и, прежде всего, милицией общественной безопасности. По поводу ее «горизонтальной» подведомственности Закон «О милиции» (ст. 45) устанавливает лишь, что «органы государственной власти, осуществляя контроль за работой милиции, не вмешиваются в ее оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность, а также в производство по делам об административных правонарушениях»⁶. Иных, более определенных и конкретных норм Закон не содержит.

Как показали результаты проведенного автором социологического опроса, состояние правовой урегулированности института «двойного подчинения» органов внутренних дел не удовлетворяет и практических работников. В ходе анкетирования такое мнение высказали 52 % опрошенных председателей горрайисполкомов столичной области и 77,7 % глав районных администраций г. Минска. Среди руководителей горрайорганов внутренних дел данных регионов эти цифры оказались еще выше – соответственно 60 и 100 %. Не стал для местных органов власти надежной правовой основой обеспечения законности, прав и свобод граждан и Закон «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»⁷, принятый в новой редакции в январе 2000 г. Более того, такое важное направление деятельности вообще выпало из перечня компетенции Советов областного уровня. В результате вопросами законности и правопорядка должны заниматься только нижестоящие Советы первичного и базового территориального уровней, в компетенции которых данная функция сохранилась. Подобное законодательное регулирование является непродуманным и нелогичным.

Следует также отметить, что за пределами правового регулирования остались и вопросы горизонтальной подчиненности отделов (управлений) внутренних дел, их взаимодействие с местными органами власти. Законодательство не дает ответа и на вопрос об ответственности работников милиции в случае, например, невыполнения ими решений органов местного управления и самоуправления. Чрезмерная «размытость» правового регулирования компетенции местных Советов и исполкомов в области обеспечения законности и правопорядка, в осуществлении руководства отделами (управлениями) внутренних дел и организации взаимодействия между ними недопустимы, ибо недостаточная определенность негативно влияет на результативность их деятельности.

На наш взгляд, при работе над совершенствованием соответствующего законодательства должны найти конкретную юридически завершенную правовую основу следующие три ключевые составляющие института «двойного подчинения» органов внутренних дел. *Во-первых*, необходимо четко определить порядок образования, реорганизации и ликвидации милиции общественной безопасности. *Во-вторых*, следует разработать логически завершенный правовой механизм, регулирующий порядок назначения на должность и освобождения от нее руководителей органов внутренних дел и их заместителей – начальников милиции общественной безопасности. *В-третьих*, необходимо четко определить и разграничить компетенцию отраслевой системы МВД и местных органов власти в вопросах руководства деятельностью милиции общественной безопасности.

Несомненно, решение рассматриваемой проблемы требует коллективных усилий ученых, практических работников МВД, представителей власти. В рамках статьи автор имеет возможность остановиться лишь на некоторых вопросах, имеющих отношение к функционированию института «двойного

подчинения» органов внутренних дел, и предложить возможные варианты их решения.

В соответствии с законодательством начальники горрайорганов внутренних дел назначаются на должность Министром внутренних дел по представлению руководителей областных управлений внутренних дел (ГУВД Мингорисполкома), согласованному с соответствующим исполкомом (администрацией). По согласованию с ними назначаются на должность вышестоящими органами МВД и заместители руководителей облгоррайорганов внутренних дел – начальники милиции общественной безопасности. Однако не исключено, что предложенная кандидатура может быть отклонена местной властью. Как быть дальше, какой может быть последующий механизм разрешения конфликтной ситуации? Ответа на данный вопрос в законодательстве нет. Согласия же исполкома (администрации) на освобождение указанных работников не предусматривается. На наш взгляд, отстранение от должности следует осуществлять при участии местных органов власти, поскольку существующий порядок решения рассматриваемого вопроса игнорирует и ущемляет «горизонтальную линию» руководства органами внутренних дел.

Опираясь на результаты социологического опроса председателей горрайисполкомов (глав администраций) и начальников органов внутренних дел, приводим возможные варианты решения рассматриваемых вопросов. Так, в случае если исполком (администрация) отклонил предложенную кандидатуру на должность начальника ОВД – на согласование представляется другая кандидатура. При отклонении и ее – вопрос выносится на рассмотрение вышестоящего органа исполнительной власти (облисполкома, Мингорисполкома) и с учетом его мнения окончательное решение по кандидатуре начальника ОВД принимает Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Аналогично можно было бы решать вопрос и освобождения начальника ОВД от должности.

Право назначения на должность и освобождения от нее заместителя руководителя ОВД, начальника милиции общественной безопасности, с учетом провозглашенного в стране курса на повышение роли местных властей целесообразно предоставить исполкомам (администрациям). При этом назначение – освобождение данных сотрудников ОВД должно осуществляться по представлению соответствующего начальника органа внутренних дел, согласованному с вышестоящим ОВД (УВД облисполкома, ГУВД Мингорисполкома). Внедрение в практику предложенных схем решения кадровых вопросов позволило бы повысить значимость «горизонтальной линии» руководства органами внутренних дел, авторитет местной власти, хотя приоритет, как и должно быть, по-прежнему оставался бы за МВД. Действующая же незавершенность правового регулирования рассматриваемой проблемы не исключает возникновения конфликтных ситуаций между местными органами власти и отраслевой системой МВД. Именно по этой причине имел место конфликт между МВД Российской Федерации и властями г. Москвы из-за освобождения от должности начальника столичного ГУВД.

Эффективность функционирования института «двойного подчинения» милиции общественной безопасности, уровень ее взаимодействия с местной властью в значительной мере определяется четкостью и правильностью разграничения компетенции по руководству ее деятельностью между местными органами власти и отраслевой системой МВД. На этот счет Закон Республики Беларусь «О милиции» (ст. 45) ограничивается общей формулировкой, в соответствии с которой органы государственной власти, осуществляя контроль за милицией, не вмешиваются в ее профессиональную деятельность. На наш взгляд, в законодательстве, отражая общие контуры направлений работы милиции, которые были бы подконтрольны местным органам власти, необходимо определить и компетенцию последних в данной сфере. В противном случае осуществление местными органами власти каких-либо

контрольных функций в отношении милиции теряет всякий смысл и значение.

Общие контуры разграничения полномочий по руководству милицией общественной безопасности между исполкомами (администрациями) и вышестоящими органами внутренних дел можно выделить следующим образом: круг обязанностей последних в данной области должен быть предельно узким, охватывающим базовые основополагающие вопросы, имеющие общереспубликанское значение. При определении компетенции исполкомов (администраций) в сфере руководства органами внутренних дел целесообразно исходить из мировой практики, свидетельствующей о том, что борьба с правонарушениями, управление полицией (милицией) все больше становится прерогативой местных властей.

Определенное сотрудничество у местных органов власти должно быть и с криминальной милицией, поскольку ответственности с них за состояние криминогенной обстановки никто не снимал. Бесспорно, объем руководства местных органов власти криминальной милицией в силу специфических методов ее работы, необходимости соблюдения служебной тайны должен быть ограничен. Целесообразно создать такой правовой механизм, чтобы руководители местной власти не оказывались сторонними наблюдателями, а проявляли заинтересованность, стремились к сотрудничеству и взаимодействию как с милицией общественной безопасности, так и с криминальной. В современных условиях не надо бояться, что местные органы власти будут оказывать последней какое-либо противодействие, станут вмешиваться в ее деятельность. Сегодня в стране развиваются демократические процессы, действует ряд госорганов (прокуратура, комитет госбезопасности, комитет по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при МВД, следственный комитет при МВД и др.), способных быть надежным «барьером» неправомерных вмешательств в работу милиции.

Отдельно хотелось бы остановиться на кандидатуре начальника криминальной милиции (одновременно является первым заместителем начальника ОВД). В соответствии с Законом Республики Беларусь «О милиции» (ст. 10) данный руководитель назначается на должность и освобождается от нее вышестоящим органом внутренних дел. Закон формально вывел криминальную милицию из подчинения местной власти, в то же время косвенно сохранив зависимость ее начальника от исполкома (администрации). Во-первых, он является заместителем начальника горрайоргана внутренних дел, который, в свою очередь, находится в определенной подчиненности у исполкома (администрации). Во-вторых, данный заместитель назначается – освобождается от должности начальником органа внутренних дел вышестоящего уровня (УВД облисполкома, ГУВД Мингорисполкома), который также находится в соответствующем подчинении у вышестоящего органа исполнительной власти (облисполкома, Мингорисполкома).

О несовершенстве положений Закона «О милиции», касающихся правового статуса криминальной милиции и ее начальника, говорит и тот факт, что формально местный орган власти не имеет права заслушать последнего о результатах его работы. В то же время исполком (администрация) обладает такими полномочиями в отношении вышестоящего должностного лица, т. е. начальника органа внутренних дел. Мы полагаем, что местные органы власти вправе заслушивать и начальника криминальной милиции. Последний, не раскрывая служебной тайны, должен уметь пояснить исполкому, почему, например, в районе низкая раскрываемость преступлений, почему его подчиненными допущены нарушения законности и т. д. По результатам отчета местные органы власти могли бы ходатайствовать перед вышестоящими органами внутренних дел о поощрении данного работника (либо поощрить своими правами) или привлечении его к ответственности.

По нашему мнению, согласовывать кандидатуру начальника криминальной милиции с местными органами власти не следует, но необходимо рабо-

тать в контакте с руководителем исполнительной власти, что должно содействовать взаимодействию местной власти и милиции в целом.

Данная работа не претендует на полное освещение всех исследуемых вопросов, но реализация ее основных положений в некоторой степени способствовала бы повышению эффективности управления органами внутренних дел со стороны местной власти и в первую очередь исполкомов (администраций) в обеспечении законности и правопорядка на подведомственной территории.

¹ См.: СЗ РБ. 1980. № 32. Ст. 654.

² См.: СЗ РБ. 1979. № 35. Ст. 612.

³ См.: Там же. Ст. 613.

⁴ См.: Там же. Ст. 614.

⁵ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1991. № 13. Ст. 150.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 2000. № 4. Ст. 39.

Курак Анатолий Иванович – старший преподаватель Минской специальной средней школы МВД Республики Беларусь, подполковник милиции.

П.И. САЩЕКО

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА ОТ НЕКОТОРЫХ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Отграничение хулиганства от смежных составов преступлений на практике вызывает значительные трудности в связи с тем, что хулиганские проявления разнообразны и законодатель при формулировании данного состава преступления вынужден использовать оценочные понятия. Кроме того, в УК 1999 г. состав хулиганства претерпел существенные изменения. Появились неизвестные УК 1960 г. признаки: применение, угроза применения насилия, уничтожение и повреждение имущества, что может вызвать на практике дополнительные сложности в отграничении данного вида преступлений от других, связанных с применением насилия, а равно от преступлений против собственности. В связи с этим важно определить критерии, позволяющие отграничить хулиганство от смежных составов преступлений, и если да, то какие именно.

По мнению В. Власова, хулиганство от иных преступлений отличается тем, что, *во-первых*, может быть совершено только активными действиями; *во-вторых*, хулиганские действия должны обладать признаком публичности; *в-третьих*, хулиганскими признаются только действия, которые нарушают общественный порядок¹. Как считает А. Игнатов, данная позиция имеет следующие недостатки: хулиганство может совершаться и не публично; а вот при отсутствии явного неуважения к обществу действия нельзя признать таковыми. Он полагает, что необходимо прежде всего определить существенные признаки данного преступления, в качестве которых выделяет объективный признак – грубое нарушение общественного порядка и субъективный признак – сознание, что действия выражают явное неуважение к обществу и предвидение грубого нарушения общественного порядка³.

Ю. Ляпуновым была высказана точка зрения, что хулиганство отличается от преступлений против личности по ряду объективных и субъективных признаков, при этом решающее значение имеют субъективные, а также должны учитываться объективные признаки обстановки совершения преступления⁴. По мнению Ю. Лубшева, разграничение хулиганства и преступлений против личности следует проводить по объекту (общественный порядок, здоровье населения), объективной стороне (непоследовательность хулиганских действий, незначительный повод для ссоры и т. д.) и субъективной стороне преступления в совокупности. В. Калмыков полагает, что "для того, чтобы установить содержание и направленность умысла виновного и тем самым

отграничить хулиганство от преступлений против личности, необходимо тщательно исследовать все обстоятельства по делу⁶.

На наш взгляд, отграничение хулиганства от преступлений против личности вызывает сложности лишь тогда, когда при применении насилия либо его угрозе был одновременно грубо нарушен общественный порядок. Если же при применении насилия общественный порядок не был грубо нарушен, то отсутствует один из признаков хулиганства, а следовательно, и состав указанного преступления. Сложностей при разграничении хулиганства и преступлений против личности в указанных случаях не возникает. Из этого следует, что грубое нарушение общественного порядка не может являться определительным.

Разграничить хулиганство и преступление против личности, на наш взгляд, можно только по признаку состава хулиганства, не характерному для преступлений против личности.

По нашему мнению, следует исходить из того, что преступление, предусмотренное ст. 339 УК, может совершаться только с прямым умыслом и единственным критерием, позволяющим разграничить хулиганство и преступления против личности, является субъективная сторона преступления, а именно наличие в действиях виновного хулиганского мотива. В данном случае виновный своими действиями, которые внешне могут полностью совпадать с преступлениями против личности, преследует цель грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу. Указанную цель преследуют как сами действия, грубо нарушающие общественный порядок, так и применение насилия, его угроза, уничтожение, повреждение имущества. Конечно, преступления против личности также могут совершаться из хулиганских побуждений (например, причинение тяжких телесных повреждений), однако виновный при этом не преследует цели грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу. Нельзя, на наш взгляд, использовать в качестве критерия для разграничения хулиганства и преступлений против личности такие элементы субъективной стороны, как осознание виновным того, что его действия выражают явное неуважение к обществу, предвидение нарушения общественного порядка, поскольку любое преступление в той или иной степени выражает явное неуважение к обществу и нарушает общественный порядок.

Признаки объективной стороны преступления – обстановка, место, время его совершения – не могут служить разграничительным критерием, поскольку не являются обязательными в составе преступления, предусмотренного ст. 339 УК. Способы совершения хулиганства, в том числе применение насилия, угроза его применения, уничтожение, повреждение имущества являются одновременно посягательством на личность (собственность) и поэтому сами по себе не могут разграничивать рассматриваемые преступления. Обстановка, способ, время, место совершения преступления, предшествующие проступку, равно как и посткриминальное поведение, не являясь элементами состава преступления, предусмотренного ст. 339 УК, также не позволяют отличить хулиганство от смежных преступлений. Так, Ю. Лубшев отмечает, что насилие, порожденное хулиганскими побуждениями, отличается от насилия по личным мотивам лишь отдельными внешними моментами конкретных преступных проявлений, их интенсивностью, продолжительностью и последовательностью⁷.

Объект преступления не может использоваться для разграничения хулиганства и смежных преступлений, поскольку находит свое выражение только через другие элементы состава преступления (объективную, субъективную сторону совершения действий), а сложность при разграничении возникает как раз тогда, когда объективная сторона хулиганства и преступлений против личности внешне совпадает.

Принимая во внимание, что УК 1999 г. введен в действие лишь с 1 января 2001 г., т. е. сравнительно недавно, в Республике Беларусь еще не сложилась практика применения ст. 339 УК, еще не выработаны критерии

разграничения хулиганства и преступлений против личности. В связи с этим представляет интерес судебная практика российских судов по уголовным делам о хулиганстве, тем более что ч. 1 ст. 339 УК Беларуси 1999 г. и ч. 1 ст. 213 УК Российской Федерации 1996 г. сформулированы практически одинаково.

Как видно из Обзора надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, Верховный Суд придает важное значение правильному *установлению мотива преступления*, направленности умысла виновного при разграничении хулиганства и смежных с ним преступлений (что одновременно, на наш взгляд, является доказательством того, что хулиганство может совершаться только с прямым умыслом). Так, в Обзоре надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указано, что обвинительный приговор Чертановского межмуниципального суда Южного административного округа г. Москвы в отношении Б. за хулиганство отменен в связи с тем, что суд не исследовал фактические обстоятельства дела, не выяснил мотив преступления, хотя правильное установление мотива деяния имеет существенное значение для отграничения хулиганства от других преступлений⁹.

Мотивировав приговор тем, что совершены неправомерные действия в отношении пожилого человека в общественном месте, Преображенский межмуниципальный суд Восточного административного округа Москвы осудил М. по ст. 213 УК РФ за то, что он подошел к сидевшему за рулем автомашины К. и нанес ему удар кулаком в лицо. Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала такую квалификацию ошибочной, поскольку М. ударил потерпевшего не из хулиганских побуждений, а в связи с тем, что потерпевший совершил наезд, в результате которого была повреждена автомашина М., и пытался скрыться с места происшествия⁹. Таким образом, разграничение хулиганства и преступлений против личности должно проводиться по субъективной стороне преступления, правильное установление которой, в свою очередь, невозможно без полного и всестороннего исследования всех обстоятельств конкретного деяния. Представляется важным остановиться и на некоторых частных вопросах квалификации хулиганства и смежных с ним составов преступлений в УК 1999 г.

Поскольку ст. 147 УК 1999 г. предусматривает ответственность за причинение тяжких телесных повреждений из хулиганских побуждений, содеянное, как и в случае с умышленным убийством из хулиганских побуждений, квалифицируется одновременно по ст. 147 и 339 УК только в случае реальной совокупности преступлений.

По совокупности преступлений (хулиганство и соответствующее преступление против человека) должно квалифицироваться умышленное причинение в процессе хулиганства телесного повреждения, не повлекшего последствий, предусмотренных ст. 147 УК, и не опасного для жизни, но соединенного заведомо для виновного полной утратой профессиональной трудоспособности потерпевшим. Виновный, лишая потерпевшего профессиональной трудоспособности, действует с прямым умыслом, а данный признак составом хулиганства не охватывается.

По мотиву и цели преступления отличаются хулиганство и насильственные действия сексуального характера (покушение на них). В первом случае виновный желает выразить явное неуважение к обществу (об этом может свидетельствовать, например, непродолжительность действий внешне сексуального характера, их незначительность), во втором – удовлетворить половое желание. Вместе с тем, если насильственные действия сексуального характера совершаются в процессе хулиганства, являются средством совершения хулиганства, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, поскольку ни ст. 339 УК, ни ст. 167 УК полностью не охватывают всех признаков деяния.

Принуждение лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенное под угрозой применения насилия, по нашему мнению,

квалифицируется как хулиганство, если указанные действия совершены из хулиганских побуждений и преследуют цель выразить явное неуважение к обществу, а по ст. 185 УК или по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 185 и ст. 339 УК, – если совершены по иным мотивам и с иной целью.

По субъективной стороне отличаются преступление, предусмотренное ст. 339 УК, и преступления против собственности. Если виновный, применяя насилие, угрозу насилием или уничтожая, повреждая имущество, действует из хулиганских побуждений и преследует цель выразить явное неуважение к обществу, содеянное образует состав преступления, предусмотренного ст. 339 УК. Следует отметить, что ч. 2 ст. 339 УК (в том числе и в случае, когда только уничтожается (повреждается) имущество, а насилие или угроза насилием не применяются) и ч. 3 ст. 218 УК предусматривают ответственность за совершение преступления соответственно группой лиц (без предварительного сговора, по предварительному сговору, организованной группой) и организованной группой, причем ч. 3 ст. 218 предусматривает более строгую ответственность. Как представляется, умышленное грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопряженное с уничтожением или повреждением имущества, совершенное организованной группой, при отсутствии других признаков злого хулиганства или признаков особо злого хулиганства, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 339 УК и ч. 3 ст. 218 УК. В противном случае квалифицирующий признак – совершение преступления организованной группой – будет учитываться в одних и тех же действиях дважды. Если же квалифицировать такие действия только как хулиганство, то получится, что лица, совершая более опасные действия (ст. 339 УК), будут нести меньшую ответственность, чем лица, умышленно уничтожившие, повредившие имущество из иных побуждений и не нарушавшие грубо общественный порядок.

Разграничение хулиганства и смежных с ним преступлений против общественного порядка должно проводиться по объективной и субъективной сторонам преступления.

¹ См.: Власов В. Отграничение хулиганства от других преступлений // Советская юстиция. 1970. № 17. С. 7.

² См.: Игнатов А. Хулиганство и преступления против личности // Советская юстиция. 1973. № 6. С. 5.

³ См.: Игнатов А. Хулиганство и преступления против личности // Советская юстиция. 1973. № 6. С. 6.

⁴ См.: Ляпунов Ю. Соотношение хулиганства и преступлений против личности // Социалистическая законность. 1980. № 9. С. 44, 46.

⁵ См.: Лубшев Ю. Характер насилия при хулиганстве и в преступлениях против личности // Социалистическая законность. 1976. № 5. С. 66.

⁶ Калмыков В.Т. Хулиганство и меры борьбы с ним. Мн., 1979. С. 58.

⁷ См.: Лубшев Ю. Хулиганские побуждения и личные мотивы в насильственных преступлениях // Советская юстиция. 1974. № 13. С. 13–15.

⁸ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 10. С. 18.

⁹ См.: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 10. С. 21.

Сащко Павел Иванович – аспирант кафедры уголовного права БГУ. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор В.М. Хомич.

1371 p.

Індэкс 74853

ISSN 0321-0359 Веснік БДУ Сер. 3 Гіст. філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. 2001 № 2 1-116